

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ А. ДОНИША**

На правах рукописи

УДК: 929.6; 929.9

СОДИКОВА САЙЁРА АБДУРАКИБОВНА

**ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ВЯЗАЛЬНОГО ДЕЛА ТАДЖИКОВ (IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э. –
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Х. Ш. Камолов

Душанбе – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и условных обозначений	3
Введение	4-24
Глава I. Генезис и сложение вязальных традиций таджикского народа (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XIX в.)	25-58
1.1. Зарождение вязального дела	25-41
1.2. Развитие вязания в древности – первой половине XIX в. . .	41-56
Глава II. Вязальное дело таджиков в конце XIX – первой половине XX вв.	57-96
2.1. Совершенствование вязальных традиций и главные факторы его обеспечения	57-72
2.2. Трансформация традиционного вязального дела	72-96
Глава III. Развитие традиций цветового оформления и орнаментирования вязаных изделий	97-142
3.1. Формирование традиционных технологий приготовления красок и крашения пряжи для вязания	97-112
3.2. Развитие символики и семантики орнамента вязаных изделий	112-142
Заключение	143-147
Список использованной литературы	148-169
Приложение 1. Словарь терминов по вязальному искусству таджиков	170-174
Приложение 2. Иллюстрации	175-190

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

в.	- век
вв.	- века
г.	- год
гг.	- годы
до н.э.	- до нашей эры
кн.	- книга
колл.	- коллекция
п.	- пункт
р.	- река
РТ	- Республика Таджикистан
РФ	- Российская Федерация
погр.	- погребение
тыс.	- тысячелетие

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В независимом Таджикистане возрождение и сохранение народных ремесел с учетом их универсальной ценности, являющейся важной частью культурного наследия народа, признается одним из приоритетных направлений государственной политики поддержки отраслей народного хозяйства. Значительным подспорьем в реализации этой стратегической задачи стало объявление 2018 года Годом развития туризма и народных ремесел. Следующим важным шагом в этом направлении стало посвящение 2019-2021 годов развитию села, туризма и народных ремесел¹. Успешная реализация задач, подлежащих выполнению в рамках этих инициатив Лидера нации, Основателя мира и национального согласия, Президента Таджикистана Эмомали Рахмона, позволит решить комплекс актуальных проблем, в числе которых – создание условий для достойного представления национальной культуры на международной арене. С другой стороны, развитие народных ремесел и распространение домашнего труда способствует разрешению проблемы занятости населения, созданию новых рабочих мест, особенно в части привлечения женщин к общественно полезному труду².

Тем самым обеспечиваются позитивные условия для возрождения, сохранения и дальнейшего развития различных отраслей традиционных промыслов таджикского народа. На достижение поставленной цели будет сфокусировано внимание всего общества, в том числе научного сообщества. Особые задачи ставятся перед исследователями материальной культуры, которым надлежит проведение глубоких и содержательных исследований по истории и перспективам ремесленной деятельности. Накопленные знания

¹ Указ Президента Республики Таджикистан от 2 января 2019 года, № 1170.

² Послание Президента Республики Таджикистан «О направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан» (г. Душанбе, 22 декабря 2018 г.). – Душанбе: Шарки озо, 2018. – С. 29, 37.

служат залогом возрождения ремесла и его дальнейшего развития. Это значит, что актуальной задачей таджикской исторической науки в сложившихся условиях становится проведение новых исследований, направленных на выявление истоков народных промыслов и сложения ремесленных традиций, на раскрытие существенных аспектов их своеобразия. На решение данной задачи и направлено настоящее исследование, связанное с самобытной отраслью народных промыслов таджиков - вязальным делом.

Для отечественной исторической науки изучение ремесленной деятельности народа и прежде являлось одним из приоритетов. Ведь ремесло как ветвь производительной деятельности занимает важное место в структуре материальной культуры. Накопленный багаж знаний о степени развития ремесла дает возможность оценить состояние общества, уровень его социально-культурного и экономического роста в тот или иной исторический отрезок. Каждое новое исследование дополняет наши знания об этой значимой сфере материальной культуры народа, восполняет «белые пятна» - освещает вопросы, еще не отраженные в исторических и этнографических публикациях. Одним из таких «белых пятен» является история национального вязального искусства. Данная тема практически не исследована, вязальные традиции освещены лишь в считанных кратких статьях, причем поверхностно. В этих условиях актуальным представляется научное изучение генезиса вязального ремесла, его поэтапного развития, традиционных орудий труда и приемов работы вязальщиков, художественного содержания продуктов вязания.

Наиболее известным изделием ручной вязки таджиков являются *джурабы*. В 2017 году Министерство культуры РТ внесло искусство их получения в реестр нематериального культурного наследия страны. В Таджикистане введется подготовительная работа по включению *джурабов* в список культурного наследия ЮНЕСКО. Если прежде для республики

вязанные чулки ручного изготовления служили местной достопримечательностью, то теперь они стали визитной карточкой. С учетом этого, актуальным становится задача изучения истории и традиций, связанных со становлением поистине замечательного искусства их изготовления. Кроме того, таджикское общество нуждается в научно-обоснованных знаниях по символике и семантике национального орнамента, применяемого в декоре традиционных чулок.

Исследование настоящей темы важно также в аспекте очевидного возрастания интереса в таджикском обществе к своей истории и культуре, традициям и народным промыслам, открытого устремления к их возрождению. Значительным толчком к этому послужило приобретение Таджикистаном государственной независимости в 1991 г.

Степень изученности проблемы. Как показывает историографический обзор, история вязального дела таджикского народа еще не становилась предметом специального исследования. Не изучена хронология зарождения и поэтапного развития вязания, не привлечены данные археологической науки, нет анализа и обобщения на основе найденных артефактов в виде вязальных материалов и инструментов, не осуществлен поиск в материалах памятников письменности, тематически не проанализированы художественные памятники.

Вместе с тем, различные аспекты настоящей проблемы нашли отражение в опубликованных трудах фундаментального и коллективного характера, научных и публицистических статьях, альбомах и диссертационных работах. Существующая литература такого содержания, на наш взгляд, подлежит следующей группировке.

Первую группу составляют фундаментальные издания по истории таджикского народа, в которых для разных эпох этнической истории дана обобщающая оценка состояния текстильных ремесел таджиков,

неотъемлемую часть которых составляет вязальное дело. Над составлением этих трудов работали такие выдающиеся историки, как Б. Г. Гафуров¹, Б. И. Искандаров², Р. М. Масов³, Б. А. Литвинский⁴. В этих работах проанализированы сведения письменных и содержание художественных источников, систематизированы результаты исследования археологического текстиля и древних орудий труда.

Ко второй группе можно отнести монографии и статьи известных археологов В. М. Массона⁵, В. И. Сарияниди⁶, А. А. Аскарлова⁷, Б. А. Литвинского⁸, И. Н. Хлопина⁹, А. Исакова¹, Н. А. Дубовой², А. Р. Раззокова³ и

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе: Ирфон, 1989. – Кн. 1-2.

² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Душанбе: Дониш, 2012; Он же. Средняя Азия и Индия (торговые, культурные и политические связи). Краткий очерк. – Душанбе: Дониш, 1993.

³ История таджикского народа: В 6 т. / Под общ. ред. Р. М. Масова. – Душанбе, 2001-2013; Масов Р. М. Народное искусство Памира (рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2009; Он же. Народное искусство Таджикистана (тадж., рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2011 и др.

⁴ История таджикского народа / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. – Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. – М.: Наука, 1963; История таджикского народа / Под ред. Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. – Т. 1. Древнейшая и древняя история. – М.: Наука, 1998.

⁵ Массон В. М. Страна тысячи городов. – М.: Наука, 1966; Он же. Каракумы: заря цивилизации. – М.: Наука, 1972; Он же. Алтын-Депе. – Л.: Наука, 1981; Он же. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989; Он же. Культурогенез Древней Центральной Азии. – СПб., 2006 и др.

⁶ Сарияниди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М.: Наука, 1983; Он же. Бактрия сквозь мглу веков. – М.: Мысль 1984; Он же. Гонур-депе. Город царей и богов (рус., англ.). – Ашгабад, 1995; Он же. Некрополь Гонур и языческое владычество (рус., англ.). – М., 2001; Он же. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб (рус., англ.). – Ашгабад, 2002; Он же. Маргуш. Тайна и правда великой культуры (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 2008 и др.

⁷ Аскарлов А. А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1970. – №. 122. Археологическое изучение Средней Азии. – С. 64-66; Он же. Сапаллитепа. – Ташкент: Фан, 1973; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1977; Он же. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана) / А. А. Аскарлов, Б. Н. Абдуллаев. – Ташкент: Фан, 1983.

⁸ Литвинский Б. А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. – Душанбе, 1962; Он же. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М.: Наука, 1972; Он же. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М.: Наука, 1978; Он же. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии / Б. А. Литвинский, А. В. Седов. – М.: Наука, 1983 и др.

⁹ Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. – Л.: Наука, 1963; Он же. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. – Л.: Наука, 1964; Он же. Памятники развитого энеолита юго-восточной

Раззокова³ и др. Материалы этих трудов позволили в какой-то мере пролить свет на первые шаги вязального дела, зарождавшегося и получавшего распространение в древнейший период. Данный вопрос ими изучен, в первую очередь, на основе исследования обнаруженных в регионе старинных орудий вязания. В аспекте разрабатываемой темы заслуживает особого внимания работа известного археолога М. А. Бубновой, связанная с исследованием текстильных находок из поселения рудокопов XI в. в Восточном Памире, прежде всего фрагмента вязаного изделия тончайшей выделки⁴.

Третья группа включает опубликованные труды исследователей материальной культуры, изучавших сохранившиеся фрагменты древнейших вязаных изделий. Сюда мы относим произведения Е. И. Лубо-Лесниченко⁵, С. А. Яценко⁶, Г. М. Майтдиновой⁷ и ряда других ученых. Вместе с тем, нужно признать, что еще нет ни одной публикации, специально посвященной

Туркмении. – Л.: Наука, 1969; Он же. Еще раз о древности туркменского ковроделия // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб., 1992. – С. 59-61.

¹ Исаков А. И. Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). – Душанбе: Дониш, 1991.

² Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // М.: Старый сад, 2004. - С. 254-281; Сарианиди В. И. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. / В. И. Сарианиди, Н. А. Дубова // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 5. Исследования Гонур Деде в 2011-2013 гг. – М., 2014. – С. 92-111.

³ Раззоков А. Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-этнографическим данным). - Автореф. дисс... канд. ист. наук. – СПб., 1994.

⁴ Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993.

⁵ Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство и материальная культура. – М.: Вост. литература, 1995. – Т. 3. – С. 36-74.

⁶ Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). - М.: Восточная литература, 2006; Он же. На родине и на чужбине: облик костюма раннесредневековых согдийцев по изображениям // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1. - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2010. – С. 459-462; Он же. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы XIII-й международной научной конференции (СПб., 28 июня - 1 июля 2010 г.). - СПб., 2010. - С. 119-124 и др.

⁷ Майтдинова Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согды в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Она же. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. – Душанбе: Дониш, 1992; Она же. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм и др.

вопросам генезиса вязального дела в Средней Азии, формированию местных традиций в этой области ремесленного производства. Причина в том, что археологические материалы по данной теме крайне скудны.

Четвертую группу составляют публикации, в которых освещены вопросы о способах получения природных красителей, применяемых для этого материалах растительного и животного происхождения, кустарных приемах приготовления на их основе красителей и крашения ими нитей и тканей разного вида. Это, прежде всего, - отдельные работы А. К. Писарчик и Н. Н. Ершова. При всей научной ценности собранных ими этнографических материалов, отметим, что в их работах вопросам вязания отведено мало места. А. К. Писарчик ограничивается лишь примечаниями и дополнениями к монографии М. С. Андреева «Таджики долины Хуф»¹, а материалы, собранные Н. Н. Ершовым, и вовсе посвящены другой отрасли текстильного производства – ткачеству². Отдельные аспекты данной темы нашли свое отражение в докторской диссертации и опубликованных трудах таджикского исследователя М. Ф. Иброхимова. Следует, однако, констатировать обзорный характер собранных им материалов по вязальному рукоделию, так как указанный исследователь изучает картину зарождения и поэтапного развития всех отраслей ремесленного текстильного производства таджиков³.

К пятой группе мы относим сочинения по таджикской этнографии и истории костюма, в которых зафиксированы отрывистые сведения о производимых в прошлом вязаных рукоделиях, их названиях, используемых

¹ Писарчик А. К. Примечания и дополнения // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) - Сталинабад, 1958. – Вып. 2. - С. 277-486.

² Ершов Н. Н. Ткачество // Таджики Каратегина и Дарваза. - Вып. 1. - Душанбе, 1966. - С. 212-230; Он же. Каратаг и его ремесла. Историко-этнографический очерк / Н. Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1984.

³ Иброхимов М. Ф. История текстильного производства таджиков: дис. ... д-ра ист. наук. – Душанбе, 2013; Он же. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013; Он же. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006; Иброхимов М. Ф. Традиционные технологии приготовления красок и крашения в текстильном производстве таджиков / М. Ф. Иброхимов, Д. К. Раджабова // Вестник Таджикского технического университета. – Душанбе, 2012. - № 2 (18). – С. 114-117.

инструментах и технологиях, наработанных традициях. И действительно, у таджиков продукция вязального промысла находила применение, в основном, в одежде (чулки и носки, рукавицы, головные уборы (шапки и платки), джемперы с рукавами и без них, шарфы). В этом аспекте можно указать на этнографические труды О. А. Сухаревой¹, З. А. Широковой², А. К. Писарчик³, Р. Я. Рассудовой⁴, Е. М. Пещеревой⁵, С. П. Русяйкиной⁶, Р. Л. Неменовой⁷, А. Х. Хамиджановой⁸ и др. Однако эти работы, за исключением отдельных публикаций З. А. Широковой, содержат незначительный материал по вязанию. Н. А. Белинской изучены орнаментальные мотивы вязальных рукоделий и других произведений декоративно-прикладного искусства горных таджиков⁹.

Шестую группу составляют красочные альбомы, посвященные народному декоративно-прикладному искусству таджиков. В них, с учетом

¹ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. - М., 1954. - Вып. 1. Новая серия. - Т. 21. - С. 111-157; Она же. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). - М.: Наука, 1982 и др.

² Широкова З. А. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230; Она же. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. - Душанбе, 1969; Она же. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. - Душанбе, 1993; Она же. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - Душанбе, 1976 и др.

³ Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. // Труды Туркменского филиала АН СССР. – Ашхабад, 1949. - № 15; Она же. Примечания и дополнения // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) - Сталинабад, 1958. – Вып. 2. - С. 277-486.

⁴ Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зерафшанского регионов // Сборник музея антропологии и этнографии. - Ленинград, 1978. – Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 154-174; Она же. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206; Она же. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А. Л. Троицкой и Г. Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51 и др.

⁵ Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе: Дониш, 1976.

⁶ Русяйкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1959. - С. 132-214; Махова Е. И. Программа сбора материала для атласа по народной одежде / Е. И. Махова, С. П. Русяйкина // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.-Л., 1961.

⁷ Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. - Душанбе, 1998.

⁸ Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе: Дониш, 1974.

⁹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – Душанбе, 1965.

достойного места, занимаемого вязанием в структуре народного творчества, этому виду ремесла посвящены специальные разделы. В альбомах приводятся также некоторые сведения о современных народных мастерицах, бережно хранящих и популяризирующих традиции, полученные по наследству у предыдущего поколения ремесленников¹.

В седьмой группе нами сгруппированы труды исследователей и журналистов, которые в наши дни распространяются, в том числе, через СМИ. В них на конкретных примерах находит отражение вопрос о сохранившихся ремесленных традициях таджиков и усилиях по их возрождению. Так, в электронной статье «Аштские мастерицы» популяризируется промысловая деятельность членов вязального кружка из селения Ошоба на севере Таджикистана². Ряд электронных статей посвящены прославленным памирским вязаным чулкам и носкам - *джурабам*³. Иногда они сопровождаются видеоклипами, демонстрирующими демонстрирующими творчество и секреты рукоделия отдельных народных мастериц.

Восьмую группу составляют опубликованные работы научно-популярного характера. В частности, свое видение декоративной ценности памирских *джурабов* в форме изложил российский скульптор Д. Ю.

¹ Вязание // Народное искусство Памира (тадж., рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. З. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2009. – С. 104-109; Вязание и плетение // Народное искусство Таджикистана (тадж., рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. З. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2011. – С. 52-54, 195-197 и др.

² Аштские вязальщицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://meta.kz//655451-tadzhikistan-ashtskie-vyazalschicy.html>. Дата обращения 14.07.2013.

³ Тайны памирских джурабов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.djurabki.ru/article/6/Тауну-памирских-dzhurabov>. Дата обращения 24.12.2016; Правила вязки. Тайны памирских джурабов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pamir.ucoz.com/news/pravila_vjazki_tajny_pamirskikh_dzhurabov/2009-12-08-146. Дата обращения 24.12.2016; Памирские джурабы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topjt.com/news/2010/12/9/6B89872F-6FE3-409D-9552-7452B0B3E943>). Дата обращения 24.12.2016; Мамины джурабы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2016/11/26/8811>.). Дата обращения 24.12.2016; Красота – в ногах. Особенности изготовления памирских джурабов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.tajweek.tj/view/krasota--v-nogah-osobennosti-izgotovleniya-pamirskih--dzhurabov>. Дата обращения 07.08.2018 и др.

Митлянский, в конце 1960-х годов совершивший путешествие по дорогам Советского Таджикистана¹. Интерес к изучению вязальных традиций заметно вырос в годы независимости Таджикистана. В 2011 году издана небольшая брошюра П. Киматшоева и В. Алидодова о своеобразии памирских *джурабов*. Она представляет собой красочное издание, в котором анализируется символика и семантика орнамента традиционных чулок таджикских горцев. В брошюре приведены названия и фотографии более 50 видов узоров *джурабов* и предложена их смысловая интерпретация. Указанная работа не содержит исторических сведений, в ней ценность представляют собранные непосредственно на месте и зафиксированные этнографические материалы научно-популярного характера². Эти вопросы нашли отражение и в специальной публикации С. Мамадамоновой от 2010 года³.

Девятая группа литературы включает, опубликованные в журналах и сборниках научных трудов, статьи, в которых находят отражение различные аспекты этнографии таджикского народа. В этом контексте можно указать на публикации Х. Мамадамонова⁴, Л. Носировой⁵ и др. Но все эти работы объединяет то, что в них продукты вязального дела таджиков рассматриваются в аспекте этнографическом, искусствоведческом, популяризирующем, в то время как научная история промысла остается вне поля зрения авторов. Исключение составляют лишь изданные в последние годы статьи автора настоящей работы, посвященные отдельным вопросам истории и эволюции традиций вязального искусства таджикского народа⁶.

¹ Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – М.: Искусство, 1970.

² Киматшоев П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. – Хорог, 2011.

³ Мамадамонова С. Вязальное искусство жителей Бадахшана (тадж.). – Хорог, 2010.

⁴ Мамадамонов Х. Ручные семейные промыслы в Бадахшане развиваются (тадж.) // Паёмномаи фарханг («Вестник культуры»). – Душанбе, 2012. – № 2(19). – С. 88-94.

⁵ Носирова Л. Вязальное искусство в Бадахшане (тадж.) // Паёмномаи фарханг («Вестник культуры»). – Душанбе, 2017. – № 1(37). – С. 78-82

⁶ Содикова С. А. Древние истоки вязального искусства в Средней Азии / С. А. Содикова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Технологического университета Таджикистана. – № 2(27). – Душанбе,

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках реализации перспективного плана научно-исследовательской работы отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана на 2016-2020 гг. на тему «История взаимоотношений оседлого и кочевого населения Средней Азии в средневековье и новое время (политика, экономика, культура)»..

Разрабатываемая проблема вписывается в контекст актуальных направлений исторического исследования, указанных в «Перечне приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015-2020 годы». В этом стратегическом документе раздел 4.7, посвященный исследованиям культурологического характера, рекомендует ученому сообществу республики «проведение научных разработок, связанных с материальной культурой нации»¹.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является выполнение комплексного исследования по истории вязального дела таджикского народа.

В число задач исследования входят:

2016. - С. 132-135; Она же. Красильные материалы, приготовление красок и крашение пряжи для вязания в таджикском ремесленничестве // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(28). – Душанбе, 2017. – С. 167-173; Она же. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджичек (конец XIX – XX вв.) / С. А. Содикова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. – Душанбе, 2017. – С. 42-46; Она же. О художественных аспектах продуктов традиционного вязания таджиков // Вестник Таджикского национального университета. - № 3 / 5. - Душанбе, 2017. – С. 13-15; Она же. Сакральный смысл памирской вязки // Вклад молодых ученых в инновационное развитие Республики Таджикистан: Материалы республиканской научно-практической конференции (Технологический университет Таджикистана, 28-29 апреля 2017 года). – Душанбе, 2017. - С. 218-221.

¹ Республика Таджикистан. Перечень приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015-2020 гг.: Постановление Правительства РТ от 4 декабря 2014 г., № 765. – Душанбе, 2014. - С. 19.

- воссоздание общей картины генезиса и поэтапного развития вязального дела таджикского народа;
- выявление особенностей традиционного вязального дела таджиков в таких аспектах, как географическое распределение, типология производства, виды сырья и инструментов;
- определение видов применявшегося красильного сырья и источников их добывания, изучение кустарных способов приготовления ремесленниками из них красок и приемов крашения нитей, предназначенных для вязания;
- анализ декоративной составляющей продуктов традиционного вязального дела таджиков и выявление их орнаментальной семантики и символики;
- исследование терминологии таджикского вязального искусства;
- составление иллюстративного альбома по теме.

Источниковедческая база работы. Исходя из цели исследования и раскрывающих его задач, разработка настоящей темы базируется на комплексном изучении археологических (находки образцов вязаных изделий и орудий труда), художественных (изображения вязаного текстиля в памятниках искусства) и литературных (сведения, зафиксированные в памятниках письменности) источников информации.

Диссертант условно разделяет привлеченные источники на следующие категории:

1) находки старинных вязальных крючков и спиц из таких археологических памятников эпохи энеолита - бронзового века, как Гонуртепа, Сумбары, Сапалитепа, Джаркутан, Саразм и др. Они представляют большую ценность для изучения истории зарождения вязального дела в Центральной Азии. Ценные сведения получены также в

результате изучения редких находок продуктов вязания в памятниках археологии¹.

2) старинная литература, в которой можно найти некоторые сведения о времени возникновения вязального рукоделия: Это - «Бундахишн»², сочинение историка М. Табари³, “История Систана” неизвестного автора⁴, трактат “Навруз-наме” Омара Хайяма⁵, хроника Мирхонда “Равзат ус-сафо”⁶ и др. Правда, эти опосредованные сведения имеют отношение к прядению, ткачеству и другим отраслям текстильных промыслов, более свойственных равнинным районам. Также отметим неподтверждаемый характер этих материалов, которые преподносятся скорее как аксиомы, а не как предположения или утверждения авторов. Определить исторические периоды генезиса текстильных занятий на основе сведений указанных источников письменности помогают хронологические материалы из трактата А. Беруни «Памятники минувших поколений»⁷.

3) опубликованные труды А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, И. И. Гейера, М. С. Андреева и некоторых других дореволюционных русских авторов, в которых содержатся сведения о вязаных изделиях горных таджиков и их орнаментации. Иллюстративная часть книги А. А. Бобринского «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)» от 1908 г. содержит много цветных и черно-белых фототипий уникальных образцов вывязанных узоров. Их сравнение с орнаментами современных

¹ Название публикаций по результатам изучения этих памятников указаны в историографическом разделе вводной части настоящей работы.

² Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума («Дадестан-и меног-и храд»). Сотворение основы («Бундахишн») и другие тексты. - М.: Восточная литература, 1997.

³ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. – Тегеран, 2001. – Т. 1.

⁴ История Систана (Та’рих-и Систан). – М.: Наука, 1974.

⁵ Омар Хайям. Навруз-наме (тадж., рус., англ.). – Душанбе: Адиб, 2012.

⁶ Мирхонд Мухаммад ибн Ховандшоҳ. Равзат ус-сафо фи сирати –л-анбиёи ва-л-мулуки ва-л-хулафо («Сад чистоты в жизнеописаниях пророков, царей и халифов»). – Душанбе: Эр-Граф, 2004. – Кн. 1.

⁷ Беруни А. Памятники минувших поколений // Абурейхан Бируни. Избранные произведения. – Т. 1. - Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1957.

джурабов позволяет сделать выводы о преемственности традиций в области национального орнамента. Вместе с тем, А. А. Бобринский, к сожалению, не ставил задачей проанализировать узоры, опросным способом выяснить названия элементов узора и их значение¹. Высоким художественным содержанием характеризуются и *джурабы*, черно-белые фотоснимки которых вместе с иллюстрацией вязального крючка сопровождают статью И. И. Зарубина от 1916 г.² Приемы, которыми пользовались таджикские мастерицы по вязанию в своей деятельности по получению красок из многих видов растений местного происхождения, описаны в работе И. И. Гейера «Весь Русский Туркестан»³. Большая работа по изучению вязальных традиций жителей Западного Памира проделана замечательным этнографом М. С. Андреевым⁴.

4) дневники путешествий местных авторов конца XIX – начала XX века, в тексте которых встречается скудная информация о существовании вязального дела в горных районах проживания таджиков. К их числу относятся, к примеру, составленный в 1870 году «Дневник Искандеркульской экспедиции» М. Мустаджира⁵ и «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану», написанный в 1923 году Б. Кушкеки⁶. Однако в этих публикациях лишь зафиксированы факты существования промысла в том или ином населенном

¹ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М., 1900; Он же. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908;

² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148; Он же. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 3. – Петроград., 1916. – С. 89-93.

³ Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. – Ташкент, 1908.

⁴ Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир: материалы из поездки в Афганистан в 1926 г. // Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Ташкент, 1927; Он же. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. – Ташкент, 1928; Он же. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). – Сталинабад, 1958. - Вып. 2.

⁵ Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 1989.

⁶ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Ташкент, 1926.

пункте. В них не приводится описание продуктов вязания, их декор, не подчеркнуты объемы производства, размерные и качественные показатели, факты вывоза, число мастериц или хозяйств, где занимались таким рукоделием. Эта особенность свойственна и ряду другим публикациям конца XIX – начала XX вв.

Специально отметим, что попытка привлечения в качестве источника средневековых таджикско-персидских и современных терминологических словарей не дала ожидаемого результата, так как в них данное ремесло, к сожалению, не находит должного отражения¹.

5) образцы вязаных рукоделий в оригинале, изготовленных в первой половине XX века и хранящихся в музейных коллекциях и в руках у населения.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- комплексно исследована история вязального дела в Центральной Азии с древнейших времен до первой половины XX века путем системного источниковедческого подхода к изучению истории ремесленных традиций, с использованием археологических, письменных, изобразительных и этнографических источников;

- выявлены особенности традиционного вязального дела таджиков в таких аспектах, как географическое распределение, технология и типология производства, виды применявшегося сырья и инструментов;

- исследованы технологии выполнения крашения и орнаментации в традиционном вязальном деле таджикского народа;

- изучены орнаментальные традиции, исторически свойственные ремесленному вязальному производству таджикского народа и выявлена символика и семантика декоративных элементов;

¹ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (перс.). – Душанбе: Адиб, 1993, 2004. – Т. 1-2; Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (перс.). – Душанбе: Адиб, 1987-1989. - Т. 1-3.; Таджикско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во словарей, 1954 и др.

- изучена терминология вязального искусства таджиков и составлен словарь отраслевых терминов;
- составлен иллюстративный альбом по теме.

Методологическую основу исследования составили принципиальные положения современной исторической науки и искусствознания. В качестве основного методологического отправления послужила необходимость исследования истории и традиций текстильного производства в контексте многогранных связей с общественно-историческими условиями и культурной средой. При написании диссертации автором применены методы сравнительно-исторического и структурно-типологического анализа, логико-исторической реконструкции. Диссертант опирался на основные положения и достижения современной исторической науки, археологии, этнографии, искусствознания. Основу работы составили собственные разработки автора работы, которые выполнены в строгом соответствии с принципами историзма и комплексного подхода к решению поставленных задач исследования.

Хронологические рамки диссертационной работы. Нижняя хронологическая граница исследования связана с IV тысячелетием до н.э., т.е. энеолитом - периодом зарождения вязального ремесла в Центральной Азии. Верхние временные рамки исследования ограничиваются первой половиной XX века - десятилетиями, в течение которых вязальное рукоделие, уступило свои позиции на рынке товаров фабричному трикотажному производству. Вместе с тем, с целью выявления элементов преемственности основных традиций ручного вязания, их дальнейшего сохранения и развития, отдельные материалы заключительной главы работы имеют отношение к более позднему времени, включая современность. История промысла в рамках выбранных временных границ прослежена поэтапно, для составления целостной картины эволюции отрасли с учетом социально-экономических факторов развития общества.

Географические границы исследования. Территориальные рамки исследования в части зарождения и становления основных вязальных традиций включают всю Центральную Азию, в пределах которого исторически происходило формирование таджикского народа и, соответственно, эволюционное развитие вязального производства таджиков имело место на всей этой территории. В связи с этим, география исследования для 1-ой главы охватывает, как Среднюю Азию, так и пределы Казахстана, Афганистана, Пакистана, Восточного Ирана, Северо-западной Индии, Северо-западного Китая. При этом Средняя Азия, включающая территории ряда современных независимых республик - Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркмении, служит центром, в котором сосредоточены основные материалы исследования. Пределами данного региона ограничивается материал 2-ой и 3-ей глав, хронологически охватывающей период после частичного присоединения Средней Азии к России и попадания Бухарского Эмирата и Хивинского ханства в вассальную зависимость от России. В этих главах первостепенное внимание уделено горным районам (Южный Таджикистан и Северный Афганистан), послуживших географическим ядром развития отрасли и центром распространения вязальных традиций таджикского народа.

Предмет и объект исследования. Предметом исследования являются вопросы, связанные с вязальным промыслом таджикского народа: периоды и условия возникновения, этапы развития, виды и эволюция применявшихся технологий, типология производства и ее виды. Объект исследования составляют текстильные материалы и продукты их переработки, традиционные и нетрадиционные орудия труда, которые применялись в ремесленном вязальном производстве таджикского народа.

Основные положения, выносимые на защиту:

- среди отраслей национального текстильного ремесла вязальное рукоделие явилось одним из наиболее консервативных в аспекте совершенствования инструментов, развития технологии производства и орнаментальных традиций. В течение минувших тысячелетий применявшееся сырье (главным образом шерсть), форма, материал и вид (крючок и спица) вязальных инструментов, принципы орнаментации, а также сфера применения продуктов вязки (для одежды) практически не претерпели изменений. С учетом этого, изучение древней истории вязания имеет значение в основном для определения периода и географии зарождения отрасли;

- наиболее ранние археологические следы существования искусства вязки в Центральной Азии имеют отношение к энеолиту – периоду, когда синхронно зарождалось искусство ткачества. В то же время, принимая во внимание особую простоту вязального ремесла и незамысловатость инструментов для его выполнения, можно выдвинуть гипотезу о его более раннем возникновении (в 6 - 5 тыс. до н.э.);

- вопросы, касающиеся истоков зарождения вязального дела таджиков и, в целом, иранских народов, косвенно затронуты и материалами древних легенд и народной мифологии. Сведения этих источников позволяют приблизительно определить время формирования основных традиций в этой отрасли ремесла. Поразительно, что эти данные соответствуют выводам археологической науки по древнейшей истории промысла. Речь идет о середине 4 тыс. до н.э., т.е. неолитическом периоде истории Средней Азии.

- специфические формы крючка и спицы в условиях, когда они характерны и для орудий труда другого назначения, препятствуют идентификации таких артефактов в качестве орудий труда для вязания. При этих обстоятельствах косвенным свидетельством распространения вязального ремесла в древности и даже в средневековье служит широкая география

находок пряслиц, применявшихся, в том числе, для подготовки шерсти для вязки;

- вязальное рукоделие у таджиков было занятием женским, не было цеховым и выполнялось в условиях надомного труда. Наибольшего развития и распространения отрасль достигла в горных районах, где производству и использованию вязаных теплых шерстяных изделий способствовал холодный климат. Другой фактор – продолжительность холодного сезона, вынуждавшая горцев проводить много времени за домашними рукоделиями;

- в условиях ремесленного производства вязание не уступало ткачеству при их сравнении в сопоставимых количественных единицах. Причина в том, что в отличие от ткачества с его сложной и длительной технологической цепочкой, примитивным вязанием занимались в кругу каждого хозяйства, следовательно, эта отрасль промыслов была более распространенной;

- вязальным рукоделием, особенно в дофабричный период, в районах плотного расселения таджиков занимались повсюду, однако наибольшую распространенность оно имело в горных районах. Такая географическая специализация была обусловлена доступностью сырья по причине более развитого скотоводства и более суровым климатом местности;

- изделиям национальной вязки, наряду с практичностью и эстетическими функциями, присуще сакральное значение. Это их качество вытекает главным образом из семантики узоров и символики орнаментальных мотивов;

- красильное искусство таджикского народа зародилось почти одновременно с вязанием еще в энеолите. В дальнейшем взаимовлияние этих промыслов обеспечило их синхронное развитие. Сохранившиеся древнейшие и древние материальные следы красильного искусства, а также сведения в трудах древних авторов свидетельствуют о высоком уровне красильного мастерства оседлых и кочевых предков таджикского народа;

- таджикские вязальщицы пользовались покупной разноцветной шерстяной пряжей, а также сами занимались шерстопрядением, приготовлением красок и крашением пряжи. Наряду с тем, в отрасли существовала специализация по виду занятий (прядение, приготовление красок, крашение нитей, вязание). Узкая специализация позволяла мастерице сконцентрироваться на вязании, продукция которого частично шла на продажу;

- вязальное искусство занимает достойное место среди областей материальной культуры таджикского народа, оказавших влияние на становление и развитие национального орнамента. Следует особенно подчеркнуть вклад данного вида народного ремесла в развитие принципов стилизации элементов узора и установившихся канонов цветовой композиции. Одним из факторов сохранения до наших дней самобытного орнаментального искусства горных таджиков, в частности, и самобытной национальной культуры, в целом, послужили реалии их жизни – существование в окружении труднодоступных гор.

Личный вклад соискателя заключается:

- в идентификации археологических материалов (артефактов), относящихся к вязальному делу, научном обосновании такого решения и их использовании для разработки вопроса о генезисе данного вида рукоделия;

- в составлении целостной теории поэтапного развития национальных вязальных традиций;

- в изложении основных постулатов символики и семантики национального орнамента на примере оформления изделий вязального дела;

- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Научное и практическое значение работы. Содержание и основные положения работы, ее материалы могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджикского народа и других народов Центральной Азии; при подготовке обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при разработке учебных пособий и методических указаний для вузов соответствующего профиля; при составлении отраслевых словарей.

Материалы исследования могут стать значимым подспорьем в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов, археологов, в частности, в их деятельности по идентификации отдельных находок текстильных изделий. Результаты исследования могут быть использованы в процессе возрождения текстильных ремесел как отрасли художественных промыслов таджикского народа.

Апробация работы. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно–практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан. Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах кафедры дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана. Основные положения диссертации отражены в 11 публикациях автора, в том числе 4 в ведущих научных журналах, рецензируемых в ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 3 от “27 ” марта 2020 г.).

Структура, состав и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести разделов, заключения, списка использованной

литературы (177 наименований) компьютерного набора в объеме 163 страниц и 2 приложений.

ГЛАВА I

ГЕНЕЗИС И СЛОЖЕНИЕ ВЯЗАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА (IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

1.1. Зарождение вязального дела

Корни искусства вязания теряются в глубине тысячелетий. О времени и месте его возникновения ученые высказываются лишь гипотетически. Так, некоторые исследователи, например, Е. Е. Кузьмина, полагают, что оно является древнейшим видом рукоделия¹.

Вязание в неолите. Современная историческая наука связывает истоки вязального ремесла с неолитом – эпохой, с которой сносят появление искусства текстильной обработки волокна в целом. Другими словами, прием получения текстильного материала из нитяных петель был освоен человечеством примерно в одно время с прядением и, возможно, валянием кошм. Если учесть, что вязаный продукт, в отличие от ткани, может быть получен всего лишь из одного конца нити, не исключено, что вязальное ремесло, подобно искусству плетения, вполне могло предшествовать ткачеству. Такого мнения придерживается, к примеру, известный исследователь этногенеза и материальной культуры индоиранских народов Е. Е. Кузьмина².

К тому же, для выделки вязаного изделия требуется наличие менее сложного рабочего инструмента, чем ткацкий станок.

В этом случае гипотеза о примерно одновременном возникновении и распространении прядения и вязания имеет право на существование. Ведь наличие вязания как следующего, заключительного, этапа технологического

¹ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? - С. 157.

² Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? - С. 157.

процесса мог быть фактором, послужившим толчком к распространению предшествующего ему этапа (прядения).

К этому вопросу мы еще вернемся, вначале же проведем краткий обзор известных науке сведений, имеющих отношение к энеолитическому вязанию. Наиболее ранние следы существования вязального ремесла обнаруживаются археологическими находками инструментов для нанесения петель и их соединения - крючков и спиц. Образцы костяных вязальных крючков эпохи энеолита – бронзового века (4 - 3 тысячелетия до н. э.) найдены в городище Древней Маргианы Геоксюр-9 (в дельте реки Теджен)¹ и на территории Таджикистана, в оседло-земледельческом поселении Саразм² - известном центре древней и раннесредневековой согдийской цивилизации.

Однако можно ли говорить о синхронном возникновении вязального дела в Саразме и Маргиане. По всей видимости, ответ на поставленный вопрос отрицательный. Согласно заключению археологов, рождение культуры Саразма связано с общиной, переселившейся в верховья Зеравшана из Маргианы, точнее южных районов современного Туркменистана. Более того, как пишет В. М. Массон, в справедливости такого утверждения «нет никаких сомнений». Касаясь взаимоотношения собственно поселений, откуда найдены древнейшие вязальные орудия труда, в открытии раннего саразмийского поселения он видит воплощение интеррегионального значения геоксюрского феномена³. Значит, есть основания полагать, что люди, занимавшиеся обустройством энеолитического Саразма, уже владели навыками вязания. Это искусство ими было завезено в Верхний Зеравшан из Маргианы.

¹ Шишкин И. Б. У стен великой Намазги. – С. 140; Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. – С. 55, 125-126, рис. 50.

² Исаков А. И. Саразм. – С. 135.

³ Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – С. 56.

Другой источник появления саразмийской цивилизации – переселение сюда племен энеолитического периода со стороны иранского Систана. Значит, и они могли привести с собой на берега Зеравшана это прекрасное искусство вязания.

А теперь обратимся к более раннему периоду. Полагаем, что жители Средней Азии получением одежды путем петлеобразования занимались и в доэнеолитическое время. Мы уже отмечали, опираясь на аналитические рассуждения, что время зарождения вязального рукоделия и прядения примерно совпадает. С учетом этого, при обращении к истокам вязального ремесла следует принять во внимание и первые шаги прядильного дела, как наиболее ранней (с точки зрения генезиса) области текстильного производства.

Зарождение текстильных занятий, их становление как формы домашнего производства и со временем сложение в самостоятельные отрасли промыслов неразрывно связано с возникновением древнейших осело-земледельческих и земледельческо-скотоводческих культур. Далекое не случайно, пишет В. М. Массон, что именно в зонах распространения этих культур обнаруживаются первые цивилизации. По его словам, «переход к земледельческо-скотоводческой культуре ... положил начало цепной реакции совершенствования домашних производств, которое в конечном итоге привело к отделению ремесла от земледелия...»¹.

Для южных районов Средней Азии временные рамки раннеземледельческой эпохи указанный исследователь ограничивает 5 – началом 3 тысячелетий до н.э.² Хотя согласно археологическим данным, генезис в регионе текстильного производства начинается еще раньше.

¹ Массон В. М. Первые цивилизации. – С. 32.

² Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – С. 44.

Нужно отметить, что материалы и продукты текстильных промыслов, полученные еще на заре их сложения, до наших дней не могли сохраниться. Причина заключается в длительном нахождении их в условиях засоленности почвы, влажности и близости с распадающимися органическими веществами¹. При отсутствии археологических волокон и нитей эпохи неолита, наиболее ранние находки, связанные с текстильным производством, представлены деталями древнейших орудий труда. Но и их нельзя считать самыми первыми. Первые текстильные инструменты, очевидно, были деревянными и, естественно, до наших дней также не сохранились. Найдены лишь их отдельные не деревянные детали и орудия труда из других материалов (глины, керамики, кости, камня).

Материальным подтверждением существования в Средней Азии прядения в неолитический период служат артефакты в виде многочисленных пряслиц. Они служили деталями тривиальных ручных веретен каменного века, деревянные стержни которых не дошли до наших дней. Древнейшие дисковидные терракотовые пряслица 6 тысячелетия до н.э. обнаружены в древнеземледельческих оазисах, расположенных в предгорьях Копетдага (Джейтунская культура)².

Возможно, ткачества в ту пору еще не было. Это искусство, как полагают археологи И. Б. Шишкин и Г. Майтдинова, в Центральной Азии возникло в середине 6 тысячелетия до н.э.³ В этих условиях спряденные из волокон нитки использовались для пошива одежды из шкур животных и, как отмечалось, для вязания.

Находки конических пряслиц из раннеземледельческого комплекса Анау IА (5 тысячелетие до н.э.) позволили В. М. Массону указать на

¹ Майтдинова Г.М., Елкина А.К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей. – С. 74.

² Авдусин Д.А. Основы археологии. – С. 59-61, рис. 8.

³ Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. – С. 57; Майтдинова Г. Генезис костюма таджиков. Древность и раннее средневековье. – С. 30.

усовершенствование за истекшее тысячелетие приемов получения пряжи¹. К тому же, как полагает И. Б. Шишкин, прибывшие с запада, основатели поселения Анау уже владели навыками ткачества².

Много деталей прядильных орудий эпохи бронзы содержится в музейных коллекциях артефактов Джейтунской и Анауской культур. Среди них - многочисленные веретенные пряслица, найденные в самых ранних слоях поселений Геоксюра (4 - 3 тысячелетия до н.э.)³.

На территории Таджикистана материальные следы существования в неолите текстильного производства выявлены в Саразме (4 - 2 тысячелетия до н.э.), где отыскано около 200 шт. деталей текстильных орудий труда, в том числе пряслица и, как отмечалось, вязальные крючки. Среди них значительную часть (181 экз.) составляют пряслица из разнообразных пород камня и фрагментов керамики⁴.

Итак, временем зарождения в Средней Азии искусства вязания можно определить 6 - 5 тысячелетия до н.э. Сохранившиеся древнейшие орудия труда для вязания, о которых мы упомянули, использовались в энеолите. Другие археологические следы вязального дела имеют отношение к собственно бронзовому веку. Вязальный крючок из проволоки начала 2 тысячелетия до н. э. найден в долине Сурхандарьи, в городище сапалинской культуры (XVIII - XVII века до н. э.). Он имеет круглое утолщение на одном конце и тонкое закругление на другом. Ее длина составляет 11,5 сантиметров⁵.

¹ Массон В.М. Первые цивилизации. – С. 144.

² Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. – С. 86.

³ Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. – С. 125.

⁴ Исаков А.И. Саразм. – С. 135; Раззоков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма. – С. 12.

⁵ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – С. 73, табл. 33 (24); Аскарлов А. А. Сапаллитеп. – С. 92-93, 134, табл. 26 (11- 12, 19).

В пределах Сурхандарьинской долины обнаружены и древнейшие металлические вязальные спицы. Длина 15 экземпляров спиц сапалинского этапа простирается от 5 до 20 см, они изготовлены из проволоки круглого сечения (рисунок 1.1, а). Здесь также найдены 3 спицы джаркутанского этапа, датируемые концом XVII - XVI веков до н. э.¹

В Джаркутане орудия труда вязального дела лежали в могилах с женскими погребениями, что позволило В. А. Алёкшину заключить, что в древнеземледельческом обществе вязание, наряду с портновским делом, плетением корзин, прядения и ткачества, а также приготовлением пищи, были женскими занятиями².

Старинные стержнеобразные инструменты для вязания найдены археологами и в пределах древней Маргианы. Так, 2300 годом до н. э. датируются, тщательно заполированные, каменные предметы (4 штуки) из женской могилы «царского некрополя» Гонуртепе (рисунок 1.1, б), назначение которых известный археолог В. И. Сарияниди считает загадочным³. По форме они близко напоминают вязальные спицы и, скорее всего, таковыми являлись. На четырех спицах можно было связать, например, чулки и носки. Объяснимо и высокое качество полировки этих находок: очевидно, они принадлежали состоятельной семье.

Острые бронзовые стержни (3 штуки) XIV - XII веков до н.э. сохранились в непо потревоженных могилах Сумбарских могильников. Выдвинута гипотеза о возможности назначения этих предметов в качестве орудия для вязания. Вместе с тем, учитывая наличие на них фигурного навершия и расположение стержней относительно тел погребенных, И. Н.

¹ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – С. 73, 83, табл. 33 (1-12), 57 (1-3) Аскарлов А.А. Джаркутан. - С. 19, табл. 33 (17,18).

² Алёкшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. - С. 43.

³ Сарияниди В. И. Гонур-депе. - С. 242-245, рисунок 106.

Хлопин в большей мере склоняется к мысли, что они служили украшением и принадлежностью одежды¹.

Однако указанный археолог в другом месте своей монографии утверждает прямо противоположное мнение: «Спицы, как и пряслица, находились в ногах, в головах и за спиной в непосредственной близости от костяка. Один раз спицы были положены перед лицом вместе с веретеном»².

Нужно заметить, что в случае, когда старинный предмет в виде тонкого металлического стержня попадает в руки археологов в единичном экземпляре, ученые, как правило, не идентифицируют его как инструмент для вязания, даже если он действительно служил в таком качестве. Впрочем, такая картина имеет место и в случае, когда такие предметы обнаруживаются попарно или группами.

Типичный пример – статья группы сотрудников Донецкого областного краеведческого музея, в которой анализируется назначение найденных в пределах России и Украины так называемых «проколов» - заостренных изделий эпохи бронзы из кости и рога. Как пишут авторы статьи, выдвинуты самые различные гипотезы о возможных сферах использования этих предметов. Так, они могли находить применение в ткачестве как колышки для развешивания различных вещей, в качестве шильев, спиц для вязания, ткацких челноков, веретен для насадки прясла, могли быть фрагментами (зубьями) гребней для расчесывания волос, украшениями (булавками, подвесками), приготовления пищи и т.п. Версии вязального назначения «проколов» придерживается, например, О. С. Андреева, которая специально посвятила одну из своих публикаций этой теме³.

¹ Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – С. 26.

² Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – С. 81.

³ Андреева О. С. Костяные спицы из погребений эпохи поздней бронзы. – С.

Авторы указанной статьи, в свою очередь, придерживаются мнения, что «проколки» применялись в качестве орудий для кожевенного производства, по факту – шильев. Такая идентификация ими заостренных предметов, найденных в пределах 10 срубных захоронений на территории от Приуралья до Поднепровья, объяснима, с учетом поставленных задач их исследования¹. Очевидно, с таким же успехом можно оперировать фактами, аргументируя совершенно другое назначение этих «проколок».

Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что изучение истории зарождения и сложения вязального производства, даже с опорой на находки орудий труда, сопряжено с очень большими трудностями. А если учесть, что самые старинные вязаные изделия практически не сохранились, трудности выполнения настоящего исследования увеличиваются еще более.

Вязание в эпоху бронзы. В художественных источниках этой эпохи, правда, из Египта, представлены некоторые предметы одежды, которые могут быть вязаными. Это изображение женщины в одной из пирамид, занимающейся надеванием носков, иллюстрация четырех женских фигур, одетых в жакеты, скорее всего, вязаные (рисунок на стене в гробнице Аменемхета), а также рельеф (из дворца Сенахериба в Ниневии) воина в носках, напоминающих *джурабы*. Но как видим, во всех этих случаях можно лишь предполагать, что упомянутые изделия были изготовлены в технике вязания. В этом аспекте более веским источником представляется археологический артефакт в виде вязаной туфельки, обнаруженной в одной из египетских гробниц². Однако все эти источники начала 2 тысячелетия до н.э. опять же не дают никаких сведений о первых шагах этого ремесла, зародившегося, безусловно, тысячелетиями раньше.

¹ Подобед В. А. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы. – С. 279-297.

² Серпионова А. История вязания. Археологические находки и исторические данные [Электронный ресурс].

Также заслуживает внимания изображение троих пленных из Трои на древнегреческих вазах XII в. до н.э. Невольники представлены в узкой облегающей поясной одежде, сильно напоминающие вязаные штаны. Эти источники важны в том аспекте, что в нескольких вазах Древней Греции эпохи эллинизма в таких штанах представлены древнеперсидские воины, в числе которых, очевидно, могли быть и выходцы из Средней Азии.

Что касается территории Центральной Азии, здесь приходится оперировать сведениями о находке вязальных инструментов или других находок, напоминающих такие орудия труда. Бронзовые стержни длиной до 20 см, более тонкие с одного конца, обнаружены на юго-западе Туркмении, в Сумбарских могильниках XIV - XII веков до н. э. (рисунок 1.1, в). Примечательно, что здесь во время раскопок такие артефакты находили из могил только попарно, что только подтверждает их назначение в качестве инструментов для вязания. В пяти могилах они лежали по две штуки, в трех – по четыре. Во всех восьми могилах со спицами были погребены женщины, причем в таких погребениях найден и другой текстильный инвентарь – ковроткацкие ножи, иглы с ушками, шилья, пряслица от веретен. Это позволяет сделать вывод о том, что в эпоху бронзы вязанием, как и другими основными текстильными работами, занимались женщины.

Понятно предположение И. Н. Хлопина о том, что в то время полотна вязали на двух спицах, а чулки – на четырех. Это его гипотеза основана на особенностях традиционных приемов вязания этих изделий¹.

Находки нескольких костяных вязальных спиц указывают на существование вязального ремесла в андроновских поселениях 2 тысячелетия до н. э.² Металлический вязальный крючок обнаружен, кроме того, в

¹ Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. - С. 22-23, 81, 94, рис. 7(11).

² Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? – С. 156.

женском погребении древнебактрийского могильника бронзового периода Аруктау (Таджикистан, бешкентская культура)¹.

Здесь уместно еще раз сравнить время зарождения вязания и ткачества как двух самостоятельных отраслей текстильного производства. Приняв во внимание, что среди находок бронзового века нет деталей ткацкого станка, но сохранились инструменты для вязки, И. Н. Хлопин предположил, что вязание могло предшествовать ткачеству. Примитивное веретено и крючок или спицы - достаточный набор орудий труда, с помощью которых можно было изготовить вязаный шерстяной текстиль. Впрочем, как он признает, по сравнению с каменными или костяными спицами или крючками, долговечность целиком деревянных деталей ткацкого станка гораздо ниже, поэтому отсутствие этих деталей совсем не означает отсутствия в ту пору (в эпоху бронзы) производства тканей².

Для получения текстильного изделия помимо рабочего инструмента, необходимо также наличие сырья. Применительно к вязанию первостепенное значение имеет, естественно, шерсть – материал, который считается одним из первых, если не первым видом текстильного волокна. Как пишет исследователь Саразма А. Р. Раззоков, имеются археологические свидетельства, указывающие на использование саразмийцами шерсти для получения пряжи и, более того, тканей. Об этом свидетельствует сохранившийся здесь тлен шерстяной ткани, в которую были завернуты мелкие кости³. Следовательно, эта, вырабатываемая в эпоху энеолита, пряжа находила применение и в производстве вязаных изделий.

¹ Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 50, табл. 16(13).

² Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. – С. 125-126.

³ Раззоков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма. – С. 16.

Остатки шерстяной пряжи 2 тысячелетия до н.э. сохранились в одном из погребений могильника Чакка (Самаркандская область)¹. Это – косвенное свидетельство существования вязального рукоделия в долине Зеравшана в эпоху развитой бронзы.

А теперь обратимся к описанию находок наиболее ранних вязаных изделий. Уже отмечалось, что волокна и изделия из них, изготовленные в неолитический период, не сохранились. Как пишут известные археологи Таджикистана, «древние ткани Средней Азии очень редки в археологических находках. Длительное пребывание в неблагоприятных условиях – засоленность почвы, влажность и близость с распадающимися органическими веществами, отрицательно сказываются на сохранении археологического текстиля»². Другими словами, он разрушается и исчезает.

Говоря о сохранившихся вязаных изделиях или их фрагментах, имеющих отношение к бронзовому веку, вначале упомянем о территории, примыкающей к Средней Азии с востока. Среди этих находок наиболее известным является образец вязаного изделия 2 тысячелетия до н. э. высокого качества исполнения, который сохранился на востоке Центральной Азии. Речь идет о найденном в одном из погребений бугурского могильника Чумпук халате с ложными рукавами³.

Остатки вязаных или плетеных шелковых сеток для волос найдены в могильнике Алагоу (Северо-Западный Китай, западнее Дуньхуана) эпохи раннего бронзового века⁴. В этот период, называемый иногда скифским, население рассматриваемого региона было европеоидной внешности и принадлежало к древнеиранским племенам.

¹ Аскарлов А.А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде. – С. 64.

² Майтдинова Г. М. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей. – С. 74.

³ Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество. – С. 38.

⁴ Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. – С. 38.

В эпоху поздней бронзы прием вязания находил применение в изготовлении отдельных образцов *кандис* - распашной верхней одежды. *Кандис* представлял собой широкую длинную (до щиколоток), носимую на плечах роскошную накидку, с рукавами, превышающими длину руки. Один экземпляр такого, целиком вязаного, изделия конца 2 – начала 1 тысячелетия до н. э. фигурирует среди предметов одежды из Загунлука. По основным своим параметрам он близок к пазырыкскому варианту тканого кафтана этого вида¹.

Вязаные и плетёные шерстяные головные уборы конца 3 – начала 2 тысячелетий до н. э. обнаружены среди погребальной утвари в могилах бронзового века в Черчэне (КНР)².

Вязаные головные шапки обнаружены и в евразийских могилах 2 тысячелетия до н. э. Все они конической формы. Данный факт подтверждает, что в тот период в районах распространения андроновской культуры такие шапки носили наряду с войлочными островерхими колпаками. Эти виды головных уборов служили составной частью костюма, включавшего также куртку-кафтан *кандис*, длинные брюки и мягкие сапоги. Этот костюм был распространён в степях, начиная с ямной эпохи (3,6 – 2,3 тысячелетия до н. э.). Он представлен и в срубной культуре (XVIII – XII века до н. э.), у сако-скифских племён, а также всех ирано-язычных народов VII - IV веков до н. э. Средней Азии, Ирана, Афганистана. Кстати, пережитки такого костюма до середины XX века сохранился на Памире и у кочевников Ирана³.

Между прочим, с андроновской культурой (XVII - IX века до н. э.), которую относят к индоиранцам, связан целый ряд археологических материалов по вязальному делу предков таджикского народа. Вязка и плетение андроновцами выполнялось из крашенных шерстяных нитей.

¹ Яценко С. А. Костюм Древней Евразии. – С. 35-36, 122.

² Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество. – С. 38.

³ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? – С. 159.

Вязаные изделия этой культуры найдены в Ораке, Андронове, Усть-Ербе, Пристани¹. Анализ извлеченных из андроновских погребений остатков толстых шапочек конической формы с наушниками показало, что как сами шапочки, так и наушники на них были сшиты из плетенных и вязаных лент. Эти полоски вязали крючком, выводя из толстых нитей узор в ёлочку. Концы нитей внизу наушников связывали пучком².

Ценность приведенных выше научных материалов становится очевидным, если учесть, что распространенное сегодня мнение об истоках вязального ремесла отличается недостоверностью и легко может быть опровергнуто. Так, утверждается, будто два тысячелетия тому назад (?) самыми искусными вязальщиками были арабы, которые к тому времени уже освоили многие секреты такого рукоделия. Они, будто, используя костяные спицы, вывязывали сложные полихромные узоры.

Несложно догадаться, что в данном случае речь идет о населении Древнего Египта. Оно, согласно утверждениям археологов, занималось вязанием с началом 2 тысячелетия до н.э. Сложно также согласиться с мнением о том, что вязание придумали мужчины, и мужским занятием оно оставалось до XVII века³. Другими словами, эти предположения носят спорный характер и легко могут быть поставлены под сомнение.

Как видим, все найденные вязаные изделия, были изготовлены из шерсти. Известно, что и в дальнейшем вязание выполнялось, как правило, из такого сырья. Собственно, из шерсти состоят и сохранившиеся наиболее древние ткани. Значит, шерсть может быть волокном, впервые использованным в качестве текстильного сырья. Однако учтем, что

¹ Там же. – С. 202.

² Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - С. 44-46.

³ Почему до XVII века вязанием на спицах занимались только мужчины, и как женщины отвоевали право на это ремесло? [Электронный ресурс]

оказываясь под землей, шерстяной текстиль сохраняется лучше и дольше, чем волокна растительного происхождения (хлопок, конопля, лен и т.д.)¹.

Принимая во внимание особое значение шерсти как сырья для вязального дела, попробуем выяснить, когда человечество впервые начало использовать это волокно для одежды. Эта тема затрагивается в некоторых образцах древней таджикско-персидской литературы, причем соответствующие материалы в них основаны на мифах и легендах². Понятно, что сведения этих источников могут показаться лишенными научной ценности, однако они хронологически удивительным образом подтверждаются в материалах и заключениях современной археологии³.

Так, в «Истории Табари» стриженная шерсть определяется первым волокном, подвергшимся текстильной переработке. О возможности получения из нее нити прародители человечества узнали у архангела Гавриила. Узнав об этом секрете, Ева стала первой прядильщицей шерсти, из которой она вместе с Адамом изготовила рубашку, платье и головную накидку⁴. Выяснить, какими были эти первые предметы одежды, ткаными или вязаными, естественно, никогда не удастся.

Далее М. Табари пишет, что возникновение шерстопрядильного дела происходило во времена первого древнеиранского царя Каюмарса. Историк специально отмечает, что в эту эпоху люди не знали о прядильных способностях других, кроме шерсти, текстильных волокон. Можно полагать, что вязальное ремесло состоялось, когда легендарный Джамшед выделил ремесленников в отдельную социальную группу, положив начало профессиональной специализации древнеиранского общества⁵.

¹ Майтдинова Г. М. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей. – С. 74.

² Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. Истори Табари. – Т. 1. – С. 36, 43, 54, 57, 66-68; Фирдоуси. Шах-наме. – Т. 1. – С. 43-46 и др.

³ Майтдинова Г. Генезис костюма таджиков. Древность и раннее средневековье. – С. 30.

⁴ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. Истори Табари. – Т. 1. – С. 36.

⁵ Там же. – Т. 1. – С. 43, 54, 57, 66-68.

Несколько иного мнения в этом контексте придерживается А. Фирдавси, который основателем прядения шерсти и превращения ее в одежду считает Тахмуреса – предшественника Джамшеда на троне Древнего Ирана¹. Этой точки зрения придерживается и Омар Хайям – автор трактата «Навруз-наме»².

В пехлевийском сочинении «Бундахишн», в главе «О природе людей» отмечено, что впервые одежду из грубых нитей (*хайш-тад* – дерюга, мешковина) изготовили потомки Каюмарса - Машйа и Машйана, когда шли по степи. Природа нитей здесь не указана, однако очевидно, что речь идет о шерсти, так как до этого, как сказано в тексте «Бундахишна», они пользовались одеждой из шкуры³.

Схожие материалы встречаются и в других сочинениях, в которых затрагивается вопрос о возникновении жизни на земле («Бундахишн», «История Систана» неизвестного автора, «Равзат ус-сафо» Мирхонда и др.).

Для определения этого периода можно обратиться к научному трактату А. Беруни «Памятники минувших поколений». Согласно подсчётам знаменитого таджикского ученого XI столетия, Хушанг, правивший 40 лет, возглавил Древний Иран в 3251 году до н.э., а владычество Каюмарса до этого продолжалось 213 лет, т.е. начиная с 3464 года до н.э.⁴

Следовательно, древняя мифология связывает зарождение первых текстильных ремесел, включая вязание и плетение, с новокаменным периодом (неолитом), точнее с его конечным этапом – энеолитом. Хронологически вырисовывается период середины – второй половины 4 тысячелетия до н.э. Поразительно, что в этом вопросе материалы древней

¹ Фирдоуси. Шах-наме. – Т. 1. – С. 43-46.

² Омар Хайям. Навруз-наме. – С. 135.

³ Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума («Дадестан-и меног-и храд»). Сотворение основы («Бундахишн») и другие тексты – С. 215.

⁴ Беруни А. Памятники минувших поколений. - С. 113.

литературы, основанные, по сути, на легендах и народной мифологии, удивительным образом находят подтверждение в выводах современной исторической науки.

Добавим также, что в таджикском обществе покровителем искусства вязания и, заодно, зачинателем этого ремесла, как и любых других занятий, связанных с плетением (тесьмы, веревки, циновки, корзины и др.) считался Хазрати Бурх Сармасти Вали – Почтенный Бурх Опьяненный Святой. В Каратаге - известном текстильном центре Центрального Таджикистана, его называли Хасти Бурхи Сармаст, происхождение которого связывали с Евой – Момо Хаво¹. В свою очередь, Момо Хаво, она же в разных районах проживания таджиков Биби-Ресанда, Биби-Чарха, Биби Сешанбе, Биби Чоршанбе, Биби Панчшанбе, Биби-Жибецак, Биби-Сафеда, Биби-Фотима, Деви Сафед и т.д., считалась небесной патронессой прях². Тем самым, в вопросе последовательности зарождения ремесел, учитывая роль Евы в происхождении Бурха, признавалось верховенство прядения по отношению к вязанию. А если принять во внимание, что указанное происхождение было не опосредованным, т.е. указанные мифологические персонажи жили в одно и то же время и, соответственно, общались между собой, в мировоззрении указанного народа прядение и вязание возникли почти в одно и то же время. Следовательно, высказанное нами в начале настоящего раздела работы мнение о одновременности зарождения этих занятий получает подтверждение и в материалах народной мифологии.

Таким образом, наиболее ранние археологические следы существования вязального искусства в Центральной Азии имеют отношение к энеолиту. На это указывают и сведения, извлеченные из материалов древней мифологии. В то же время, есть основания выдвинуть гипотезу об их

¹ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. – С. 129.

² Там же. – С. 128-129; Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. – С. 12-14.

возникновении в 6 - 5 тысячелетиях до н.э. Сохранившиеся древнейшие продукты ремесла указывают на то, что вязание из шерсти и использование для этого в качестве рабочего инструмента крючком и спицами имело место еще в неолите – бронзовом веке. Следовательно, истоки традиций, связанных с использованием сырья и орудий труда для вязания, приходятся на времена зарождения этого вида искусства.

1.2. Развитие вязания в древности – первой половине XIX в.

Вязание в древности. К началу вступления региона в эпоху древности вязальное дело в Центральной Азии являлось уже состоявшимся, имея за плечами период развития в четыре - пять тысячелетий. Усовершенствовалась технология получения трикотажа, несмотря на то, что типы орудий труда (крючки и спицы), как и прежде, оставались тривиальными. Обратим внимание, что если сравнить с эпохой энеолита – бронзового века, вязальные инструменты периода господства в регионе рабовладельческих отношений (VII век до н.э. – V век) сохранились в значительно меньшем количестве. Но не только они. Такая, на первый взгляд парадоксальная, картина имеет место и в отношении материальных следов других отраслей ремесла.

Объясняется это изменениями, коснувшихся местной культуры погребения. Как известно, в Средней Азии древнейшего периода вместе с телом покойного в могиле оставляли необходимые ему, согласно верованиям той эпохи, в потустороннем мире предметы быта, пищу, одежду. Могилу покрывали сверху, внутри она не засыпалась грунтом. Благодаря этому многочисленные предметы древнейшего быта сохранились тысячелетиями, припрятанные под землей.

С господством в Центральной Азии учения Заратуштры (предположительно с VII век до н.э.) здесь распространилась совершенно

другая культура захоронения. Теперь погребению подлежали лишь кости покойного, собранные внутри оссуария - *сагона*. Материальные следы промыслов эпохи зороастрийской древности, разыскиваемые внутри могил, обнаруживаются лишь в орнаменте на стенках оссуария, а также в террактовых бюстах на отдельных образцах оссуариев. Понятно, что по этим следам никаких сведений о ремесле, в особенности о вязальном деле, получить невозможно.

Вместе с тем, на просторах Средней Азии, например, в долине Ферганы, раскопано много могильников эпохи античности, в которых погребения не соответствуют зороастрийской традиции. Очевидно, их появление связано с закатом первой волны зороастризма по мере распространения эллинистической культуры, а также распространением других религий, в том числе буддизма. Кроме того, на существование в это время в регионе разных способов хоронения умерших указывает и изучение Дальверзинского науса со склепами для трех разных видов погребения. На трех вертикальных уровнях здесь найдены захоронения тел в вытянутом положении внутри хума, предварительно очищенных костей, опять же в хуме, а также в виде беспорядочной груды костей прямо на полу склепа¹.

Как бы то ни было, можно констатировать, что современная археология не обладает ни одним найденным предметом эпохи среднеазиатской древности, который можно было бы уверенно идентифицировать в качестве спицы, служившей для вязки. Например, находка длинного тонкого железного стержня кушанской эпохи из женского погребения Аруктауского могильника в Бешкентской долине Южного Таджикистана указывает лишь на возможность его применения в качестве вязальной спицы. Следует отметить, что обнаруженный стержень попал в руки археологов, вероятно, в неполной сохранности. Еще один обломок железного стержня сохранился в другом

¹ Сагдуллаев А. С. В стране золотого огня. - С. 69-79.

женском погребении этого могильника. Однако их нахождение в могилах усопших в единичных экземплярах заставляет усомниться в выдвинутой здесь версии. Но что, если другие стержни, составлявшие пары найденным, разрушившись, не сохранились¹. Итак, каким-либо образом идентифицировать эти предметы по назначению вообще невозможно.

Среди находок действительно вязальных инструментов можно выделить железный крючок, найденный вместе с пряслицем и стерженьком для сурьмления в кургане № 26 Ворухского могильника (Северный Таджикистан, Исфаринский район)². Это один из тех редких случаев, когда рабочие инструменты находят внутри могил эпохи среднеазиатской древности. Указанный комплекс находок II века до н.э. – VI века не оставляет сомнений в текстильном назначении крючка. Данный предмет однозначно не служил опорой для подвешивания или в качестве рыболовного крючка. Тем более, что среди костяков, лежащих в групповой могиле, один идентифицирован как женский³. А вязание в этот период, как текстильное занятие домашнего значения, входило в круг обязанностей женщин.

Обратим внимание, что известный историк-археолог Б. А. Литвинский, на работу которого мы ссылаемся в предыдущем абзаце, в своей другой публикации под названием «Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы» вообще не упоминает эту находку. И это при том, что указанная книга тематическая и в ней таким текстильным отраслям, как прядение и ткачество, посвящены целые разделы. На наш взгляд, избегание Б. А. Литвинским темы древнего вязания связано как раз с отсутствием других, помимо указанного, материальных следов этого вида занятия⁴.

¹ Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 50-51, табл. 16 (15, 18)

² Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. – С. 24.

³ Там же.

⁴ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – С. 38-59.

В числе продуктов человеческой деятельности, сохранившихся в античном городище Тепаи-Шах (Кабодианский оазис Таджикистана, в низовьях реки Кофарнихон), есть бронзовый крючок овального сечения, датируемый I веком до н.э. – V веком¹. Однако вопрос о сфере его применения остается открытым. Железный предмет в виде крючка обнаружен археологами в кургане IX Аруктаукского могильника эпохи Кушан, упомянутого выше как место находки спице образных предметов. Крючок находился в могиле погребенной женщины, что позволяет с определенной долей вероятности причислить его именно к орудиям вязального труда. На это указывает и сравнительно длинный размер крючка. Кроме того, в этом же погребении сохранилась костяная трубочка с отверстием у одного конца². Не исключено, что данный полый предмет мог служить ручкой для найденного здесь крючка.

К сожалению, этим исчерпываются сведения о находках инструментов древних вязальщиц. По этой причине, мы вынуждены обратиться к теме о сохранившихся орудиях труда или их деталях, которые находили применение в подготовительной работе для вязки - при изготовлении нитей для этой операции. Речь идет, очевидно, о пряслицах. География находок таких деталей указывает на широкую распространенность в железном веке прядения и, косвенно, вязания, у жителей Средней Азии. Разнообразие обнаруженных пряслиц (легкие и тяжелые, из разных материалов, различной формы) можно связать с их применением для прядения из конкретных видов волокнистого сырья³.

¹ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи Шах. – С. 147.

² Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 25, 50-51, табл. 16 (13, 17).

³ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. - С. 41-42.

Так, сланцевое пряслице VII-VI вв. обнаружено в могильнике сакского времени Джувантобе (в пределах Алма-Атинской области Казахстана)¹. Находка в Кампыртепе (на правом берегу Амударьи) множества пряслиц из глины, камня и кости, датируемых III в. до н.э. – II в. н.э., позволила в какой-то мере выполнить их научную классификацию. Интересно, что среди них встречаются и такие, которые имеют не только производственное, но и художественное значение. Так, на верхней поверхности двух пряслиц есть оттиски гемм, изображающих голову мужчины (соответственно бородатого и безбородого)². Костяное пряслице обнаружено и в Аруктауском могильнике. Этот предмет II-I вв. до н.э. был сжат в левой руке погребенной женщины и имеет плоско-выпуклую форму, украшен несколькими концентрическими желобками³.

На поверхности мраморного пряслица III-II вв. до н.э. из Калаи Кофарнигана нарезаны косые линии, образующие встречные треугольники. На основании пряслица этим же приемом изображена шестиконечная звезда⁴. В городище Тепаи–Шах найдены 10 пряслиц из камня, керамики, алебаstra, дерева⁵. Керамические пряслица VI-V вв. до н.э. из городища Байтудашт IV (в Пянджском районе Таджикистана) имеют на поверхности прочерченные желобки для направления нити⁶.

Несколько десятков античных и раннесредневековых керамических и каменных пряслиц найдено во время проведения раскопок в пределах Гиссарской крепости на городищах Чимкурбан (II в. до н.э. – III в.), Кургани Кульоби (VIII и IX), Кутантепа (II в. до н.э. - I в. н.э.), Ширкент (конец VII –

¹ Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. - С. 62.

² Двуреченская Н.Д. Археологический комплекс на юго-западе жилого блока – квартала I «нижнего города» Кампыртепа. - С. 107-108, рис. 7; Лунева В. Пряслица Кампыртепа. – С. 91-100, рис. 1-4.

³ Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 28, 50, табл. 16 (7).

⁴ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. – рисунок на с. 218.

⁵ Литвинский Б.А. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. – С. 147-148.

⁶ Абдуллаев А. Отчет Пянджского археологического отряда за 1985 г. - С. 173, 176.

первая половина VIII вв.) и могильнике Харкуш (V-VI вв.)¹. Таким образом, большое количество выисканных пряслиц свидетельствует о широкой распространенности текстильного ремесла, в том числе вязального рукоделия, у коренных жителей центрального Таджикистана в древности и позднее - в раннем средневековье.

Приступим теперь к характеристике сохранившихся продуктов вязания того времени. Обзор начнем опять с региона, названного русскими как Восточный Туркестан. Своеобразный вязаный берет с отверстием на макушке сохранился в могиле М6 некрополя Субеши III в Синьцзяне (район Турфана). Он датируется III веком до н.э. и был надет на голову погребенной дамы почтенных лет. Отверстие было необходимо для вставки в него вертикально располагаемого цилиндрического элемента типа каната. Эта деталь головного убора был высоким (около 60 см) и узким, он фиксировался с помощью каркаса из палочек². С. А. Яценко полагает, что такая неординарная конструкция была призвана возбудить сексуальные ассоциации³.

Следы вязального дела, зафиксированные в художественных памятниках древности, служат свидетельством развитого состояния отрасли. На основе этих и прочих источников С. А. Яценко изучил характерные черты древнеиранского костюма в аспекте содержания, формы, цвета и ряда других показателей⁴. Нас же интересует материальная составляющая предметов исторической одежды, а именно наличие в них трикотажа.

Естественно, идентифицировать на сохранившихся изображениях материалы одежды персонажей как ткани или трикотаж зачастую не

¹ Атаханов Т.М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). - С. 25, 69, 78, 79, 99, 128, рис. 29(1-12), 30(1-15), 31(1-14), 33, 34Б, 54, 55(5-18), 119(18-19).

² Полосьмак Н. В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. - С. 78.

³ Яценко С.А. Костюм Древней Евразии. – Гл. 1, п. 3.

⁴ Яценко С.А. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы XIII-й международной научной конференции (СПб., 28 июня - 1 июля 2010 г.). - СПб., 2010. - С. 119-124.

представляется возможным. Однако следует принять во внимание, что одежда из трикотажа, т.е. вязаная, в отличие от одежды тканой, имеет свойство плотно обтягивать фигуру человека и принять ее форму. Кроме того, можно учесть характерное оформление пестрых вязаных изделий. Зачастую узор трикотажа имеет волнистый характер, точнее зигзагообразное очертание.

Основываясь на этих приметах, нами идентифицируются как продукты вязания отдельные предметы одежды, входившие в мужской костюмный комплекс древних иранцев, чьи изображения запечатлены в художественных источниках эпохи (рисунок 1.2).

Зафиксированная в произведениях древней живописи, вязаная одежда ахеменидских воинов состоит по преимуществу из ноговиц и свитеров с длинными рукавами. Одинаковое оформление этих деталей одежды (рисунок 1.2, б, в, г) наталкивает на вывод о том, что они могут быть соединены между собой по типу комбинезона¹. Поверх свитера персидские воины носили безрукавный камзол (рис. 1.2, б) или опоясанный плащ (рис. 1.2, в). Что касается воина, показанного внизу слева на рис. 1.2, в, возможно, он обвязал плащ вокруг бедер в виде юбки.

Облегающая форма штанов персидских воинов, изображенных на ойнохойе из Британского музея, штанины которых в точности повторяют профиль ног, может служить косвенным признаком того, что они вязаные (рис. 1.3). Верхнюю часть штанов скрывали под кафтаном с резко расширяющимся подолом, длина которого чуть ниже бедер или до колен. Кафтаны с короткими рукавами или без них. Причем, как видно на рис. 1.3, б, под кафтаном могли носить не только тканую, но и, вероятно, вязаную одежду типа джемпера. Во всяком случае, рукава представленной здесь под

¹ Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – С. 60.

кафтаном одежды также точно облегают руку, они длинные до запястья, узкие и декоративно одинаковы с материалом штанов¹.

Кстати, такие штаны имеют более древнее происхождение, на что указывают опять же художественные источники. Как отмечалось в предыдущем разделе настоящей работы, они изображены еще в древнегреческих вазах XII в. до н.э.

Известный исследователь в области древнего костюма иранских народов С. А. Яценко, обратил внимание и на декоративное оформление их вязаной поясной одежды, распространенной в VII - IV веках до н.э. (рисунок 1.4). Как видим, древние бактрийцы и согдийцы, хорезмийцы и маргианцы, саки и массагеты в этот период украшали такого вида предметы одежды за счет выведения петлями самых различных орнаментальных элементов: горизонтальных или вертикальных полосок, косой сетки, зигзагов, волн, крестиков, трилистника, отстоящих друг от друга системы ромбиков и т.п.²

Обратим также внимание на то, что, хотя указанный исследователь дифференцирует рассматриваемые орнаментальные принципы на хронологической основе, принципиальных композиционных отличий для вязаных предметов одежды периода ранних скифов и скифо-ахеменидской эпохи мы не обнаруживаем. А это значит, что орнаментальные традиции вязального искусства, формируясь еще на его генетическом этапе, сразу же приобрели очень высокую устойчивость. Достаточно сказать, что даже в середине XX века мастерицы-вязальщицы оформляли свои произведения (в том числе предназначенные для реализации) весьма нехитрыми деталями узора: точками, крестиками, зигзагами и пр.

Одежда, полученная из системы петель, имеет свойство обтягивать тело, плотно «присесть», подчеркивая тем самым контуры фигуры. В

¹ Там же. – С. 48.

² Там же. – С. 57.

особенности, когда такая одежда изготовлена пестрой, из разноцветных нитей, даже при простейших декоративных решениях она выглядит красивой и привлекательной.

Однако, как известно, в прошлом джемпер, носки, чулки, рукавицы и другие предметы вязаной одежды вырабатывали не только полихромного исполнения. Одноцветные изделия также отвечали эстетическим требованиям общества. К тому же, в такой одежде значение имеет не только внешняя броскость, связанная с пестротой или блеском, но и ее теплозащитные свойства. А в условиях холодного высокогорья второй принцип представляется даже более весомым.

Другими словами, давать количественное предпочтение гладким или узорчатым вязаным деталям одежды при рассмотрении объемов производства, невозможно. По всей видимости, они примерно равны. И здесь возникает новая проблема – идентифицировать на античных изображениях вязаную одежду без узора практически невозможно.

Эволюция вязания в средневековье. Несмотря на значительное число письменных источников на таджикско-персидском языке, составленных в средневековый период, в них невозможно найти сведений по вязальному делу. Данный факт имеет место и в отношении терминологических словарей, полезность материалов которых для науки не подлежит сомнению. По этой причине, исследуя данный период в развитии вязания, нам опять приходится, как и в случае с древнейшим периодом и древностью, прибегнуть к другим видам источников.

Начнем с обзора материалов археологической науки. Среди 33 булл (глиняных печатей) VII века с отпечатками текстиля из зороастрийского храма Канка (столицы раннесредневекового Чача, отождествляемой с Антиохией Заяксартской) есть две буллы с отпечатками вязаного материала (рисунок 1.5). Объяснить наличие следов текстиля можно тем, что возможно,

этими буллами опечатывали в то время мешки или мешочки с дарами для храма. Такие мешки шили из ткани или, как выясняется, изготавливали из трикотажа или, точнее, вязали сразу мешковидную фигуру, наподобие получения чулок. На тыльной стороне одной из булл сохранились в виде концов остатки нитей, которые имеют правую крутку¹.

Впечатляют вязанные головные сетки с превосходными узорами, обнаруженные в замке на горе Муг (рисунок 1.6). Их более 10, они белые и получены из крученых в два сложения хлопчатобумажных нитей. На сетке от части, надеваемой на голову, отходят две полые трубки, в которые, очевидно, надевались косы. Один из образцов оформлен квадратными и ромбовидными узорами и внутри его плетения нанизаны 9 мелких черных бусин².

О высоком уровне вязания, которого достигли жители Памира к XI веку, свидетельствует находка в поселении средневековых рудокопов Базардара (в долине Мургаба) верхней части детского носочка или конца рукава одежды, который был связан из очень тонких ниток. Средневековая мастерица из разноцветных нитей связала изделие с геометрическим узором. Как пишет исследовательница Базардары М. А. Бубнова, по тонкости вязки этот образец не уступает трикотажным полотнам, полученным на современных вязальных машинах. Среди найденных здесь предметов есть много хорошо заточенных острых деревянных спиц. Их идентификация в качестве вязального инструмента связана с тем, что традиционно памирские вязальщицы пользовались деревянными спицами³.

Вероятно, днем, пока мужчины поселения были заняты на добыче серебряной руды, женщины коротали время за прядением, тканьем и вязкой.

¹ Богомолов Г., Томоми Мукарами. Отпечатки ткани на глиняных буллах из Канки. - № 2 (5). – Самарканд, 2012. - С. 78-81.

² Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н.э. - С. 86.

³ Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира. – С. 141.

Железный крючок с длинным стержнем найден в раннесредневековом (VIII – X вв.) Краснореченском городище (на севере Киргизии, на трассе Бишкек – Токмак). А. Н. Бернштам утверждает, что данное городское поселение сложилось в VIII веке из ряда замков согдийской знати и называлось Наукет (“Новый город”). Здесь раскопан буддийский храм, однако обнаружение оссуариев с изображением алтаря огня говорит о том, что часть местного населения придерживалась зороастрийской веры¹.

Этим и ограничивается скудный перечень вязальных артефактов средневековой Средней Азии. Такая же картина имеет место и в случае с Центральной Азией. Этого совершенно недостаточно для научного обозрения и анализа средневековых орудий труда для вязания. Не исключено, что отдельные такие артефакты еще не опубликованы и им не дана научная интерпретация. Вполне вероятно, что некоторые вязальные спицы и крючки идентифицированы археологами как другие предметы человеческого быта или как детали других устройств.

Как бы там ни было, обзор материалов значительного числа опубликованных трудов археологов и исследователей материальной культуры показывает, что в них о вязании в средневековье практически ничего не сообщается. В этих условиях нам приходится лишь констатировать, что в рассматриваемый период вязание имело широкое распространение, являясь, очевидно, исключительно домашним промыслом. Свойства вязаных продуктов периодов раннего и начала развитого средневековья, обзор которых мы привели выше, позволяет утверждать, что в дальнейшем качество производимых продуктов такого строения не ухудшилось. Впрочем, с учетом значительного консерватизма в технике и технологии домашних промыслов, можно полагать, что приемы труда и качество этих изделий были такими же, как и в первой половине двадцатого столетия. А состояние и технический

¹ Байпаков К. М., Горячева В. Д. Семиречье. – С. 151-162, табл. 104(35).

уровень этой отрасли ремесленной деятельности таджикского народа в указанный период наукой очень хорошо зафиксированы.

Здесь уместно привести некоторые сведения по истории *джурабов*, которые, безусловно, являются основным продуктом и главным символом вязального рукоделия. Вопрос о времени и месте изготовления первых *джурабов* – теплых шерстяных чулок ручной вязки, окутан неизвестностью. Ареал распространения этого ремесла очень широк и охватывает преимущественно горные районы. Это - Центральная Азия (Таджикистан, Туркменистан, Восточный Иран, Афганистан, Пакистан), Кавказ (Азербайджан, Армения, Дагестан, Грузия), Балканы (Албания, Босния, Болгария, Греция, Македония, Сербия, Турция), Анды в Южной Америке. *Джурабам* каждого из этих регионов свойственны свои характерные особенности. Определить, какой регион является родиной этого искусства, не удастся.

В средневековье *джурабы* производили и в Египте, если учесть, что как раз здесь обнаружены наиболее старые изображения таких изделий, которые датируются XII столетием. Однако большее число исследователей родиной вязанных теплых чулок считают Индию¹. Именно считают, не более того. С таким же успехом можно считать, что первые образцы *джурабов* могли быть изготовлены в Центральной Азии или на Кавказе. Или, к примеру, в пределах Болгарии.

Что касается использования по теме художественных источников средневековья, приходится с сожалением отметить, что это невыполнимо. Так, нет возможности привлечь произведения книжной миниатюры – области искусства, разывшейся в Средней Азии и соседних регионах с конца XIV столетия. Средневековая миниатюрная живопись уже оказала большую

¹ Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

помощь в исследовании исторического костюма в деле изучения состава костюма, форм и декора его элементов, господствовавших в разные периоды течений моды. Однако эта область изобразительного искусства не освещает жизнь населения горных районов, с деятельностью которого вязальное рукоделие таджиков было связано почти всецело. По этой причине в одежном комплексе персонажей миниатюр мы не видим шерстяных чулок и других продуктов петлеобразования. На произведениях в глаза бросаются лишь сапоги и обувь без голенищ. Что касается собственно одежды, авторы произведений миниатюрной живописи не подчеркивают их строения, обращая внимание, прежде всего, на гамму цветов и декоративное оформление.

Эти выводы распространяются и на монументальную живопись, которая занимало важное место в архитектурном декоре эпохи среднеазиатской античности и раннего средневековья.

В этих условиях, к сожалению, не обеспечивает необходимым материалом, как показано выше, и археологическая наука.

Что касается письменных источников средневековья, одно лишь упоминание в исторических, географических и художественных произведениях (поэзии и прозе) чулок, носков или других специфических предметов одежды отнюдь не позволяет причислить их к продуктам вязального рукоделия. Так, в «Худуд ул-Олам» в числе товаров вывоза из хорасанской провинции Тус (в Восточном Иране) упоминаются *джурабы*¹. Остается лишь надеяться, что анонимный автор географического сочинения X века ведет речь о вязаных изделиях, а не о тканых.

Вдобавок к этому, даже самый скрупулёзный поиск не позволяет обнаружить заметок по теме и в материалах средневековых персидско-таджикских словарей, послуживших важным источником в деле изучения

¹ Худуд ул-Олам. - С. 60.

истории разных отраслей ремесла – ткачества, портняжного промысла, ювелирного искусства и т.п. Возможно, это связано с тем, что составители указанных словарей были выходцами из равнинных районов, где вязальное рукоделие не имело заметного распространения.

Вполне понятно, что в этих условиях сегодня встречаются спорные рассуждения по отдельным аспектам терминологии отрасли. Так, в некоторых кругах для термина «вязание» распространился перевод на таджикский язык как «кешбофи». Соответственно, слово «кешбоф» должно обозначать «вязальщик». Если второй слог в данном термине («боф» - от «бофт») означает «ткать», что означает слог «кеш», непонятно. Также неизвестно, кто первым предложил такой перевод и на чем он основывался. Очевидно, что по этим причинам данное предложение не находит поддержки в сообществе ремесленников и среди искусствоведов. Более приемлемым выглядит перевод «джуроббофи», однако и здесь не все однозначно: данный термин может быть применен лишь к вязанию носков и чулок.

Таким образом, материалы источников не позволяют обрисовать стройную картину развития отрасли за восемь тысячелетий (с периода зарождения до наступления нового времени). В очередной раз находит подтверждение очевидный тезис о том, что технология вязального ремесла характеризуется устойчивой консервативностью. Простейшие в конструктивном отношении инструменты для ручного труда по переработке ограниченного числа нитей (от одного до четырех), например, в отличие от ткачества, не нуждались в усовершенствовании.

Прогрессу вязального дела, а именно в вопросе его технического оснащения, не способствовала форма существования ремесла. Отсутствие цеховой организации труда, работа по домам, выполнение одной и той же мастерицей всех необходимых операций и, соответственно, отсутствие

специализации по факту, явились факторами, которые не могли побудить к инновациям в области орудий труда.

Но даже в этих условиях, археологическая наука почти не располагает артефактами, которые можно однозначно идентифицировать как орудия труда для вязания. Косвенным свидетельством распространения вязального ремесла в древности и позднее, в средневековье, может служить широкая география находок пряслиц, которые находили применение и в подготовке волокнистого сырья для вязки.

Специальное исследование выявило, кроме того, совершенную недостаточность материала из других видов источников (письменных, художественных, произведений народного фольклора).

Развитие технологии вязального производства основывалось на увеличении числа нитей, одновременно используемых для вязки. По всей вероятности, этот процесс происходил во времени, однако для выявления этапов развития ремесла по указанному признаку археологическая наука не обеспечивает исследователя артефактами. Не содержат каких-либо сведений и другие виды источников. Это развитие не отражалось на видах сырья, форме и материале инструментов для получения вязаных изделий, а также назначении продуктов вязки, которые тысячелетиями практически не претерпели изменений. С учетом этого, изучение древней и средневековой истории вязания имеет значение в основном для определения периода его зарождения. В этих условиях приходится проследить за эволюцией промысла в указанные эпохи лишь на теоретической основе.

ГЛАВА II

ВЯЗАЛЬНОЕ ДЕЛО ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

2.1. Дальнейшее совершенствование вязания и главные факторы его обеспечения

В прошлом в границах современного Таджикистана вязальным ремеслом занимались, как горцы, так и жители равнинных районов. Более широкое распространение ремесленной деятельности в горных районах было обусловлено, прежде всего, природно-климатическими условиями. Теплые шерстяные вязаные изделия (шарфы и рукавицы, головные платки и колпаки, джемпера и, особенно, чулки и носки) позволяли горцам защитить тело от холодов.

В горах, особенно, в высокогорьях, в холодный период года горные тропы покрывались толстым слоем снега, и население было отрезано от равнинных районов до девяти месяцев в году. В это же время, опять же по причине климата, прекращались любые земледельческие работы. Горцам приходилось почти круглосуточно находиться внутри своих домов-хижин и заниматься различными работами по дому. В это время все женщины занимались пошивом одеял и одежды, вышивкой, плетением, вязанием. Такая картина в прошлом была характерна для всех горных районов проживания таджиков, в том числе территории Горного Таджикистана, которая включает земли, занимаемые ныне Горно-Бадахшанской автономной областью (ГБАО), Раштской группой районов, а также южными районами Согдийской области.

Границы Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) включают таджикскую часть исторической области Бадахшан, протянувшуюся по правому берегу реки Пяндж, что образуется при слиянии рек Памир и Вахандарья. Вся территорию ГБАО занимают горы Памира, в просторечии именуемого «Крышей мира». Эта горная система находится на соединении отрогов других мощных горных систем Центральной Азии – Гиндукуша, Каракорума, Кун-луня и Тянь-Шаня. Здесь царит высокогорный, суровый, резко континентальный климат, зимние температуры опускаются до -50°C . Много холодных и бурных горных рек, берущих начало в крупнейших ледниках мира.

Территория ГБАО простирается от Дарвазского района на западе до Мургабского района на востоке. Условная граница между Западным Памиром и Восточным проходит ровно посередине ГБАО, это деление определяется внешними признаками (на востоке рельеф более сглаженный, с характерными древними высокогорными поверхностями выравнивания, на западе — высокогорный и глубокорасчлененный) и климатическими различиями. Условно границу между Западным и Восточным Памирами можно провести по западной границе Мургабского района.

На большей части области условия для жизни не самые благоприятные. Люди селятся преимущественно в долинах, где климат субтропический, долгое жаркое лето и прекрасные почвы. Горно-Бадахшанская автономная область занимает 45 % всей площади Таджикистана, но только 3 % ее (долины горных рек) пригодны для проживания.

Численность населения таджикского Бадахшана (ГБАО) по данным переписи 2016 года составляла 216,9 тысяч человек или 3,2 % населения Таджикистана. Основная часть населенных пунктов сосредоточена в плодородных долинах, но в целом доля городского населения остается крайне низкой: 13,4%, что вдвое ниже, чем по республике в целом.

Основная этническая группа - памирцы (ваханцы, ишкашимцы, шугнанцы, рушанцы, язгулямцы и др.). Здесь присутствуют все основные народы Средней Азии: в частности, на западе крупный этнос — это таджики-бадахшанцы, а на востоке — киргизы. Памирское население разговаривает на множестве разных языков (шугнанском, рушанском, бартангском, ишкашимском, ваханском, язгулямском, дарвазском и др.).

Ввиду особого значения Дарваза как исторически ремесленного центра, жителям которого в прошлом были присущи, в частности, самобытные традиции в области вязального искусства, в источниках и исследованиях по истории ремесла этот регион упоминается более всего. Дарваз – историческая область, территория которой ныне разделена по р. Пяндж на две части. Правобережный Дарваз, включая современные Ванджский и Сангворский (бывший Тавильдаринский) районы, относится к Таджикистану, левобережный – к Афганистану. В средние века эту территорию называли Каррон. В местном фольклоре сохранилось более древнее название – Махистон. Таджикский Дарваз расположен по обе стороны Дарвазского хребта. На севере местности протекает р. Оби-Хингоу, на востоке она ограничивается р. Ванч, на западе – р. Оби Нихоу. Изрезана высокими хребтами, глубокими ущельями, по которым текут быстрые, труднопроходимые реки. Горы высоки, скалисты, покрыты вечными снегами и ледниками. Климат довольно суровый, господствуют бури, морозы и метели. Летом бывает довольно тепло. Наиболее крупные селения расположены по р. Пяндж. Население Дарваза по этническому составу в основном однородно и представлено таджиками.

Раштская горная группа районов или долина Рашта расположена на правом берегу р. Сурхоб, между хребтами Каратегинским и Петра I. Включает территорию исторической области Каратегин в горах Памира-Алая, по среднему течению р. Сурхаба, которая в восточном направлении

начинается на границе с Киргизией, заканчивается западнее г. Рогун, в Калаи-Даште. До революции 1920 года эту территорию занимало Каратегинское бекство. Рашт представляет горную долину, прорезанную посередине, с северо-востока на юго-запад рекой Сурхоб, и заключающую в своих пределах южный склон Гиссарского и Алайского хребтов, западную оконечность Заалайского хребта и северные склоны хребта Петра Великого. Через Гиссарский хребет Рашт сообщается с верховьями Зеравшана, через Алайский хребет – с Ферганской долиной. В восточной части Рашта Сурхоб принимает слева значительный приток Муксу. Почти на самой западной границе Рашта Сурхоб имеет еще один левый приток – Оби-Хингов. Природа местности очень красивая, ущелья Камароб, Ясман и Хаит считаются лучшими местами для отдыха. Климат континентальный и здоровый, зима продолжительна и довольно сурова. Снега выпадает много. Жаркое лето длится не более двух месяцев. Население почти однородное, подавляющее большинство – таджики. На северо-востоке по соседству с таджиками проживают киргизы.

В настоящее время долина Рашта включает следующие административные районы: Рашт (бывший Гарм), Нурабад (бывший Комсомолабад / Дарбанд), Рогун, Таджикабад, Лахш (бывший Джиргаталь), частично Файзабад (к западу от Калаи-Дашта).

Верховья Зеравшана представляют собой гористую местность, которую прежде называли Кухистаном («Страной гор»). Эта территория занимает бассейн реки Зеравшан от его истоков до города Пенджикент, включая террасы и предгорные равнины Зеравшанского и Туркестанского хребтов. Туркестанский хребет служит ее северной границей, южной границей является Гиссарский хребет. Восточные пределы рассматриваемой территории доходят до горного узла Коксу («Синья речка»), а на западе, по мере понижения гор, местность превращается в широкую долину. До

революции здесь были бекства Матча, Фан, Фальгар, Кштут, Магиан. В наши дни в данной местности расположены три наиболее крупные по площади районы Согдийской области - Пенджикентский, Айнинский и Горно-Матчинский.

Воды Зеравшана текут на севере от Амударьи, река зарождается из огромных ледников в западных отрогах Тянь-Шаня. Река могуча уже в своем верхнем течении, где питается многочисленными горными притоками справа и слева. По выходу в долину ее воды расходятся по бесчисленным арыкам и постепенно мелеют, из-за чего не достигают Амударьи. Этнический состав населения верховьев Зерафшана в основном однородно и представлено таджиками. Они живут сплошным массивом от самых верховьев реки Зеравшан до города Пенджикент включительно. Кроме таджиков эту географическую область населяют узбеки, заселяющие ее нижнюю часть.

Основу жизнедеятельности горных таджиков в рассматриваемую эпоху составляли земледелие, скотоводство и отхожий промысел. Большое значение в их быту в условиях натурального хозяйства имели продукты домашних ремесел – ткачества, кошмоваления, плетения, вязания и др. У населения были все основания уделять рукоделиям особое внимание, сохранить преемственность ремесленных традиций, с ранних лет наработать у представителей каждого нового поколения навыки промыслового мастерства.

Дело в том, что в силу ряда причин эффективность использования земли для покрытия жизненных потребностей была ограниченной. В числе этих причин можно назвать недостаток земли, годной для возделывания, возможность обработки земли только путем тяжелого кропотливого труда, скудная каменистая почва, переменчивость погоды, суровый климат с резкими колебаниями температуры¹.

¹ Для долины Рашта и отдельных мест Дарваза характерны более мягкий климат и относительно продолжительное лето, а также удобные условия орошения.

Например, верховья Зеравшана характеризуются очень узкими долинами рек. Точнее, они являются скорее расщелинами, которые в отдельных местах несколько расширяются и образуют площадки. На этих площадках обустроены селения, которые нельзя назвать обширными.

Обработка земли производилась примитивным способом, без какого-либо совершенствования и прогресса. По мере приближения к высокогорью эти сложности проявлялись все больше и больше.

Другой важной, а зачастую первостепенной, отраслью поддержания жизни горцев было скотоводство – занятие, которое, среди прочего, обеспечивало сырьем ряд важных видов ремесленной деятельности горцев, включая вязание. Для некоторых районов оно имело побочное (после земледелия) значение, для других – первостепенное. Хлебопашество было развито в нижних селениях, скотоводство – в верхних селениях. А. Федченко писал, что для населения Верхнего Зеравшана земледелие было второстепенным занятием (из-за климата и недостатка удобной для обработки земли), а на первый план выступало скотоводство. На лето почти все жители этих мест откочевывало на летовки – *айлок* в горы, чтобы обеспечить скот обильным кормом¹. По его словам, в Магиане скотоводство достигало солидного развития, чему способствовали горы. Они давали летом достаточную пищу для огромных стад баранов². М. Мустаджир, говоря о летовках, как неотъемлемой составляющей образа жизни горцев Зеравшана, писал, что корни этой традиции теряются в глубине веков³.

Практика посезонной жизни в кишлаках и летовках имела место и в западном Памире, в частности Шугнани, Рушани, Вахане. Основываясь на этом, Станкевич назвал дореволюционную жизнь таджиков Западного Памира полуоседлой, полукочевой. По его словам, эти горцы зиму проводят в

¹ Федченко А. Заметка о верхнем Зеравшане. – С. 50.

² Федченко А. Заметки о Магианском бекстве. – С. 64.

³ Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции. – С. 108.

кишлаках, расположенных в оазисах речных ущелий, а летом скитаются со своими стадами по едва доступным горным дебрям¹.

При всем том, в горных районах по большей части ощущался недостаток скота. Кроме земледелия и скотоводства также осуществлялось разведение огородов и садов (культура тута, абрикоса и др.), охота.

Сырьем для вязания служила шерсть и с этой точки зрения материальная база вязального рукоделия основывалась на развитии скотоводства. А. А. Бобринский привел численность скота, которым владела на Западном Памире семья человека среднего состояния. Такая семья в кишлаке Вранг имела 10 голов рогатого скота (2 быка, 4 дойных коровы, 4 теленка), 2 рабочих кутаса (яка), 30 баранов². Понятно, что в такой и, что естественно, более состоятельной, семье трудностей с обеспечением шерстью для вязания не испытывали.

Усредненные значения содержания домашних животных во всем Западном Памире были подсчитаны капитаном А. Е. Снесаревым. В 1903 году общее число скота здесь составляло крупного рогатого скота 8427 или чуть менее 4 голов на одно хозяйство, овец – 32295 или около 23 овец на одно хозяйство³.

В селении Оббурдон Матчинского бекства состоятельным считали хозяйство, которое содержало, помимо крупного скота, 100 и более овец. В свою очередь, в селении Похурд этого края богатым признавали того, у кого в хозяйстве было более 120 овец, 2 лошади, 2 коровы и два-три осла. Эти сведения в какой-то мере отражают разный уровень благосостояния людей, проживавших в разных населенных пунктах верховьев Зеравшана. Так, в

¹ Станкевич Б. В. По Памиру. - С. 629.

² Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского. – С. 79.

³ Снесарев А. Е. Докладная записка капитана генерального штаба А. Е. Снесарева о зякете в Западном Памире. – С. 87-88.

селении Куруд Фальгарского бекства чтобы хозяйство считалось состоятельным, следовало владеть поголовьем из 200 овец и коз в количестве штук и по паре лошадей, коров и ослов¹.

А. А. Семенов писал о совершенно незначительном скотоводстве в Дарвазе и весьма ограниченном в Раште. Так, в долине Сурхоба на одно хозяйство приходилось 20 баранов или козлов, 4 головы рогатого скота. В Дарвазе наиболее состоятельная семья имела 4 коровы, 2 пары быков, лошадь, 20 баранов, 30 козлов. При этом большая часть дарвазцев держало лишь корову и 2-3 быков².

По данным капитана Васильева, в Раште (хозяйства Хаитское, Калаи-Лаб-Обское и Гармское) на 1 таджикский двор приходилось в среднем 8 баранов, 1 лошадь, 0,3 осла и 1,75 коровы. Комментируя эти данные, автор статистических материалов писал, что скотоводство в Раште было развито в небольших размерах. Исключение составляло лишь киргизское население. Причину такой картины он видел в продолжительной зиме и, по этой причине, очень трудном прокорме скота³. О недостатке скота, и то лишь овец и коз, у жителей Западного Памира писал Станкевич. Он отмечал, что в Рушане, к примеру, коров и лошадей не было совсем, а в Шугнанах даже «плюгавый коровенок» встречался очень редко⁴.

Причина того, что большинство горного населения не имело более или менее приемлемого поголовья скота заключалась не только в их несостоятельности, что, само собой, тоже оказывало влияние. Другим фактором были проблемы, связанные с уходом за скотом – трудности заготовки травы, необходимость постройки зимнего скотника и др. Очевидно, такая картина имела место во всех горных районах распространения вязания.

¹ Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции. – С. 92, 106, 110.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 458.

³ Васильев. Статистический очерк Каратегина. – С. 430.

⁴ Станкевич Б. В. По Памиру. - С. 464.

Конечно, использовать эти данные для подсчета общего числа скота во всем Памире (в зависимости от численности семей, хозяйств) было бы неправильно. Уровень благосостояния жителей Западного Памира в зависимости от конкретных районов проживания был разным, причем колебания в этой области были весьма значительными. Тем более неуместно логика уравнивания степени благосостояния жителей с другими горными регионами. Для этого достаточно, например, принять во внимание материалы ботаника В. И. Липского о нищенских условиях жизни населения верховьев Зеравшана, в частности Ягноба¹.

Тот факт, что в силу ряда трудностей основное население гор не держало большого числа скота, не означает, что оно было готово легко расстаться с ним. Как писал капитан В. В. Эггерт, возглавлявший Памирский отряд в 1896-1897 годах и собиравший сведения о жизни горцев, таджики Памира свой скот продавали русским постам весьма неохотно. В этом аспекте он отметил, что данный факт служил доказательством того, что избыток скота у них был невелик².

В условиях, когда земледелие и скотоводство не обеспечивали жизненных потребностей горцев, они были вынуждены искать прочие источники пропитания. Для молодежи мужского населения долин Дарваза и Рашта, верховьев Зеравшана таким источником стал отхожий промысел. Дарвазцы и раштцы отправлялись на заработки в долину Ферганы (Маргилан, Коканд, Ходжент), Истаравшан (Ура-Тюбе), Гиссар, частично в Сырдарьинскую область России. Особенное распространение заработок на стороне имел в селениях по обе стороны реки Зеравшан. Жители этих мест отправлялись в Самарканд, Пенджикент, Ташкент, Истаравшан и другие равнинные города. Так, жители селения матчинского Оббурдон работали в

¹ Липский В. И. Горная Бухара. – Ч. 1. - С. 155-156, 159, 188, фото на стр. 113, 157.

² Эггерт В. В. Очерк Памиров. – С. 20.

Истаравшане маслобойщиками и кондитерами (приготовляли халву). Фальгарцы ходили работать поденщиками в Самарканд, откуда возвращались в пору жатвы пшеницы¹. Отправлялись по большей части осенью, работа на стороне длилась месяцами, а то и годами. По мнению А. А. Семенова, Наименьшую потребность в отхожем промысле испытывали раштцы, которые, однако, все равно покидали родной край, что объясняли любопытством и любознательностью².

Однако такую точку зрения на логику поведения раштцев не разделял кап. Васильев, по словам которого, для них отхожий промысел был необходим, так как экономическое благосостояние большей части жителей было весьма низким³.

Были и другие направления трудовой миграции. В частности, у дарвазцев была возможность отправиться на условиях найма для промывки золота в верховья Пянджа или для разработки руды на берега Ванджа.

Все эти негативные факторы, а также бедность, замкнутость жизни по отдельным долинам и селам, отдаленность от больших городских базаров, вынуждало горное население заняться ремеслами повсеместно. Они производили для себя одежду, обувь, посуду. Таким образом, для горных таджиков существенным стимулом развития домашних промыслов послужили трудные условия жизни. Шерсть для тканья получали с собственного скота или выменивали у кочевников, хлопок приобретали у долинных жителей. Горцы Западного Памира хлопок покупали в Таликане и Файзабаде, дарвазцы – в Раште. В области текстильного производства мужчины занимались ткачеством, женщины пряли, шили одежду, вышивали, вязали. В то же время, жители высокогорья (Западный Памир) необходимые

¹ Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции. – С. 92, 112.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 67.

³ Кап. Васильев. Статистический очерк Каратегина. – С. 432.

предметы хозяйства приобретали на стороне (из Бадахшана, Ферганы, а также у киргизцев).

Говоря о видах применяемой в рукоделиях, следует отметить, что помимо шерсти одомашненных животных (овечьей и козьей), в высокогорье еще с древнейших времен для этой цели находила применение шерсть диких горных козлов (кииков) и горных баранов (архаров). Тематика наскальных изображений (петроглифов), найденных на Памире, в верховьях Зеравшана, а также горных районах Узбекистана (например, Зараутсой) и Киргизстана (Саймалытош и др.) связана со сценами охоты на этих животных. Петроглифы датируются разными эпохами – от каменного века до средневековья. Многочисленные наскальные рисунки, изображающие охоту на горных козлов и баранов, зафиксированы у селений Шамтич, Шахи Сиёх, Дашти Мулло-Тохириён, Кашкулсанг, Вешаб, Фатмев в горном Зеравшане¹, в гроте Шахтисой, недалеко от селений Намадгут, Лангар, Поршнёв, Шохдара, Язгулом, Окджилга, Бартанг и других местах Горного Бадахшана².

Они показывают, что с древнейших времен горные козлы имели большое значение для жизнедеятельности горцев. Их мясо использовалось для питания, шкура – в качестве теплого напольного покрытия, шерсть и пух применялись в качестве текстильного сырья, хвост прибивали к священному шесту *туг*, который устанавливали на мазарах святых, мощные спиралевидные рога также имели культовое значение и служили в качестве оберега. Закрученными рогами горных козлов украшали святые места (мазары, мечети) и жилища (прибивали к колонне веранды, перекладине у входа)³.

¹ Хамза Камол. Дневник путешествия в Искандеркуль, Фалгар и Горную Матчу. - № 1-2. – С. 44, № 3-4. – С. 45-52.

² Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – С. 80-96.

³ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. – С. 175-176.

Предметы одежды, связанные из шерсти животных, обитающих в высокогорье, отличались, очевидно, большей теплотой и стоили значительно дороже. Понятно, что такие изделия были доступны ограниченному кругу жителей.

Искусство ремесленного вязания применялось в прошлом почти исключительно для одежды. С учетом этого заслуживает описания традиционная одежда жителей тех мест, где вязание получило наибольшего развития (распространения). Ее характеристика позволит акцентировать внимание на предметах одежды, полученных петлеобразованием. Дадим описание мужского и женского костюма горцев, опираясь на материалы, собранные А. А. Бобринским¹, А. А. Семеновым², И. И. Зарубиным³.

Дореволюционный комплекс одежды оседлого населения указанных горных районов был внешне одинаковым. Одевание мужчины составляла рубаха *курта*, глухая – *муллоча* или, по большей части, халат *яктах / гилем*. *Курту* независимо от ее вида опоясывали платком *миёнбанд / фута*.

Поясную одежду составляли штаны *лозими / эзор / танбон*, штанины которых заправляли в голенища ичигов *махси* или сапог *чорук / пех*. Такую обувь шили мехом вверх. Использовались и другие виды обуви – *мукки* и *кафши*. Голенища *мукки* доходили до колен, подошву делали лодкообразной с расширением спереди. *Кафши* представляли собой деревянные туфли на трех ножках. Надевали их поверх *чорук*ов. Под любую обувь наворачивали на ноги портянки *патак* или надевали шерстяные чулки *джураб*. Портянки были в ходу в Раште и верховьях Зеравшана, *джурабы* – в указанных районах и на Памирах. О распространении *джурабов* в одеянии жителей верховьев

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского / А. А. Бобринский. – М., 1908. – 150 с.

² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148.

³ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. - М.: Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. – 123 с.

Зеравшана, особенно в Матчи, на основе материалов 1926-1927 годов пишет этнограф Р. Я. Рассудова. Под *чоруками* их надевали на ноги мужчины, женщины и дети¹. Иногда носили сразу по две-три пары чулок.

Плечевую одежду и штаны горцев Памира были шерстяные естественного цвета шерсти – белые, серые, коричневые, черные. Запахивание халата производилось на правую сторону. Большинство надевало *гилем* прямо на голое тело. По возможности под таким халатом носили рубаху *курта* с треугольной горловиной.

Бритую голову покрывали тибетейкой *токи*, зажиточные мужчины пользовались для этого хлопчатобумажной или шерстяной чалмой *салла*. Памирские мужчины пользовались тибетейками, привозимыми из Бухары или Ферганы. Здесь также была распространена вязаная шерстяная шапочка *накол / каллапушак* в виде колпака.

С учетом того, что вязаные предметы одежды применялись зимой, заметим, что поверх рубахи и штанов в холодный период года горцы надевали черный или темно-серый халат *чакман*. Беднота носила *чакман* непосредственно на голом теле, так как рубаху не имела. Зимой верхней одеждой служил халат овчинный – *пустин* или стеганный на вате – *чапон / джома*. На спину овчинного халата нашивали орнамент, вырезанный из кожи. Жители Памира пользовались чапанами, привозимыми из Бухары или Ферганы, а также покупали их у киргизов.

Применялись также широкие толстые штаны из грубой шерсти - *шаволяк*. Их надевали, когда приходилось долгое время проводить в снегах. Например, когда приходилось отправляться через горные перевалы или охотиться за горными козлами. Широкие (до 2 м) штаны позволяли запрятать в них халат, что было удобно для ходьбы².

¹ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 28, 35.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 30.

Зимним головным убором служила овчинная шапка – *теллак*. Ее делали из сукна и оторачивали мехом. Упомянем также о перчатках – *била* / *дастбила*. Их вязали из овечьей или киичьей шерсти.

Основу обычной одежды горной женщины составляла длинная рубаха. У девушек рубаха имела горизонтальную прорезь для надевания через голову. У замужних женщин на воротах делалось длинный продольный разрез почти до пояса, что было необходимо для кормления ребенка. Как правило, ворот рубахи оторачивали вышитой лентой. Пожилые женщины пользовались лентами без вышивки. Во многих местах (Куляб, Рашт, Дарваз) в праздничной рубахе оформляли вышивкой и другие части – рукава, переднюю часть стана, окружность подола.

На голову девушки и молодые женщины подвязывали платок – *румол* / *сарбандак*. Концы платка подхватывали под косы и завязывали. Чадрой (покрывалом) служила головная подвязка *дорои* / *пиллаги* шириной в 70 см и длиной в 2 м. Пожилые носили темные головные покрывала, молодые – красные разных оттенков и желтые. На Памире были распространены платки *сил*, которые прикрывали затылок и спускались на спину. В Дарвазе для невест делали лицевые покрывала *чаимбанд* / *рубанд* из хлопчатобумажной материи, которые красиво расшивали шелковыми нитями. Верхнюю часть *рубанда* двумя шелковыми шнурами подвязывали к голове¹.

Специальной зимней женской одежды не существовало. В случае необходимости дальнего путешествия горянка одевалась потеплее. Она надевала две-три рубахи одну над другой и плотно укутывалась головным платком.

¹ Фототипии большой коллекции *рубандов* из Дарваза приведены в книге: Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) / А. А. Бобринский. – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900. – 47 с.

Итак, материалы данного раздела диссертации дают возможность сформулировать следующие заключения. Наибольшего развития и распространения вязальное рукоделие таджиков отрасль достигла в горных районах, чему причиной явились доступность сырья из-за более развитого скотоводства и более суровые климатические условия. Продолжительная зима вынуждала горцев вместо земледельческих работ почти три четверти года заниматься домашним рукоделием. С другой стороны, климат вынуждал население производить и одевать теплые вещи, в том числе вязаные шерстяные изделия (шарфы и рукавицы, чулки и носки, головные платки и колпаки, джемпера).

Сырьевая база вязания, всецело зависящая от источников получения шерсти, обеспечивалась за счет распространения и развития скотоводства. В этом аспекте большое значение имел в хозяйствах домашний скот. Жители горных районов со слабым уровнем скотоводства приобретали шерсть на стороне. Покупной шерстью пользовалось и население, не державшее собственный скот. При этих условиях вязанием в горных районах занимались повсеместно и в пределах каждого отдельного хозяйства;

Широкому распространению и развитию вязания, как впрочем, ремесла в целом, в горных районах проживания таджиков способствовал также низкий уровень жизни местного населения. Занятие ремесленной деятельностью позволяло горцам производить самые различные продукты обихода;

Продукты вязания в зимней одежде горных таджиков были представлены достойно. Они входили, как в состав повседневной одежды, например, колпаки *накол*, так и праздничной (те же *джурабы*). Дореволюционный костюм жителей разных горных районов, в целом, выглядел одним и тем же. Отличия заключались по большей части в названиях предметов одежды, имевших одно и то же назначение.

Соответственно, во всех этих местах вязаные изделия находили применение. В отдельных горных районах использовали по большей части завозимые предметы вязки, причем направление завоза соответствовало с юга на север.

2.2. Трансформация традиционного вязального дела

Благодаря сохранившимся письменным источникам, музейным образцам и материалам этнографических исследований, состояние национального вязального ремесла в конце XIX – первой половине XX века изучено в большей степени. Эти сведения позволяют выяснить, что в материальной культуре таджикского народа вязальное рукоделие, в отличие, например, от ткачества, было занятием исключительно женским. Так было в дореволюционное время, соблюдалась эта традиция и в XX веке. Применительно к периоду конца XIX – началу XX века на это указано в ряде источников, например, в этнографическом произведении графа А. А. Бобринского¹.

Хотя отдельные, крайне редкие исключения из этого правила существовали. В горных районах мужчины некоторых занятий отступали от указанного обычая, находя время и на выполнение типично женских работ, таких, как прядение (из козьей шерсти) или вязание. Речь идет, в частности, о пастухах, которые одновременно с основным своим делом располагали возможностью заниматься побочно ремеслом. Однако это не носило массового характера, и было очевидным исключением из установившегося общего правила.

Согласно установившейся традиции, мужчины ткали и красили, занимаясь специализированным производством товарной ткани. Происходило это в приспособленных цеховых условиях.

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 84.

Непрофессиональные текстильщики из числа мужчин находили время для выделки тканей и окраски текстиля у себя на дому. В условиях надомного производства они ткали для собственного потребления и таким ремеслом мужчины занимались практически во всех хозяйствах¹.

Привлечение женщин к текстильной обработке волокна происходило только в условиях надомного труда. Получением пряжи и тканей, их отделкой, вязанием и плетением они занимались на дому. Производимая ими продукция шла, как на обеспечение своих семейных нужд, так и на продажу.

В целом же, в Средней Азии на производстве ремесленного текстиля мужчины и женщины были заняты примерно в равной мере.

Итак, вязаные изделия местной выделки были продуктом женского труда, изготовленные в домашних условиях. Вязали таджички повсеместно, в том числе в долинных районах, но горные таджички занимались таким рукоделием значительно больше.

Для этого рукоделия употреблялись нити хлопчатобумажные и шерстяные, в чистом виде или в их комбинации. Но все же главным видом вязального сырья служила шерсть.

Полученная продукция имела отношение в основной своей массе к предметам одежды, прежде всего, теплой. Это – шарфы и рукавицы, чулки и носки, головные платки и шапки, джемпера.

В прошлом у таджиков, если сравнить эти отрасли в сопоставимых единицах, производство вязаных изделий по объему производства не уступало ткачеству. Вязальное ремесло было распространено среди таджикского населения ничуть не меньше ткацкого, более того, если учесть число людей, непосредственно причастных к этим промыслам, вязание было

¹ Этот аспект текстильного ремесла таджиков на конкретных материалах зафиксирован, например, основоположником таджикской советской литературы С. Айни на основе его личных наблюдений. См.: Айни С. Воспоминания. – С. 9-17.

более распространенным. Ткать могли не все, если принять во внимание, что для производства ткани нужно наличие ткацкого станка, большого числа нитей, обладание навыками выполнения целого ряда операций. В отличие от этого, вязало, особенно в горных районах, практически все женское население, от девочек-подростков до пожилых женщин. Благо для этого специального оборудования не требовалось. Достаточно было иметь нехитрый инструмент – спицы или крючок. Крючком при необходимости служила простая проволока с изогнутым концом, обладающая определенной жесткостью, а роль вязальных спиц играли обычные деревянные прутики. И действительно, средневековые мастерицы пользовались именно деревянными спицами, используя вместе три-четыре прутика¹.

Петли натягивали на спицы в любое свободное время дома и на улице, на досуге и в гостях, в одиночестве и в кругу подруг, за милой беседой. Как писали супруги Наливкины, в долине Ферганы женщины любили ходить в гости к соседям, чтобы вместе скоротать время за беседой и одновременно выполнять разные текстильные работы (шитье, прядение, очистка и перебивка ваты и т.п.). Как здесь, так и в горных районах, такое времяпровождение являлось самым заветным желанием женщины. Это поведение местных представителей прекрасной половины Наливкины объясняют их склонностью “поболтать и посплетничать”². Как бы то ни было, остается лишь строить догадки, какой огромный объем вязаных изделий ежедневно производилось горцами повсеместно.

Примечательная особенность традиционного вязания таджиков, что было особенно характерно для жителей гор и предгорий, заключается в том, что практически любая семья образовывала свою собственную ремесленную

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 84.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 136.

династию, когда путем передачи мастерства от одного поколения другому, навыки вязального мастерства приобретала каждая женщина.

Отношение к джурабам. Вязаные чулки ручной выделки имели функциональное (практичное, утилитарное), эстетическое, а также сакральное значение. Их практическое значение заключалось в том, что чулки применяли для защиты ног от холода. Это их качество имело особую ценность для жителей гор и предгорий - районов с более суровыми климатическими условиями.

Эстетическая функция шерстяных чулок вытекала из их красоты, игравшей определяющую роль в общем декоре мужского и женского костюма горцев. Декоративная составляющая джурабов по своей значимости была равноценной той роли, которую выполняли вышивка и золотое шитье в нарядном костюме таджиков из равнинных районов. Увлекательные, да и незатейливые узоры вязаных изделий, прежде всего, чулок, полученные, как правило, комбинацией ярких красок, привлекали внимание окружающих, придавали и мужскому, и женскому национальному костюму пестрый колорит и притягательность. Этим можно объяснить, к примеру, использование пестрых вязаных чулок в одежде в качестве предмета верха. Мужчины и женщины заправляли штанины внутрь паголенка чулок.

Наряду с тем, в быту горцев *джурабы* имели более весомое значение, что обуславливало весьма почтительное к ним отношение. Изделия вязки, в частности *джурабы*, не только использовались в качестве элемента одежды, но и как товар, фигурировавший во время многих традиционных обрядов: свадебных подношений, подношения ишану (шейху) при посещении мазара и др. Данное обстоятельство вместе с семантикой и символикой узоров, послужило фактором, обеспечившим *джурабам* сакральное значение.

Как пишет М. С. Андреев, в долине Хуфа пару чулок бесплодная женщина приносила с собой и передавала лично шейху мазара Пои-Ходжа,

расположенному в рушанском селении Рымзун на афганской стороне Пянджа. Богомолье в этом мазаре считалось наиболее действенным средством для лечения от бесплодия¹. Здесь, отправляясь в дом невесты для сватовства, родители жениха брали с собой кроме четырех больших хлебных лепешек и 2,5 кг коровьего масла еще и пару шерстяных чулок. Вдобавок к этому, другие две пары чулок входило в приданое невесты².

Известный таджикский певец Олег Фезов причислил *джурабы* к культовым предметам горцев, которые служат в качестве «некоего символа, священного послания любви и тепла». По его словам, они сопровождают горца всю жизнь, от колыбели до последнего вздоха. Выходец из Памира, в особенности местная мастерица, узнает *джурабы* собственного изготовления среди сотен, тысяч других, даже очень похожих. Ведь они являются одним из немногих скромных сакральных сокровищ в небогатой и суровой жизни местного населения³.

Распространение ремесла. Особую известность получили вязаные узорчатые чулки – *джурабы*. Сегодня производство традиционных чулок (и не только) незаслуженно связывается только с Памиром⁴. В прошлом такое ремесло было не в меньшей степени распространено и в других горных районах и предгорьях современного Таджикистана – Раште и Дарвазе, верховьях Зеравшана, Кулябском оазисе, Гиссарской долине и др.

На Памире вязание было развито в Шугнанае и Вахане, Бартанге и Ишкашимае, в других долинах области. Рушанцы и шугнанцы их выделывали не только для собственного потребления. Согласно М. С. Андрееву, чулки во множестве вывозились отсюда для продажи или обмена. Он пишет, что это

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. - С. 49.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. - С. 122, 131.

³ Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

⁴ Там их называли также *пехч* и *ириб*. См. Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков. – Описание к илл. 36.

ремесло в быту жителей Рушана и Шугнана занимало более значительное место, чем в долине Хуфа¹.

Правда, с таким мнением М. С. Андреева не согласен Д. Ю. Митлянский, совершивший в конце 1960-х годов путешествие по долинам и горным районам Таджикистана и опубликовавший затем сборник научно-популярных очерков по культуре и этнографии местных жителей. Он отмечает весьма широкое распространение этого занятия у хуфских женщин. Характерна увиденная Д. Ю. Митлянским сцена, когда порядка десяти женщин занимались вязанием, мило беседуя у ручья².

Как бы там ни было, можно констатировать большую значимость вязаных чулок в жизни населения всего Западного Памира. В числе главных произведений местного населения, число видов которых был очень ограниченным, В. В. Эггерт писал о шерстяных чулках, суконных халатах, шерстяной бельевой ткани и грубой работы **палацах**, причем на первое место он поставил именно чулки³.

Очевидно, направление завоза шерстяных чулок для продажи в пределах Горного Таджикистана определялась с юга на север. Так, жители Язгулема снабжали *джурабами* население Ванджа⁴.

Таджикские мастерицы занимались таким рукоделием не только в пределах Средней Азии. Не меньшее распространение оно получило в материальной культуре таджиков Афганистана, опять же населявших, прежде всего, горные районы. Согласно сведениям, собранным афганским военным министром Мухаммед-Надир-ханом в 1923 году и опубликованным Б. Кушкеки, выделкой узорчатых чулок занимались, например, в Вардудже,

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 248.

² Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 67.

³ Эггерт В. В. Очерк Памиров. – С. 20.

⁴ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 64.

Зардиве, Саргилане, Имгоне, Роге и некоторых других населенных пунктах афганского Файзабада.

Символично, что особое развитие вязальное ремесло имело в пределах левобережного Дарваза¹. Дело в том, что жители обоих берегов Пянджа веками входили в состав одних и тех же государств, жили в тесной связи между собой, имели разветвленные родственные отношения. Благодаря этому у них сложилась общая культура, что, естественно, отразилось и на ремесленной деятельности.

А. А. Бобринский в своей книге «Орнамент горных таджиков Дарваза» писал, что севернее и западнее Дарваза чулки не вязали. В пределах Рашта (Каратегина) и верховьев Зеравшана, по его словам, жители носили чулки дарвазской выделки. Однако такое утверждение известного знатока быта таджикских горцев носит спорный характер. Согласиться с ним можно лишь в той части, которая касается вывоза дарвазских *джурабов* для продажи на соседних территориях. Есть многочисленные свидетельства очевидцев о производстве теплых чулок в пределах Рашта и в верховьях Зеравшана, а также в Кулябском оазисе. В частности, З. А. Широкова, не согласившись с таким категоричным утверждением А. А. Бобринского, приводит убедительные примеры, включая источники и личные наблюдения, что, например, в селениях Рашта, Ховалинге и Сари-Хисоре, вязкой орнаментированных чулок занимались².

Заметка В. А. Варыгина - автора сочинения по географии и этнографии населения Кулябского бекства указывает, что в конце XIX – начале XX века, возможно, на равнинных территориях этого бекства вязанием не занимались. По его словам, «все вязанья и плетенья всецело дело рук узбекских женщин». Вместе с тем, следует иметь в виду, что на страницах, где встречается данная

¹ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 24-212.

² Широкова З. А. Одежда. – С. 283.

заметка, приводятся обобщающие рассуждения автора сочинения не конкретно о женщинах Куляба, а о жительницах всего Бухарского эмирата. При этом В. А. Варыгин ссылается на свидетельства местных мужчин, по нелестным словам которых «таджички могут только готовить обед, шить свой несложный костюм и делать кизяк»¹.

Равнинные таджики, скорее всего, пользовались вязаными шерстяными чулками, изготовленными горцами. Они также имели возможность приобрести изделия ручного вязания, завозимого из сопредельных стран. Так, в числе главных товаров, завозимых в Бухару из Кашмира в 1833-1834 годах П. И. Демезон писал о джурабах как полусапожках и перчатках дастпуш².

Итак, в пределах Кулябского оазиса таджички занимались вязанием, скорее всего, в горных районах, граничащих с Дарвазом и Раштом. Погода в этой местности (Ховалинге) по преимуществу прохладная и зимой температура снижается до – 35 градусов.

Что касается пределов долины Рашта, здесь этот вид рукоделия не только существовал, но даже процветал. Во всяком случае, в конце XIX века. Более того, капитаном Васильевым в 1887 году зафиксировано, что вязаные теплые чулки местной выделки были предметом вывоза из Рашта, причем спрос на них был высоким как зимой, так и летом. По его словам, изделия раштских мастериц отличались прочностью и хорошо сохраняли тепло, они предоставляли комфортные условия при длительных походах по горам³. Очевидно, что потребителями раштских чулок за пределами этой долины были жители равнинных селений и городов, расположенных в Гиссарской долине и Кулябском оазисе.

¹ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. – С. 48.

² Демезон П. И. Записка П. И. Демезона. - С. 54.

³ Кап. Васильев. Статистический очерк Каратегина. – С. 430-431.

Итак, выходит, что здесь чулки также производились в больших количествах, что позволяло немалую их часть реализовать за пределами Каратегинского бекства. А устойчивый спрос на них, причем во все времена года, говорить о высоком качестве чулок, а именно таких их показателей, как теплозащитные свойства и орнаментальное оформление.

Цена, по которой продавалась пара чулок в Раште и Дарвазе, зафиксирована в труде Г. А. Арандаренко - одного из первых европейцев, посетившего эти места (в 1882 году) и собравшего подробные сведения о крае. Одна пара *джурабов* стоила 20 копеек, что было в два раза дешевле сапог из сыромятной кожи или куска *карбоса* (12 аршин), необходимого на пошив комплекта нижней одежды (рубahi и штанов). Три пары чулок можно было выменять на кусок хлопчатобумажной пестряди *алоча*, достаточный на один халат¹.

М. Мустанджир в 1870 году отметил производство чулок в селениях Матчи, например в Оббурдоне. Здесь женщины из шерсти собственного скота приготавливали пряжу, которую затем окрашивали и подвергали вязанию. Указанный выходец из Самарканда писал, что здесь для окраски пряжи для чулок в красный цвет использовали краску на основе марены *руян*, желтый цвет получали из купороса, производимого в районе Фона².

Р. Я. Рассудова по результатам изучения фондов Ленинградской (Санкт-Петербургской) Кунсткамеры, подтверждает сообщение М. Мустанджир и, более того, указывает на развитой уровень вязания *джурабов* в верховьях Зеравшана³. В этих условиях несправедливо, что Н. А. Белинская, указывая основные центры вязального рукоделия, перечисляет Ишкашим,

¹ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. – С. 457.

² Мустанджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции. – С. 96.

³ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 28.

Шугнан, Рушан, Юго-Западный Дарваз, Лахшский район долины Рашта, однако верхний Зеравшан не упоминает¹.

Вместе с тем, по сведениям путешествовавшего по этим местам М. Мустаджира, вязка чулок в пределах Фальгарского бекства не встречалась. Жители этого края носили шерстяные чулки, завозимые из Матчи и Читрала². Причина того, почему в селениях Фальгара вязанием не занимались, остается непонятной, если учесть, что здесь сырьевая база этой области ремесла была более развитой, чем в Матчинском бекстве. Выше, с отсылкой на данные М. Мустаджира, мы отмечали, что число овец в фальгарском хозяйстве примерно в два раза превышало этот показатель для матчинского. Возможно, причина кроется в том, что женщины в Матче считали более выгодным заниматься другими промыслами, нежели вязкой чулок.

Таким образом, во второй половине XIX века Матчинское бекство было одним из известных центров вязального рукоделия. Объем производимого местными рукодельницами вязаных чулок был достаточным для того, чтобы не только обеспечить в них потребности своих семей, но и вывозить их для продажи или обмена в соседние районы.

Очевидно, что в Матчинских селениях вязкой чулок занимались и прежде, еще до присоединения нагорных тюменей к Российской империи. Местные традиции вязального рукоделия складывались веками. Здесь это ремесло было развитым и в первые годы советской власти³.

Согласно этнографическим материалам А. Х. Хамиджановой, собранным в 70-х годах XX столетия, жители горной Матчи придерживались традиции ношения доходивших до колена шерстяных чулок с геометрическим орнаментом. Здесь в послевоенные годы мастерицы, наряду

¹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 14.

² Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции. – С. 112.

³ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 28, 35.

с чулками, стали вязать и шерстяные носки *джуроби калта* («укороченные чулки») / *нимджуроб* («получулки»), которые, правда, не получили большого распространения»¹.

География распространения вязаных шерстяных изделий зависело, с одной стороны, от наличия шерстяного сырья, с другой – от климата районов. Так, население Горной Матчи после их переселения в Дальверзин, которое началось в 1956 г. и продолжилось до 1970-х годов, перестало заниматься производством вязаных шерстяных чулок. Причину этого А. Х. Хамиджанова видит в жарком климате нового района проживания матчинцев, а также в недостатке здесь шерсти скота. «Но зато (у них) в обиход вошли фабричные трикотажные носки», - пишет она². Как видим, в данном случае мы имеем дело, как с объективными, так и субъективными факторами, оказавшими отрицательное влияние на сохранение у переселенных выходцев из Горной Матчи традиционного вязального ремесла.

Заметим, что термин «джураб» - таджикского (персидского) происхождения и используется в значении носков. Разные варианты произношения этого слова служат названиями таких изделий почти во всех странах, где существует их изготовление. Аналогично, в Таджикистане разные группы населения в зависимости от района проживания употребляют несколько форм произношения данного термина. Разница в произношении наблюдается даже в пределах одного региона республики - Горного Бадахшана: шугнанцы называют их *джириб*, рушанцы – *джураб*, ваханцы – *джеран*, ишкашимцы – *джерабук*³.

Происхождение указанного названия может косвенно указать на место, откуда могло распространиться в другие районы искусство выделки

¹ Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. – С. 144.

² Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев ... – С. 159.

³ Что такое *джурабы*? [Электронный ресурс].

джурабов, Однако исследование этого вопроса сопряжено с большими сложностями и может привести к возникновению спорных заключений. Более того, данная задача вряд-ли разрешима. На наш взгляд, любые мнения на этот счет будут носить исключительно гипотетический характер.

Ношение чулок. *Джурабы* изготовляли разной длины, распространенными были даже чулки метровые. При их надевании на ногу излишек складывали наружу в широкую складку¹. По словам Д. Ю. Митлянского, в Хуфе *джурабы* вязали до голени, до колена и размером с охотничьих сапог². А. А. Бобринскому на глаза попались вязаные чулки наиболее длинные – 86,5 см и самые короткие – 58 см. В дореволюционное время было принято вязать *джурабы* шириной около 19 см независимо от их длины³. Однако, И. И. Зарубин указал более высокое верхнее значение чулок – до 102 см⁴.

Вверху чулки затягивались специальным шнурком с бантиками. Затяжку шнурка производили после заправки в чулок конца штанины. Чулки носили часто по две, по три пары сразу, даже летом. Делалось это из эстетических соображений: так было красиво. Но эта картина встречалась лишь в мужском костюме⁵.

Д. Ю. Митлянский также наблюдал, что *джурабы* горцы носили круглый год. Подчеркивая этот момент, далее он пишет: «Зимой мужчины (они больше бывают на улице) натягивают по несколько пар (чулок – С. С.) под кожаные сапоги на мягкой подошве без каблуков. Раньше сапоги совали в деревянные галоши, а сейчас (в 1960-х годах – С.С.) надевают резиновые»⁶.

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 249; Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – С. 91.

² Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 67.

³ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - С. 18.

⁴ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – С. 91.

⁵ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 249.

⁶ Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 68.

Мягкие кожаные сапоги, надеваемые поверх чулок, о которых пишет Д. Ю. Митлянский, назывались *пех*. Они были с короткими голенищами. Сапоги у подъема обвязывали тесемками *пехбанд*, которые, подобно чулкам, были вязаными или же плетеными¹.

В годы Великой Отечественной войны тысячи пар памирских *джурабов* были отправлены на фронт. Отмечено, что немало солдат советской армии спасли свои ноги от обморожения именно благодаря теплым носкам ручной выделки из Таджикистана². Большой популярностью *джурабы* стали пользоваться и в период, когда в Советском Союзе вошло в моду занятие аэробикой. Ее называли здесь ритмической гимнастикой. Чуть выходя за верхний предел хронологических рамок исследования, отметим, что Постановлением Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 1956 года «Об организации производственной гимнастики на предприятиях и в учреждениях» были введены «пятиминутки бодрости». Теперь ритмической гимнастикой занимались не только в домашних условиях и в свободное время, но и на работе. Теплая мягкая обувь помогала, с одной стороны, оберегать стопу от холодного пола, с другой - от возможных повреждений, связанных с физическими упражнениями – ушибов и вывихов. Чулки таджикских мастеров стали пользоваться высоким спросом и у полярников, туристов, лыжников, любителей зимней рыбалки³.

Сырье. Как отмечалось, ключевым фактором, повлиявшим на распространение вязального дела, служило наличие шерсти. Этим и объясняется развитие данного ремесла в горных районах, где в хозяйстве жителей скотоводству уделялось не меньшее значение, чем земледелию. У таджиков Памира, Дарвазско-Раштской зоны, Верхнего и Среднего

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 52.

² Памирские джурабы [Электронный ресурс].

³ Там же.

Зеравшана, Куляба на одно хозяйство приходилось в среднем по 20 овец и козлов¹.

Сырьем для вязания на равнинах и в предгорьях традиционно служила овечья и козья шерсть. Жители высокогорий вязали из шерсти домашних овец и коз, яков и верблюдов, горных козлов и баранов. В горных районах со слабым развитием животноводства, но с сильно развитой выделкой чулок, выискивали другие источники добычи шерсти. Так, в Хуфе, по свидетельству М. С. Андреева, много лет изучавшего этнографию долины в первой половине XX века, весной стригли для этого даже собак. Здесь для вязки применяли также линяющую шерсть лошадей и ослов, которую собирали щеткой, - писал он².

Однако Д. Ю. Митлянский, посетивший Памир через десятилетие после издания книги М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», был очевидцем совершенно противоположной картины. Скульптор отмечает, что «в Рушане, как и в других местах на Памире, их (чулок – С. С.) делают много, это был здешний «экспортный» товар, хотя овец было мало, и злые языки уверяли, что рушанцы добавляют «к овечьей шерсти конскую и даже собачью». На хуфцев же такой навет не мог распространиться, у них было полное алиби: в их долине не было собак». Это служило одной из причин того, что особенно ценились хуфские *джурабы*³.

Согласно этнографическим материалам, наиболее подходящим сырьем для вязания *джурабов* является козлиная или баранья шерсть. Желательно использование грубой шерсти. Шерсть тонкорунных пород овец для этой цели не годится. Вязальщицы сначала из грубой шерсти изготовляют плотные тонкие нити, которые затем скручивают в толстую прочную пряжу. Такую

¹ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. – С. 459.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. - С. 248.

³ Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 68.

пряжу с трудом можно разорвать руками (сообщение народной мастерицы Ниёзбегим Гуломшоевой)¹.

В отчете о своей командировке в Припамирские бекства А. Черкасов писал, что «без овец не обходится ни одно семейство, ибо шерсть их нужна таджичкам, как материал для тканья сукна, в которое одеваются горцы, и вязанья чулок»².

Для получения шерсти нужного качества (шелковистой, мягкой и прочной), в хозяйствах придавали особое значение уходу за скотиной, дающей вязальное сырье. Так, ее часто мыли и хорошо кормили³.

При этих условиях вязанием занимались, особенно в холодный период года, в кругу каждого хозяйства, каждой семьи. Причину массовой распространенности текстильных рукоделий зимой у жителей Горного Таджикистана А. П. Шишов в 1910 году обосновывал следующим образом: «Три четверти года в некоторых горных местах приходится проводить безвыходно в своих кишлаках. Почти восемь месяцев у ягнобцев бывают прерваны все пути сообщения с соседними обитателями гор... Все это время горные жители проводят в приготовлении для себя одежды. Они занимаются мотанием и кручением ниток из шерсти, получаемой с собственного скота»⁴.

Впрочем, на этот аспект жизни таджикских горцев другие исследователи обращали внимание еще раньше. Так, капитан Ванновский – начальник рекогносцировочной партии Российского Генерального штаба, действовавшей в Рушане и Дарвазе в 1893 году, в своем отчете, содержащем и этнографические сведения, также не преминул заметить, что наиболее подходящим временем для этого были зимние вечера. Он отмечает, что в это

¹ Красота – в ногах. Особенности изготовления памирских джурабов [Электронный ресурс].

² Халфин Н. А. **Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова... - П. IV.**

³ Памирские джурабы [Электронный ресурс].

⁴ Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 225-228, 252-258.

время женщины «вяжут из бараньей шерсти чулки, ткнут грубые сукно, а мужчины выделывают кожи для шуб, плетут верёвки и делают сапоги и капы»¹.

В свою очередь А. А. Семенов, на месте изучавший образ жизни населения Рашта, Дарваза и верховьев Зеравшана, в опубликованной в 1903 году этнографической работе пишет: «Обычное время для тканья это зима, когда нет других занятий, вроде полевых работ, пастьбы скота и т.п. В это время семьи горцев, собравшись по нескольку в зимние жилища, обыкновенно только и заняты изготовлением различной одежды, тканьем и вязаньем... Вдоль стен по нарам идет дружная и спешная работа: женщины вяжут, шьют или сучат нитки, мужчины ткнут, причем часто стук ткацких станков и шелканье челноков смешиваются с веселыми и продолжительными песнями, которым вторят бубны и барабаны». По его словам, в темной хижине любого таджикского горца «кругом идет работа, так как тканье хлопчатобумажных материй, прядение, вязание и вышивание не прекращаются и зимою и берда, челноки, ткацкие станки и игла усиленно работают в это время»².

Инструменты и работа. Как отмечалось, инструментами для кустарного вязания служили спицы и крючки, которые на Памире назывались одинаково - *сих*. Спицы делали из веток разных пород деревьев – ивы, ветлы, вербы, горной древесины и др.³ Крючки были медными и серебряными. Кончики деревянных спиц для удобства работы обжигали. В 1930-х годах они начали уступать свое место металлическим спицам⁴.

¹ Ванновский С. Л. Извлечение из отчёта капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе. – С. 93.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 44, 58.

³ Памирские джурабы [Электронный ресурс].

⁴ Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

По М. С. Андрееву, вязание крючком обозначалось термином «яксиха» («на одной спице»)¹. Значит, работа на вязальных спицах имело название *чорсиха* («на четырех спицах»), так как использовались четыре штуки вместе. Наряду с тем, А. А. Семенов выразил свое искреннее восхищение тем, что таджикская женщина умудряется за 3-4 дня связать на трех прутиках пару чулок с «поразительным разнообразием рисунка»². В этом случае, очевидно, можно вести речь о технологии *сесиха* («на трех спицах»).

А. А. Бобринский пишет, что на крючке выделывали *джурабы* кашмирского типа - с двойным верхом. Особенность кашмирской техники, по его словам, – выведение более длинных петель с меньшей натяжкой, хотя чулки получались плотными и прочными³. Вязальный крючок памирского типа железный, с короткой ручкой (илл. 2.2). На противоположном от рабочей части конце оснащался небольшим ушком, через которое продевали шнурок с кистью⁴. Таким образом, вязальный крючок по факту представлял собой ушковую иглу криволинейной формы.

М. С. Андреев приводит и другое (помимо *яксиха*) распространенное в середине XX века название для работы с вязальным крючком - «читрали» (по-читральски»). Упоминание в пределах таджикского Бадахшана о Читрале и Кашмире указывает на то, что способ вязания на крючке проник сюда с юга, а именно из пределов Пакистана.

Четыре спицы вместе применялись при изготовлении чулок и в других районах Таджикистана. Вот как описывает наиболее плодотворный исследователь таджикского народного костюма З. А. Широкова технологию их получения мастерицами в Дарвазе и Раште: «В чулках обычно сначала вяжут узорную верхнюю часть в четыре нитки — *чорришта / чорвошки*, а

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 249.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 61.

³ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа ... – С. 84.

⁴ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – С. 91, илл. h.

затем такой же длины вяжется нижняя не орнаментированная часть. И только когда ее связано столько же, сколько узорной, начинается быстрое убавление в одном и том же месте петель, чем и образуется ступня»¹.

Вязку *джурабов* начинают с верхней части – *гевак* и заканчивают получением участка, соответствующего пятке². Ширину чулка во время вывязывания поддерживают одинаковой по всей длине, начиная сверху и до линии перехода на носок, где начинается постепенное сужение. Концы нити по окончании работы над *джурабом*, как сверху, так и в носке не закрепляют, а оставляют в виде кистей.

Особенность строения традиционного *джураба* заключается в том, что народные мастера вяжут его без пятки и с разными узорами на паголенке и нижней части. Нередко низ чулка вязали одним цветом, без узора, или в мелкий рисунок. Как правило, более яркий рисунок вывязывали на паголенке. Хотя можно было встретить и обратную картину, когда более пестрый рисунок заполнял нижнюю часть чулка. Однако, как отмечалось, всегда его верхняя и нижняя части орнаментировались различно³.

Показатели качества. Одним из основных показателей чулок считалась плотность вязки. *Джурабы* признавались качественными, если в них нога не промокала. В идеале, такие изделия не должны были пропускать воду, даже если ее налить в них⁴.

Журналист Улфат Масум поведал историю преподнесения в 1969 году известным востоковедом И. М. Стеблин-Каменским своему другу, археологу А. М. Беленицкому на день рождения памирские *джурабы*. Даритель, который долгое время проживал в Вахане, сопровождал подарок

¹ Широкова З. А. Одежда. – С. 132.

² Улфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

³ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – С. 91.

⁴ Улфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

многозначительной газелью, в которой ярко охарактеризовал полезные свойства шерстяных чулок:

*Прими, Муаллим [учитель], эту пару джуроб.
 И с ней от раба этот жалкий хитоб [обращение].
 Прославил один недалекий поэт
 Шаробу, рубобу, кабобу, китоб [водка, рубаб, жаркое, книга].
 Но все эти вещи приносят лишь вред,
 А пользу приносит нам только джуроб.
 И с ними на свете ничто не сравнится
 Среди всех существ и предметов на «-об».
 Носить их во время больших холодов
 Есть высшая мудрость и высший одоб [этика].
 А если надеть их во время жары,
 То ты все равно мешави зафарёб [будешь победителем].
 Без них можно быстро свалиться в постель
 И стать из-за козней шайтана хароб [худым].
 А может случиться и хуже того —
 Простудишься так, что из носа джилоб [выделения].
 Поэтому надо всегда отличать
 Харому халол и халалу савоб [вред и пользу].
 Носки эти следует днем надевать,
 Когда на раскопе ведешь кофтукоб [археологические поиски].
 И темною ночью их можно надеть —
 Они навевают пленительный хоб [сон].*

Носки осветят и согреют тебя

И ночью, и днем, как махтоб и офтоб [луна и солнце].

Не зря утверждает Ваханский Иван:

Джуроб для здоровья – важнейший асбоб [инструмент, средство]¹.

В этих стихах можно найти строки, как комического содержания, так и назидательного характера. В любом случае, И. М. Стеблин-Каменский, будучи всемирно признанным специалистом в области этнографии иранских народов, в частности таджикского, не скрывает своего восхищения прекрасными качествами шерстяных чулок горцев. Так, примечательна его заметка о том, что нет ничего предосудительного в том, что носить эти изделия можно даже летом. В них ногам комфортно зимой и летом, ночью и днем, за работой и во сне.

А. А. Бобринский сравнил по качеству *джурабы* из разных горных районов, приняв в качестве показателей качества разнообразие и отчетливость орнамента, хорошее, плотное вязание, а также качество используемой шерсти. Он писал, что лучшие такие изделия изготавливали жители высокогорий – южного Дарваза, Шугнана, Бадахшана (очевидно, Рушана, Ишкашима, Вахана), Читрала. По его словам, качество чулок, изготовленных и используемых в северных селениях Дарваза, было заметно хуже. В частности, орнамент чулок был однообразнее. Подводя итог своим наблюдениям, А. А. Бобринский высказал мнение, что это искусство было завезено в Дарваз с юга, т.е. с высокогорий, где оно, к тому же, было более распространено².

¹ Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему *джурабы* стали символом Памира [Электронный ресурс].

² Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - С. 17.

Производство других вязаных изделий. Помимо чулок, горцы в одежде пользовались и другими вязаными изделиями. Так, вязаной тесемкой *пехбанд* обвязывали сапоги у их подъема. На Памире вязали плоские шапочки *накол*: летние из хлопка, зимние из шерсти. Теплые шапочки вязали колпаком, но во время ношения ее края заворачивали полосой два раза, придав головному убору опять же плоскую форму. Ширина шапочки примерно равнялась половине окружности головы, глубина – около 20 сантиметров¹. Пожилые мужчины поверх летних шапочек, в том числе вязаных, наворачивали чалму². Согласно заключению М. С. Андреева, искусство вязки шапочек *накол* на западном Памире проникло из пакистанского Читрала³.

Шапочку *накол* делали, как правило, однотонным, без вывязывания узоров. Отметим, что традиция ношения такого головного убора сегодня сохранилась в материальной культуре таджиков Афганистана.

Вязальное рукоделие применялось не только в производстве предметов одежды. В такой технике на Памире из козлиной шерсти изготавливали и некоторые другие предметы хозяйственного значения, в частности подпруги с узорным петлеобразованием⁴.

Преимственность вязальных традиций. В советский период развития Таджикистана традиции национального вязального рукоделия получили дальнейшее развитие. Одновременно был построен ряд предприятий по промышленному выпуску вязаных изделий, наиболее известные из которых - Душанбинская трикотажная фабрика “Элегант”, Уратюбинская (Истаравшанская) фабрика верхнего трикотажа, Душанбинская чулочно-носочная фабрика “Нафиса”. Несмотря на возникшую конкуренцию, вязание как ремесло не утратило своего значения. В современном Таджикистане,

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа ... – С. 52; Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. - С. 249-250.

² Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков. – Илл. 36.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). – Вып. 2. – С. 250.

⁴ Масов Р. М. Народное искусство Памира. – С. 109.

развивающемся в условиях государственной независимости, трикотажное производство обустроивается заново, с учетом современных реалий, когда строительство крупных производств считается нецелесообразным. Сегодня отечественную вязальную промышленность представляют ряд предприятий средней и малой мощности, среди которых ООО «Вахдат-Текстиль» (расположено в Яванском районе Хатлонской области, продукция – чулочно-носочные изделия, мощность - 1,2 млн пар в месяц, число работников - около 170 человек), ООО «Нассочи Хучанд» (комбинат, включающий несколько производств, в том числе трикотажное с годовой мощностью 1 тыс. тн сурового полотна), ООО «Нохид» (расположено в г. Истаравшан, мощность - 60 тн трикотажного полотна в месяц, готовая продукция - футболки, летнее и зимнее нижнее белье (майки и трусы) для мужчин, женщин и детей, число работников – около 40). Этим предприятиям придается большое значение, т. к. правительством поставлена задача в период до 2030 года преобразовать Таджикистан с аграрно-промышленной республики в страну индустриально-аграрную. Одновременно обществом реализуется другое стратегическое поручение – возрождение, сохранение и развитие народных промыслов. Именно реализация последней задачи позволит сохранить уникальные ремесленные, в том числе вязальные, традиции таджикского народа.

В наши дни приобрести на вещевых рынках Таджикистана вязанные носки и рукавицы ручной выделки не является проблемой, что служит ярким свидетельством того, что в стране многие мастерицы занимаются этим видом народных промыслов на профессиональной основе. Примечательно, что возрождение отрасли началось еще до объявления 2018 года – Годом развития туризма и народных промыслов. Так, к этому времени в селении Ошоба Аштского района Согдийской области уже функционировал специальный кружок вязальщиц «Рукодельница». Сегодня члены кружка под руководством опытных наставниц производят на заказ платки, кофты,

свитера, шарфы, шапки, рукавицы ручного изготовления. Особого внимания заслуживает факт продолжения здесь традиций выделки мохеровых платков на традиционной основе. Фабричная пряжа не употребляется, мастерицы сами занимаются промывкой пуха и тонкой шерсти, расчесыванием на деревянных дощечках с вбитыми гвоздиками, очисткой волокна, прядением на ручных веретенах и крашением посредством натуральных красителей собственного изготовления. Квалифицированная учеба по овладению традиционными приемами ручной вязки подрастающее поколение осуществляется также в Школе искусств г. Бустон (бывший Чкаловск) в Согдийской области.

Таким образом, материалы, изложенные в настоящем разделе работы, позволяют сформулировать следующий ряд заключений. Вязальное рукоделие у таджиков исторически и традиционно было занятием женским, хотя в горных районах фиксировались отдельные случаи нарушения установившегося обычая. Данное ремесло не было цеховым и выполнялось исключительно в условиях домашнего труда;

В условиях ремесленного производства количественно вязание не уступало ткачеству при их сравнении в сопоставимых единицах. И это несмотря на то, что ткачество осуществлялось и в цеховых и в домашних условиях, а вязание – только по домам. Причина заключается в том, что в отличие от ткачества с его более сложной и более длительной технологической цепочкой, примитивным вязанием занимались в кругу практически каждого хозяйства. Следовательно, в сравнении эта отрасль промыслов была более распространенной;

Вязальное рукоделие, в особенности до распространения фабричных изделий такого вида, было распространено во всех местах плотного расселения таджиков. Наибольшую распространенность оно имело в горных районах с холодным климатом и более развитым скотоводством: на Памире

(Вахан, Ишкашим, Шугнан, Рушан, Вандж), в Дарвазо-Раштской зоне, верховьях Зеравшана (Пенджикент, Айни, Горная Матча, Варзоб), горных селениях Кулябского оазиса. Немаловажное значение вязальное рукоделие имело и на левобережье Амударьи - горных селениях Исторического Таджикистана, ныне составляющих волею судеб северные районы Афганистана;

Другая особенность традиционного вязания, что было особенно характерно для горных районов, – участие всех хозяйств (семей) в составлении собственных ремесленных династий, когда мастерицами становилась практически каждая женщина. Данное явление отличалось особой устойчивостью, отчетливо проявляющейся в том, что накопленное мастерство передавалось веками от поколения к поколению. При этом каждое новое поколение вносило свой вклад в развитие традиций, в первую очередь, декоративных, национального вязального рукоделия.

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ЦВЕТОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ОРНАМЕНТИРОВАНИЯ ВЯЗАНЫХ ИЗДЕЛИЙ

3.1. Формирование традиционных технологий приготовления красок и крашения пряжи для вязания

Продукты традиционного вязального ремесла таджиков (чулки, рукавицы и др.) в прошлом заслуженно пользовались большой популярностью. Их охотно вязали, покупали, выменивали на другие товары и гордо носили, что было обусловлено целым рядом их положительных качеств. В частности, они были теплыми, удобными для носки и, что также немаловажно, имели красивый внешний вид. Последнее достигалось, как за счет самобытности вывязанного узора, так и благодаря яркости красок и гармонии цветов.

Следовательно, от мастерицы требовалось не только обладания навыками искусного выведения из нитей петель, но и умения тонко выбирать цвета и использовать их комбинации так, чтобы радовать глаз. Не меньшее значение имели краски, которыми окрашивали нити, их материальное содержание и качество приготовления. Немаловажным было обладание искусством правильной окраски нитей.

Здесь следует особо отметить, что искусство крашения нитей, как и изготовленных на их основе изделий, у таджиков зародилось многие тысячелетия назад. Не исключено, что это произошло почти одновременно с зарождением в Средней Азии искусства вязания и других текстильных промыслов – плетения, ткачества, валяния кошем. Полихромные росписи Песседжик-тепе в Джейтуне (VI тыс. до н.э.)¹ и сохранившиеся следы красок из Саразма (пятна от краски внутри сосудов для ее приготовления)² указывают на то, что древние жители региона уже в неолитический период владели приемами приготовления и использования краски. На возможность крашения шерсти в энеолите указывают исследователи находок Геоксюрской культуры³.

¹ Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. – С. 70.

² Раззоков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма. – С. 16.

³ Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. – С. 126.

Находка двух фаянсовых штампов в одном из женских погребений Сумбарских могильников позволила выяснить, что в Маргиане в эпоху развитой бронзы (XIV - XII вв. до н.э.) существовало искусство набойки¹. На возможность крашения шерсти и валяния кошем в энеолите указывает исследователь находок Геоксюрской культуры И.Н. Хлопин².

Образцы пестрадей - материй, вытканых из предварительно окрашенных нитей, - найдены в бугурском могильнике Чумпук (II тыс. до н.э.). В одной из загунлукских могил сохранились полосы около 1 см ширины с выткаными узорами. Ими украшали различные детали одежды: обшивали перед и нижние края рубахи, разрез ворота. Найден детский халат, всецело сшитый из декоративных лент такого вида. и, выисканном в этой же могиле. Поражает высокая для той эпохи техника исполнения халата с ложными рукавами, основные свойства которого (цвет, окраска, ворсообразующая способность, пластичность) сохранились до наших дней³.

Анализируя накопленные в науке факты, исследователь истории таджикского костюма Г. Майтдинова заключила, что на территории исторического расселения таджиков основные способы использования текстильных красителей были освоены (читай, изобретены) еще в энеолите и бронзовом веке⁴.

Текстильные красители и приемы их использования последовательно совершенствовались в дальнейшем – в эпоху древности и средневековье. К моменту наступления нового времени в пределах Исторического Таджикистана основные традиции красильной обработки волокнистого материала уже сложились. В их формирование и развитие вносили свой вклад, как предки таджикского народа с оседлым образом жизни (древние

¹ Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. - С. 98-99, рис. 7(11).

² Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. – С. 126.

³ Лубо-Лесниченко Е.И. Ткачество. – С. 38.

⁴ Майтдинова Г. История таджикского костюма. - Т. 1. - С. 27, 31, 44-45.

бактрийцы, согдийцы, ферганцы, маргианцы, хорезмийцы и др.), так и среднеазиатские ираноязычные кочевые племена саков и массагетов.

Отменным красильным искусством массагетов восхищались древнегреческие авторы, в частности историк Геродот и географ Страбон. Геродот писал что массагеты растирали и смешивали с водой листья определенного (неизвестного) дерева, в результате чего добывалась очень прочная краска для обработки шерсти. Этим красителем они рисовали на своей одежде фигуры животных. «Эти изображения животных не смываются, а изнашиваются вместе с шерстью, как если бы они с самого начала были на ней вытканы», - отмечал историк¹. В свою очередь, географ Страбон отмечал, что массагеты придавали своей одежде пёструю расцветку, применяя не теряющие свежести краски².

Мнение о высочайшем мастерстве древних изготовителей материалов для крашения для шерсти, работавших в пределах Средней Азии, получило подтверждение и в узелковом ковре, сохранившемся в пятом Пазырыкском кургане. Это древнейший в мире сохранившийся стриженный ковер размером 1,83 х 2 м, который датируется второй половиной V в. до н.э. За счет использования нитей разных цветов, ковер характеризуется сложным узором, изображающим всадников с лошадьми, ланей и грифов.

Поражает высочайшее качество красителей и устойчивость окраски нитей ковра, которые позволили обеспечить сохранность тончайших нюансов в декоре шерстяного изделия спустя два с половиной тысячелетия. Эти эпитеты можно распространить и на другие тканые ковровые изделия и войлочные ковры с аппликацией эпохи Ахеменидов, сохранившиеся в оледенелых курганах Горного Алтая³.

¹ Геродот. История. – Кн. 1. – Б. 203.

² Страбон. География. – Кн. 11. – Б. 8, 7

³ Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – С. 55-64.

Также есть множество других фактов того, что таджикские мастера-текстильщики научились добывать и использовать красители, которые не разрушались столетиями. Эти факты имеют отношение, как в равнинным, так и горным районам. Например, прекрасно сохранились через тринадцать столетий красный цвет шерстяной пряжи, а также желтый и синий цвета хлопковых нитей в составе полушерстяной ткани, найденной в замке на горе Муг¹.

Здесь уместно указать на разницу в подготовке шерстяных нитей, предназначенных для вязания и для ткачества. В Рушане, Дарвазе, Каратегине, Варзобе, Горной Матче, Ягнобе и других горных районах при изготовлении шерстяных тканей для рубаш, штанов и чекменей пользовались некрашеной пряжей из овечьей шерсти. Цвет сукна разных видов (*гилем, рагза, босма, катма, кокма*) зависел от естественной окраски шерсти: белой, черной, коричневой, бежевой, серой. Также поступали при тканье паласов. В частности, на Памире паласы ткали из шерсти яков и козлов. Шерсть не красили, сохраняя ее естественный цвет. Путем сочетания шерстяных нитей различных естественных цветов получали орнаментированные паласы, обычно полосатые².

В отличие от этого, вязание производили из крашеной шерстяной пряжи. Нельзя сказать, что это обуславливалось необходимостью выведения узора. Его можно получить и из шерсти разных естественных цветов. Но в том и заключается суть, например, традиционных *джурабов*, что они в отличие от традиционного сукна или паласа матовой расцветки, обязательно должны быть ярких цветов, кричащей окраски. Необходимо, чтобы соседние цвета контрастировали, белый цвет с красным, желтый с фиолетовым цветом

¹ Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н.э. - С. 86-110; Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - Кн.1. - С. 47, 143.

² Иброхимов М. Ф. История текстильного производства таджиков. – С. 120, 305-313.

и т.д. Каждый очередной цвет помогает соседнему цвету блестеть во всей его красе, делает заметным на дальнем расстоянии.

В традиционном вязальном деле таджиков применялись исключительно натуральные красители, во всяком случае, до тех пор, пока завозимые из России более дешевые химические краски не заполнили прилавки рынков Средней Азии.

Очевидно, были мастерицы, специально занятые на окраске пряжи, но, как правило, вязальщицы для своего рукоделия красили нити сами. Зачастую в целях экономии они своими руками приготавливали и краски.

А теперь проанализируем посвященные этому вопросу сведения письменных источников и этнографические материалы. Сотрудник Российского музея антропологии и этнографии И. И. Зарубин, который летом 1914 году в составе русской экспедиционной группы совершил поездку в Припамирье с целью сбора этнографических и лингвистических материалов, узнал, что здесь для окрашивания шерстяных нитей пользовались завозимыми красками. В верховьях Бартанга их получали от киргизов, а в нижний Бартанг и Рушан краски привозили из Бухары¹. Собственно, эта его заметка имеет отношение к окраске *пехбандов* – тесемок для обвязывания сапог снаружи у места изгиба, однако сути это не меняет. Но, как известно, и для *пехбандов* и для *джурабов* применялись одинаковые шерстяные нити, соответственно, обработанные одними и теми же красками.

Однако несправедливо на основе этой заметки полагать, что жители Горного Таджикистана во втором десятилетии XX века, а тем более и раньше, сами не приготавливали красок из местных материалов. Или что им были неведомы секреты этого ремесла. Растения, дающие краски, произрастают в горах в изобилии, и нет причин сомневаться, что местное население было

¹ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – С. 89-91.

прекрасно осведомлено об их потребительских качествах. Жители высокогорья, в прошлом три четверти года лишённые природой возможности ездить в равнинные районы, пользоваться дарами этой самой природы ещё как умели. От этого зависело как само их существование, так и обеспечение эстетических потребностей.

В подтверждение своего мнения о том, что на Западном Памире промысел по приготовлению красок на основе местного растительного сырья существовал, приведем свидетельства двух очевидцев. Так, некоторые из растений, на основе которых таджикские горцы получали краски, перечислены в работе главного ботаника Петербургского ботанического сада С. И. Коржинского. Эти сведения он собирал летом 1897 года, работая в Рушане и Шугнане в составе сельскохозяйственной научной экспедиции¹.

Далее, сведения, причем более подробные, о красильных материалах, приемах их обработки и методах крашения волокна у таджиков Памира зафиксировал М. С. Андреев в своей этнографической работе, изданной в 1958 году².

Как видим, С. И. Коржинский и М. С. Андреев писали о приготовлении красок в Горном Таджикистане один за два десятилетия, второй через три десятилетия после публикации статьи И. И. Зарубина.

При всем том, разумным представляется заключение о том, что в конце XIX – первой половине XX века горные таджики при крашении пряжи, предназначенной для вязки, пользовались красками, как собственного приготовления, так и привозимыми извне. Этот вывод согласуется с сообщением Д. Ю. Митлянского, который затрагивая вопрос о *джурабах*, пишет: «Что же касается красок, то до недавнего времени некоторые хуфцы

¹ Коржинский С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения. - С. 22.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. - С. 375 – 378.

готовили сами, а другие выменивали у проезжих торговцев. Теперь (в 1960-х годах – С. С.) их заменил линючий и грубый анилиновый»¹.

Как отмечалось, благодаря природно-климатическим условиям местности, в Горном Таджикистане у красильщиков практически не возникало сложностей, связанных с добыванием растительного сырья для приготовления красок самых разнообразных цветов. Благодаря собранным этнографическим сведениям нам известны названия этих растений и кустарные способы приготовления из них красок.

Приемы, которыми пользовались таджикские мастера в своей деятельности по получению красок из многих видов растений местного происхождения, насекомых и других материалов, описаны в опубликованных работах И. И. Гейера², уже упомянутого М. С. Андреева, А. К. Писарчик³, Н. Н. Ершова⁴ и др.

Очевидно, что не все растения, дающие краски и не все виды красок находили применение в крашении пряжи, предназначенной для последующего вязания. Например, *кирмизи* (кошениль) использовалась исключительно для крашения в красный цвет шелка и не находила применение в окраске шерстяной пряжи⁵. Кроме того, некоторые отличия наблюдались и в видах красильных материалов, употреблявшихся на равнинах и в горных районах, где вязальное дело было особенно распространено. С учетом этого, используя материалы указанных выше авторов, укажем главные виды растений, дающих краски, а также приведем

¹ Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам.

² Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. – С. 118-120.

³ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. - С. 375-379.

⁴ Ершов Н. Н. Ткачество. - С. 224.

⁵ Посланник Петра I на Востоке. - С. 85; Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. – С. 82.

сведения о способах получения из них красок и приемах крашения шерстяной пряжи¹.

В горном Таджикистане обладали широким выбором сырья для получения желтого красителя. Такую краску давали напльвы на ореховом и тутовом дереве или на яблоне, цветки желтофиоли, сорт травы, называемой *хасанак*, корни барбариса и щавеля. Собрав нарост с деревьев, его дробили и кипятили в воде. Шерсть предварительно мыли, кипятили в квасцовом отваре, после чего подвергали кипячению в уже приготовленном красильном растворе².

Напльвы на тутовых деревьях использовали для окрашивания шерсти в желтый цвет, например, в Рушане. Для этого тутовый нарост кипятили совместно с квасцами и в полученном растворе кипятили шерсть. После полного обесцвечивания отвара шерсть вынимали, полоскали и сушили. Рушанцы, кроме того, желтую краску получали отвариванием измельченной потолочной копоти³.

Для приготовления оранжево-желтой краски красильщики применяли шафран. Другим способом пряже придавали оранжевый цвет, обработав ее сначала в красной краске, затем – желтой⁴.

Для сравнения отметим, что в равнинных районах Таджикистана желтую краску получали отвариванием цветов сафлора вместе с абрикосовым

¹ Рассматриваемая тема применительно к традиционному текстильному производству таджиков в целом становилась предметом изучения уже в период независимого развития Таджикистана. См.: Иброхимов М. Ф. История текстильного производства таджиков. – Дисс. ... д-ра ист. наук. – Душанбе, 2013. – С. 191-203; Иброхимов М. Ф., Раджабова Д. К. Традиционные технологии приготовления красок и крашения в текстильном производстве таджиков. – С. 114-117.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 211; Ершов Н. Н. Ткачество. – С. 224.

³ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. – С. 378.

⁴ Ершов Н. Н. Ткачество. – С. 224.

клеем и квасцами. Желтый цвет давал также отвар цветов желтофиоли, которые кипятили совместно с поташом¹.

Известно также об использовании хны и коры орехового дерева для изготовления желтой краски².

Чтобы получить красную или розовую краску собирали в горах или специально сеяли марену. На второй или третий год поздно осенью ее корни собирали, высушивали и перемалывали на мельнице. Для приготовления небольшого количества красителя высушенные и измельченные на небольшие куски корня и корневищ растения помещали в ступку и толкли колотушкой до порошкообразного состояния. Полученный порошок растворяли в воде и в полученном экстракте кипятили нити. Окраска мареной отличалась прочностью и не линяла. Изменение концентрации раствора позволяло добиться различных оттенков красного цвета³. В зависимости от протравы получались краски красного, розового, пурпурного, оранжевого и коричневого цветов.

П. А. Пашино отметил простоту получения среднеазиатскими мастерами краски из марены. Чтобы получить красную краску, опускали стебли и корни этой травы в воду. Эта краску можно было превратить в желтую. Для этого красную краску ставили в теплое место и подвергали брожению, что делалось подливанием дрожжей. Вместо дрожжей иногда применяли специальные листья, производящих брожение⁴.

А. К. Писарчик в верховьях Пянджа зафиксировала, как способ получения краски из корней марены, так и технологию крашения ею шерсти. Корни марены после сбора промывали, сушили на улице и размельчали. В

¹ Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. – С. 46.

² Памирские джурабы [Электронный ресурс].

³ Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. – С. 45-46; Он же. Ткачество. – С. 224.

⁴ Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. – С. 141.

результате получался порошок, который высыпали в кувшин и заливали кипятком. Отверстие кувшина покрывали тряпкой, на которую клали груз (камень или дощечку). В таком состоянии состав выдерживали от 3 до 8 дней, что было нужно для квашения. Затем содержимое кувшина выливали в котел и кипятили с добавлением квасцов. Полученный отвар представлял собой готовую к применению краску. В ней красили шерстяное волокно или, предназначенную для вязки, пряжу из него в течение 30 минут. После этого, достав из котла окрашенную шерсть, расстилали ее на чистую тряпку, пересыпали золой и оставляли в таком виде несколько часов. Наконец волокна или пряжу мыли и высушивали¹.

Крупным центром выращивания марены была долина Ферганы².

Для получения красного красителя также применялось сандаловое дерево, завозимое в регион из Индии из Индии³. Однако начиная с 30-х годов XIX века, этот материал постепенно уступил свое место фуксину, завозимому из России⁴.

Памирцы светло-фиолетовую краску получали обработкой уже плодов той же марены. Нужно было их вместе с квасцами класть в котел, залить водой и довести до кипения. В подготовленном таким образом отваре шерсть кипятили до того момента, пока плоды марены не обесцвечивались⁵.

Фиолетовый оттенок на волокне, пряже или ткани можно было получить и другим способом. Шерсть последовательно окрашивали сначала в красной краске, а потом в красителе синего цвета⁶.

¹ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. – С. 375, 377.

² Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев. – С. 209.

³ Демезон П. И. Записка П. И. Демезона / П. И. Демезон // Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 51.

⁴ Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев. - С. 209.

⁵ Там же.

⁶ Ершов Н. Н. Ткачество. – С. 224.

В пределах долины Ферганы еще со времен Саманидов для изготовления красной и фиолетовой краски находило применение дерево бакан, о чем упомянуто в книге «Сурат ал-арз» арабского географа и путешественника X века Ибн Хаукаля¹.

Синюю краску получали, как правило, из ввозимого материала - индиго. С покупкой индиго проблем почти никогда не возникало, так как Среднюю Азию Индия обеспечивала таким красителем в избытке. Так, в 1833-1834 года П. И. Демезон наблюдал, как караван-сарай Афганистана (в городах Кандагар, Газни, Кабул, Кундуз, Балха, Андхой Шибарган, Меймене) и Мавераннахра (в городах Карши, Бухара, Хива) были заполнены индиго и афганские перекупщики не знали, как избавиться от товара. По его словам, купцы доставляли такой краситель через Пенджаб и Кабул из одного из индийских городов Дера-Гази-хан или Дера-Исмаил-хан (русский дипломат пишет «Дера»)².

Но в Раште и Дарвазе синюю краску получали и на основе местных природных материалов. Для этого употреблялись корни гречихи бухарской и зеленая оболочка грецких орехов. Чтобы получить краску, эти материалы предварительно измельчали, затем кипятили. Нужно, однако, подчеркнуть, что полученный в результате синий краситель не отличался устойчивостью окраски. На текстиле краска быстро линяла³.

Для придания пряже зеленого цвета таджикские горцы сначала красили ее в желтый цвет, затем в синем красителе⁴.

Но мастера в горных районах умели готовить и собственно зеленую краску, причем на основе местного материала. Например, в Рушане

¹ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. – С. 273.

² Демезон П. И. Записка П. И. Демезона / П. И. Демезон // Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 51.

³ Ершов Н. Н. Ткачество. – С. 224.

⁴ Там же.

для этого употребляли плоды растения, называемого на местном наречии *раварзундж*. Их высушивали, размельчали, полученный порошок клали в кувшин и заливали водой. Выдержка состава продолжалась 5 дней. Полученный раствор переливали в котел и кипятили совместно с некоторым количеством квасцов. Образовывалась краска чистого зеленого цвета, в которой кипятили пряжу. Окрашенные нити без отжима клали на чистое место и пересыпали золой. Через несколько часов пряжу полоскали водой и сушили в тени¹.

Желто-зеленый цвет давал раствор на основе губки, растущей на тутовом дереве – *бугак*. Такой материал в больших количествах привозилось в долинские и горные ремесленные центры из долины Ферганы (прежде – Кокандского ханства). Для получения зеленой краски более чистого оттенка изредка применяли *тухмак* – цветки дерева софора, растущего в местных садах².

Для придания нитям белого цвета употребляли поташ.

Черную краску обычно pripravляли из водной окиси железа. Для этого, в глиняной корчаге, заполненной водой наполовину, несколько дней держали куски железного хлама. Затем, под этой посудой, наклонно вмазанной в печь, разводили огонь и в подогретую настойку добавляли абрикосовый клей и квасцы. При подогреве получалась водная окись железа, которая и составляла черную краску. При гладком крашении материю пару раз кипятили в таком растворе, оставляя ее затем лежать на неделю в этой краске³.

В Горном Таджикистане операции по приготoвлению черной красителя и окраски в ней волокнистого материала совмещались. При этой работе клали

¹ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. – С. 377.

² Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев. – С. 209.

³ Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. – С. 44, 46.

в воду нашатырь, шелуху граната и железные опилки и дважды кипятили вместе с положенной в эту смесь пряжей. По окончании кипячений окрашиваемый материал оставляли лежать в краске на неделю. Затем пряжу вынимали и просушивали на солнце¹.

Кроме того, в верховьях Зеравшана, Каратегине и Дарвазе для получения черной краски вместе с железными опилками употребляли гранатовые корки или цветы черной мальвы с добавлением нашатыря. Большими партиями корки граната привозили из Ферганской долины (Намангана). Что касается черной мальвы, красота этого растения являлась другим фактором, способствовавшим желанию населения разводить ее в своих садах и таким образом обусловившим ее доступность².

Горцы Бадахшана черную краску получали из свежей или высушенной наружной мягкой кожуры ореха. Размельченную кожуру клали в котел с холодной водой, которую затем кипятили. Крашение шерсти в готовом отваре краски продолжалось в течение часа. Затем пряжу вынимали, пересыпали золой и оставляли на половину суток. После этого выполняли промывку и сушку. Шерсть шугнанцы красили в черный цвет, используя зерна черной смородины, которые квасили в специальном кувшине³.

Черную краску в Дарвазе получали также путем совместной обработки гранатовых корок с железными опилками, а также отвариванием цветов черной мальвы⁴. В некоторых предгорных местах, например, в Каратаге, из-за отсутствия технологии получения черной краски, материю окрашивали в густом растворе темно-синего цвета, основанном на индиго.

¹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 59.

² Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев. – С. 209.

³ Писарчик А. К. Примечания и дополнения. – С. 375, 377.

⁴ Ершов Н. Н. Ткачество. – С. 224.

В целом, мастерицы-вязальщицы достигли высокого мастерства и в области получения красок и окраски нитей, что получило наглядное отражение в сочных, ярких и заманчивых композициях полихромных узоров *джурабов* и других продуктов национального вязания.

Необходимо отметить здесь следующее наблюдение. Нередко на вязаном чулке традиционного образца горных таджиков сложно подсчитать число использованных цветов, так как некоторые нитки похожего цвета отличаются между собой лишь оттенком. Можно ли в этом случае вести речь о двух цветах, или же воспринимать такой случай как применение одного цвета? На наш взгляд, такое происходило, когда кончалась нитка определенного цвета и мастерица принимала к дальнейшей работе нитку схожей расцветки. Такие оттенки могли образоваться, скорее всего, в результате крашения ниток разных мотков в один и тот же цвет, но разными партиями. Если придерживаться такого решения, устанавливаемое число определившихся цветов ниток в чулке будет меньше. Несмотря на это, мы придерживаемся мнения, что такой подход является более приемлемым.

Таким образом, проведенное в рамках данного раздела, исследование выявило, что красильное искусство таджикского народа ремесла зародилось почти одновременно с вязанием еще в эпоху энеолита и в дальнейшем эти промыслы развивались синхронно. Вязальный промысел и особенности национальной школы оформления вязаных изделий в процессе их изготовления способствовали развитию красильного дела, в частности появлению новых видов красителей, совершенствованию приемов крашения шерстяных нитей, повышению устойчивости их окраски. Сохранившиеся материальные следы красильного искусства, имеющие отношение к бронзовому периоду и древности, как и сведения из трудов древних авторов, свидетельствуют о высоком уровне красильного мастерства предков таджикского народа. Национальная школа крашения шерсти и шерстяных

нитей получило дальнейшее развитие в эпоху средневековья. В своих главных традициях она сохранилась вплоть до середины XX столетия.

В конце XIX – первой половине XX века таджикские вязальщицы не только пользовались крашенной в различные цвета покупной шерстяной пряжей. Они сами вырабатывали из шерсти пряжу, готовили из природных материалов различные краски и использовали их для обработки пряжи. Наряду с тем, имело место и специализация по характеру занятий. Существовали специальные мастерицы в области шерстопрядения, приготовления красок, окраски нитей, которые работали, преимущественно, на рынок. Это позволяло многочисленным мастерицам-вязальщицам сконцентрироваться исключительно на производстве вязаных изделий, часть которых предназначалась для продажи или обмена.

3.2. Развитие символики и семантики орнамента вязаных изделий

Большой интерес представляет анализ художественного аспекта вязального ремесла таджиков, а именно принципов орнаментации, которых придерживались народные мастерицы, особенно в Горном Таджикистане. Здесь среди всех видов продуктов вязального ремесла наибольшей художественной ценностью обладали шерстяные узорчатые чулки – *джурабы*. Известный этнограф М. С. Андреев писал, что у таджикских горцев искусство орнаментации вязаных *джурабов* получило столь большого развития, что они практически не занимались производством одноцветных изделий. Наиболее пестрой, по его словам, была верхняя, заметная для окружающих часть, чулка¹. Эту его часть надевали на ногу поверх штанин шаровар.

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). – Вып. 2. - С. 248-249.

А. А. Бобринский на примере дарвазских чулок как основную сторону художественной ценности этих изделий выделил своеобразное сочетание отдельных частей их узора и оригинальный вид, который приобретали чулки благодаря этому узору. Именно из-за этого, пишет он, *джурабы* имеют «свой особый отпечаток, свой собственный стиль, стиль горных таджиков»¹.

Скульптор и искусствовед Д. Ю. Митлянский проанализировал композицию узоров на памирских чулках и заключил, что в орнаменте *джураба* поперечные цветные полосы, как правило, чередуются с белыми, причем белый цвет играет роль фона. Мастерицы подбирают яркие цвета, такие как винно-красный, изумрудный, черный, оранжевый. Наибольшей яркостью отличается васильковый цвет. Отдельные образцы *джурабов* имеют сплошной узор от верха до носка, в них рисунок посередине чулка менялся, менялся и цвет. Так, коричнево-рыжая гамма заменялась серой, колорит же оставался сдержанным. Он выдвинул гипотезу, что такого типа *джурабы*, возможно, более традиционны².

Технология производства из шерсти вязаных изделий состояла в следующем. После прядения нити подвергали сложению в два или более конца и скручивали (не всегда), а затем подвергали окрашиванию. Красили пряжу в яркие тона зеленого, желтого, красного, фиолетового и черного цветов. Сочетание нитей этих цветов с белой пряжей воспроизводило живые, звучные рисунки.

Остановимся на символике цветов, используемых в традиционном вязании таджиков. В культуре этого народа белый цвет – цвет добродетели, благородства, чистоты. В одежде он символизировал духовную чистоту, светлую и счастливую жизнь, поэтому издавна хотя бы одно свадебное платье невесты было белого цвета. С другой стороны, это – цвет траурного платья

¹ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - С. 17.

² Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 68.

женщин в горных районах Таджикистана (Кулябский оазис, Дарваз, Западный Памир и др.)¹. В этих местах женщины шли на похороны в платьях белого цвета или с мелким узором на белом фоне. Траурную одежду делали также из темной (синей или черной) материи. Такого обычая придерживались также таджички Бухарского оазиса и долины Ферганы (Сох). Переселенцы из горных районов внедрились эту традицию в Вахшской долине. Н. С. Бабаева указывает на связь этой традиции с зороастризмом, где в условиях противоборства светлых и темных сил белый цвет символизирует чистоту и светлое начало². Пережитки этой традиции сохранились кое-где и до наших дней.

Зеленый цвет символизирует жизнь, возрождение природы, надежды, молодости. Известный искусствовед Н. А. Белинская писала, что для горных таджиков «зеленый - цвет радости»³. С другой стороны, он является одним из символов мусульманства и связан с Раем⁴. Это - цвет одежды и постельных принадлежностей его обитателей. Как утверждают, в Раю обитают зеленые птицы.

Также положительное отношение наблюдается в исламе и к красному цвету. Красная роза, как и огонь, указывает на Божественную славу. Такой цвет излучает одеяние Божественной славы⁵. Краеугольное место в зороастрийской культуре занимает культ огня, естественно, красного цвета, выступающего священной стихией и воплощением божественной справедливости. Вместе с тем, в дореволюционный период красный цвет в

¹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 96.

² Бабаева Н. С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец – начало века). – С. 130-133.

³ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 30.

⁴ Васильцов К. С. Цвет в культуре народов Центральной Азии. - С. 123.

⁵ Васильцов К. С. Цвет в культуре народов Центральной Азии. - С. 123.

долине Рашта считался еще и цветом траура¹. Это связано, вероятно, с тем, что красный цвет олицетворяет также цвет войны и крови.

В целом, семантическому значению цветов, распространенному в прошлом таджикской культуре, иногда фиксируются совершенно противоположные наблюдения. Белый цвет одновременно служил цветом траура и цветом священным, отпугивающим злые духи и приносящим счастье². Точно таким же образом, красный цвет, который в Раште считался траурным, здесь и в других местах был цветом нарядной и праздничной одежды, платье такого цвета носила таджичка-невеста³.

В вязаных рукоделиях, подобно вышивке, большое значение уделялось соседству цветов. В культуре горных таджиков сложилась тенденция сочетать зеленый цвет с малиновым, желтый – с фиолетовым, зеленый – с ярко-розовым, красный – с черным, черный – с белым, малиновый – с фиолетовым, иногда – с зеленым⁴. Такая контрастность породила резкость в колоритном решении, что было обусловлено местной природой, прекрасно сочетающейся с красочностью костюма в целом и вязаных предметов одежды в частности.

Народные мастера соблюдали сложившийся порядок парных цветов и в произведениях других областей декоративно-прикладного искусства. Так, контраст черного цвета с красным составляет основу преобладающего большинства изделий национальной набойки, широко распространенной прежде в Самарканде, Бухаре, Истаравшане и других крупных городах с таджикским населением.

¹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 96.

² Сухарева О. А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки. – С. 122.

³ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 31.

⁴ Там же. – С. 33.

А теперь остановимся на мотивах узоров вязальных рукоделий таджиков. В орнаментальных мотивах этих изделий встречаются элементы древнеарийской символики, такие как крест, свастика, Солнце.

Узор свастики – креста с изогнутыми концами встречается на одном из образцов бартангских чулок, фотоснимок которого запечатлел И. И. Зарубин (рисунок 3.2). Верхняя часть этого чулка оформлена косой сеткой, ромбовидные клетки которой заполнены рисунками свастики. Они размещены на соседних клетках по принципу негативного отображения. Нужно отметить, что каждая свастика разработана также изнутри – в ней выполнена в меньшем размере другая такая же свастика, но другого цвета¹.

Фотография подборки из шести образцов чулок с изображением свастики содержится также в монографии А. А. Бобринского, посвященной орнаментальному искусству дарвазцев (рисунок 3.1). И здесь в половине случаев мы имеем дело со случаем, когда меньшая свастика вписана внутри другой, более крупной. Есть свастики с обращением по часовой стрелке и наоборот. Фигуры свастик размещены мастерицами внутрь ромбиков, фигурных рамок или же разбросаны по косой сетке по всему полю чулка без вписывания внутрь других фигур. Бросается в глаза, что когда используется сочетание из пары свастик, вписанных одна в другую, концы наружной свастики делали треугольной формы, а внутренней - прямолинейной².

Существование этого орнаментального мотива в культуре горных таджиков может быть связано с рецидивом культуры зороастризма. В зависимости от направления согнутых концов она символизировала эволюция мира (против часовой стрелки, прямая свастика) и эволюцию человека (по часовой стрелки, обратная свастика). Полагают, что использование в равной мере обоих видов свастик связано с зороастрийской идеей о том, что разные

¹ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – Табл. 6, в.

² Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – С. 13.

свастики должны находиться в динамическом равновесии, и не преобладать одна над другой. С учетом этого, двойная свастика (сочетание прямой и обратной свастик) служит одним из символов зороастризма. Однако в *джурабах* традиционного образца наружная и внутренняя свастики имеют одно и то же направление. Следовательно, мастерицы не преследовали целью передать идею о необходимости обеспечения равновесия, о котором шла речь выше. Или же об этом они просто-напросто не знали.

Узор свастики таджики называли *шамшоди*. Источником его появления горцы считали рисунок, который якобы находится под корой на стволе известного дерева¹. Очевидно, речь идет о самшитовом дереве.

Кроме них на чулках можно встретить стилизованные рисунки огня, глаза, скорпиона, змеи. В высокой степени стилизации представлены в орнаментальных композициях и растения (горох, одуванчик, плакучая ива, чинара), птицы (петух и курица, воробей). Можно разобрать нередко изображения их отдельных частей тела (павлиньи перья, ласточкин хвост, коготь барса, крыло мухи, грудь сокола) и др.²

Узоры могут изображать предметы обихода (чайник-кумган, рукоятку меча, ножницы), куклу (тот же рисунок человека), узор с колыбели или ковров, мифологические образы (дракон, лук легендарного героя – *камони Рустам*).

Можно заметить, что композиционно *джурабы* делятся на несколько частей с самостоятельным характером оформления. Эти части располагаются по отношению друг к другу ступенчато. Одна часть содержит, например, мотив «грудь сокола», а соседний с ней участок – «рисунок колыбели» по принципу косой сетки.

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 84-85.

² Там же. – С. 88.

Орнаментальные традиции вязания у горцев складывались столетиями и передавались по наследству от одного поколения к другому. Девочки воспринимали их у своих матерей и бабушек, старших сестер, подруг и затем с годами совершенствовали свое мастерство. Повышению навыков способствовала также наблюдательность и любопытство, когда девочка подмечала оригинальные декоративные решения других мастериц.

Общую орнаментальную композицию производимых *джурабов* мастерицы выбирали еще до вязания, но при выведении узоров основное значение имела импровизация, текущий замысел. По словам искусствоведов Н. Юнусовой и Л. Н. Додхудоевой, в *джурабах* «орнамент заранее не обдумывается, а рождается в процессе работы над ними, непосредственно под спицами, от одной полосы к другой»¹.

«Толстые ковровой вязки чулки с простыми узорами» - так описал *джурабы* известный русско-советский учёный - естествоиспытатель Н. Л. Корженевский, в 1903 еще молодым офицером путешествовавший по Памирам². И действительно, мотивы этих изделий просты и, одновременно, глубоко содержательны, символичны. На этот аспект народного творчества таджикских горцев обратил внимания и скульптор-путешественник Д. Ю. Митлянский, по мнению которого, мастерицы, вывязывая незатейливые узоры, пользуются при этом тонко наработанной, канонизированной, системой преобразования реальных объектов. «Когда узнаешь название узора, посмотришь потом на *джурабы* - даже трудно представить, что можно изобразить по-другому», - пишет он. По его заключению, классические хуфские *джурабы*, несомненно, являются произведениями искусства³.

¹ Масов Р. М. Народное искусство Памира. – С. 105-109.

² Корженевский Н. Л. Через Памир к Гиндукушу. – С. 722.

³ Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам. – С. 67.

Уже отмечалось, что в Раште до революции 1920 года охотно покупали дарвазские чулки. Почему это происходило, если в то время сами местные жители также изготавливали подобные изделия, причем добротного и в больших объемах? Ответ на этот вопрос дает заметка антрополога Н. В. Богоявленского, который совместно с графом А. А. Бобринским дважды (в 1895 и 1898 годах) путешествовал по Памиру. На его взгляд, связано это было со спецификой дарвазского, глубоко содержательного, орнамента. Чулки с таким узором в долине Рашта вязать не могли. Вот дословно его мнение: «Но при этом внешнем сходстве (с уроженцами равнинных районов Бухарского эмирата – С. С.) у горца названных долин осталось одно, что он свято хранит как пережиток, может быть, весьма отдаленный, но, во всяком случае, своей собственной культуры. Это орнамент на лицевых занавесках, орнамент оригинальный по своей связи с русским орнаментом, состоящим из расшитых петухов и иных птиц; другой орнамент — на чулках. Узоры этих чулок свято хранятся в каждой семье и передаются от матери к дочери. Любопытно, что в соседнем Каратегине не умеют вязать таких чулок и покупают их в Дарвазе»¹.

Очевидно, чем сложнее задумывался вывязываемый узор, тем больше нитей разного цвета использовались для его воспроизводства. Были мастерицы, которые изготавливали пару *джурабов*, работая с нитями десятков цветов. Удивительно, но М. С. Андреев зафиксировал образец чулок, в оформлении которого применялось восемьдесят цветов².

Согласно наблюдениям, в Горном Бадахшане женщины предпочитают носить *джурабы* с преобладанием красного цвета, мужчины – белого³.

С далеких времен секреты мастерства передавались из поколения в поколение, и каждая новая мастерица добавляла свой неповторимый

¹ Богоявленский Н. В. В верховьях р. Аму-Дарьи (Долины р. Хингоу и Ванджа). – С. 18-19.

² Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира.

³ Красота – в ногах. Особенности изготовления памирских джурабов [Электронный ресурс].

орнамент. Сюжеты вязальщицы черпали из окружающего их мира природы, народного быта, поверий и собственного мировосприятия.

Традиционные шерстяные *джурабы* имеют не только функциональную востребованность, но и используются в качестве подарка заезжим гостям.

В верховьях Зеравшана чулки вывязывали по большей части геометрическими узорами (рисунки 3.3-3.4). Мотивами узоров служили квадраты, ромбы, трапеции, зигзаги, параллельные прямые, точки и т.д. На сочетание цветов в декоре здесь также обращали большое внимание. Соседство голубого цвета с белым означало отвлечение беды, черного с белым – предохранение от сглаза, голубого с красным – сохранение и приумножение красоты. Интересно, что использование в предмете одежды желтого цвета воспринималось местным населением как средство от желтухи. Якобы этот цвет, привлекая к себе внимание, предотвращал дурное воздействие¹.

Исследователи орнаментальных традиций жителей Горного Бадахшана П. Киматшоев и В. Алидодов считают, что композиции, применяемые в вязании памирских *джурабов*, представлены в едином формате. Эти орнаменты отражают культ небесных светил, древние персидские поверья и религию Заратуштры. Они классифицируют узоры *джурабов* на семь групп, в том числе растительные, зооморфные, культовые, географические.

Примерами орнаментов на тему растительного мира являются узоры под названиями *дарахтак* («деревце»), *арча / амбахцак* («ёлочка»), *аловгул* («огненный цветок»), *каттагул* (крупный узор), *муслим, нахудах / махорджак / крошик* («горошек»), *гандумак / роджхдоз* («пшеничное зерно»), *джавак* (ячменное зерно), *шамшоди* («цветок самшитового дерева»), *барги бед* (лист ивы), *лола* (тюльпан) и др.

¹ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 28, 49.

В частности, «муслим» - это связанный с исламом термин, обозначающий название загадочного цветка горных вершин. Это орнаментальный элемент, призванный задуматься и породить романтические чувства.

Горох (*махорджак / крошик*), как и другие представители бобовых культур, – орнаментальный мотив, символизирующий плодородие и богатство (из-за высокой урожайности), а также бессмертие. Популярность этого мотива у горцев можно объяснить также тем, что для них в прошлом горох служил основным продуктом питания и считался одним из источников богатства.

Семенные зерна пшеницы (*гандумак / роджхдоз*), подобно другим мучным продуктам, в декоративных композициях служили символом богатства и жизни, а также плодородия обрабатываемой земли, ценность которой вследствие острой ее нехватки горцы знали лучше как никто другой. Они также верили в райское происхождение пшеницы, что зафиксировано в местных преданиях.

Другим представителем растительного орнамента является любимый женщинами цветок *садбарг* («роза»), потому как очень немногие цветы по аромату, богатству форм, необыкновенному цвету, а также продолжительному и обильному цветению могут с ним сравниться. Этот цветок имеет волшебную притягательность и необыкновенную красоту, которая испокон веков привлекала к себе огромное внимание людей. Мотив розы символизирует безукоризненность бытия природы¹.

Ее востребованность в национальном изобразительном искусстве объясняется не только в стремлении выразить восхищение от аромата, богатства форм, необыкновенного цвета, продолжительности и обильности

¹ Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках. - С. 129.

цветения, что естественно. Вывязывая мотив стилизованной розы, мастерицы исходили из его двух противоположных значений. Роза символизирует одновременно земную страсть и небесное совершенство, время и вечность, жизнь и смерть, девственность и плодородие. Кстати, такой дуализм лежит в самой природе зороастрийского учения – борьба света с мраком, тепла с холодом, добра со злом и т.д. Роза занимает важное место и в мусульманской культуре. По сути, она превратилась в символ ислама, подобно тому, как лилия – в символ христианства. Данная семантика стала причиной того, что изображение розы на произведениях народного декоративно-прикладного искусства таджиков и других иранских народов по популярности занимает первое место¹.

Сакральность растительного орнамента определяется тем, что, как пишет исследователь Н. А. Хакимова, «культ дерева и растений в своём генезисе восходит к обрядам и ритуалам, связанным с поклонением растениям и деревьям»². Данный культ имеет древние корни и восходит к временам зороастризма – религии, элементы которой в наиболее яркой форме проявляются именно в Горном Бадахшане. В то время он имел тесную связь с метафорой Ахура Мазды – величайшим зороастрийским богом - заступником, покровителем света и тепла, добра и блага. Для таджиков сакральность вечнозеленого можжевельника - *арча*, твердого и с мощной кроной, определяется верой в его способность вернуть больным здоровье и долголетие, избавить от всевозможных неудач и невезений. Считается, что можжевельник защищает от влияния дурного глаза, обеспечивает семье устойчивое материальное благополучие³. *Арчу* особо почитают на высокогорье, восхищаясь жизнеспособностью этого дерева,

¹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 63.

² Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках. - С. 123.

³ Рахимов Р. Р. Ниhoли умр: Дерево в мифоритуальной символике таджиков. - С. 134.

растущего на голых горных склонах. Другое распространенное на Памирах дерево – тутовник, плоды которого служат традиционной пищей для местного населения. Естественно, и его таджики наделили сакральными свойствами. Его считают символом здоровья и терпимости, изменности и неуязвимости. Основанием для этого служит способность тутовника восстанавливаться после ежегодного весеннего срезания ветвей. Кроме того, считается, что это дерево наделено качеством добродетели: он покровительствует детям¹. Образ чинара в представлении таджиков символизирует вечное единство, ведь зачастую два ствола этого дерева связаны одним мощным корнем. Это единство ассоциируется с прочностью семейных уз. Кроме того, подобно можжевельнику, чинар символизирует твердость, устойчивость, неуязвимость².

Большое значение в декоре *джурабов* придается узорам зооморфного характера. Все они заключают в себе магически-сакральное значение. Они защищают от дурного глаза, символизируют плодородие, пожелание блаженной жизни. «Дикие животные выступали обитателями иного мира, мира сверхъестественных существ, предков», - отмечает Н. А. Хакимова³.

Типичными примерами зооморфных узоров являются композиции под названиями *пайи пишак* («кошачий след»), *нохуни паланг* («коготь тигра»), *каждумак* («скорпион»), *пайи гург / вурджбидх* («след волка»), *чорчаим* («четырёхглазый»), *аждарпайкар* («тело дракона»), *чаимак / сифцак* («глаз»). Эти изображения самым тесным образом связаны со скотоводством и охотой, издавна более распространенными в горных районах проживания таджиков.

¹ Там же. - С. 124.

² Рахимов Р. Р. Ниhoли умр: Дерево в мифоритуальной символике таджиков. - С. 115-116.

³ Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках. - С. 134.

Причину распространения орнамента *вурджбидх* можно видеть в том, что волк олицетворяет собой настойчивость, дерзость и умелость. У жителей гор есть такое высказывание: «В этом деле он волк», что означает у человека золотые руки в той или иной сфере работы. В горных и предгорных селениях Таджикистана и в наши дни высушенные гениталии волчицы пользуются славой очень действенного оберега от недомоганий и невзгод, средства, приносящего удачу¹.

Орнамент *чорчаим* олицетворяет породу собак среднеазиатской овчарки, с темными или светлыми пятнами над глазами, которые ассоциируются со второй парой глаз. У последователей зороастрийской религии собака считается священным животным. Она принимала самое прямое участие в погребальном ритуале зороастрийцев. Отголоски тех традиций на Памире фиксируются и сегодня, когда впереди похоронных носилок ведут собаку². Согласно А. А. Бобринскому, собаку считали святым животным и жители Фалгара, которые любили ее и даже разрешали находиться в самом сокровенном месте жилища - внутри дома³.

Даже такой хищный зверь, как тигр, послужил для вязальщиц источником вдохновения для создания соответствующего орнамента - *нохуни паланг*. Тигр символизирует мощь земли, он охраняет человеческую жизнь.

Мотив узора, изображающий скорпиона – *каждумак* имеет вид ромбика с отходящими от него усиками. Сакральное значение придается не только образу скорпиона, но и форме его изображения. Ромб олицетворяет новую жизнь, считается, что он обладает

¹ Умарова З. Х. История развития ювелирного искусства таджиков (V – начало XX вв.). – С. 214.

² Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ. – С. 85.

³ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 107.

очищающей и оплодотворяющей силой¹. Мотив скорпиона помимо отрицательных ассоциаций, связанных со смертоносным жалом, служил и для выражения добрых пожеланий. Образ скорпиона горцы ассоциировали с верой в защиту, правосудие.

Изображение змеи – *морак* пропитано магического смысла и издавна воспринималась как сильный оберег. В ходе многовекового развития, этот орнаментальный мотив трансформировался в геометрические и растительные формы. Так, именно его олицетворением служит зигзагообразная линия, которая встречается в оформлении почти всех образцов вязаных рукоделий. Такое заключение справедливо и для мотива рыбы².

Один из древнейших символических знаков – мотив рогов – *шох*. Через него получило выражение культовое отношение, как к диким, так и одомашненным животным. Он связан, прежде всего, с представлениями о винторогом горном козле *нахчир* и архаре – огромном баране с крупными рогами, которые весят около 30 кг. Эти дикие животные таджикскими горцами считались чистыми. В горах мясо архара считали святым, его рога – чистыми. Такое мнение местные жители связывали с тем, что архар ходит по чистым, незагрязненным местам³.

В связи с тем, что горные козлы и бараны обитали высоко в горах и ближе всех живых существ находились к небу, предки таджиков еще со времен древних ариев в них видели воплощение ангелов⁴.

Мотив рогов, наряду с пятерней и свастикой, - самые распространенные в Таджикистане наскальные изображения. Содержание петроглифов из Шахтисая, Намадгута, Лангара, Поршнёва, Шахдары, Акджилги, Язгулема,

¹ Каннадан Шима Махмуд. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: Дисс... канд. ист. наук. – Душанбе, 2013. – С. 84.

² Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 66.

³ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. – С. 175-176.

⁴ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 107.

Вибист-дары и других мест таджикского Бадахшана¹, а также из селений Шамтич, Шахи Сиёх, Дашти Мулло-Тохириён, Кашкулсанг, Вешаб, Фатмев в горном Зеравшане², служит свидетельством того, что верования, связанные с дикими рогатыми животными, существовали на Памире уже в мезолитический период.

Традиция почитания рогов занимало важное место в мировосприятии азиатских племен в неолите и бронзовом веке. У иранских народов продолжали считать рога священным атрибутом и в эпоху древности. Персидские цари в торжественных случаях надевали головной убор (корону) с бараньими рогами. Это служило знаком божественности и бессмертия. Шлем с рогами служил головным убором для Александра Македонского, за что его прозвали Зулкарнайн («Двурогий»). Форма короны или шлема с рогами в costume правителя была призвана показать, что во владыке воплощен рогатый бог Зевс - Амон.

Историк Хамза Камол связывает истоки охранения жилища витыми рогами горного барана с зороастризмом. По его словам, в зороастрийской культуре образ горного барана был воплощением образа «бога царской власти, удачи и счастья – *Фар*»³.

Изображение рогов - культовый символ, в нем находили воплощение добро, достаток, богатство. Образ горного барана и дикого козла, передаваемый через их рога, у таджиков имеет отношение к культу плодородия. В рогах древние люди видели ознаменование связи с верхним миром, верили, что их присутствие рядом с человеком обеспечивает создание вокруг него защитной оболочки, сакрального пространства. Их изображениям

¹ Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – С. 80-96.

² Хамза Камол. Дневник путешествия в Искандеркуль, Фалгар и Горную Матчу. - № 1-2. – С. 44, № 3-4. – С. 45-52.

³ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. – С. 175-176.

придавали охранительную функцию. Считалось, что они способны защитить благоденствие человека, его дома, семьи и близких людей¹.

Священными были, как уже отмечалось, и рога домашних животных. Для равнинных и, в особенности, горных баран-производитель – *кушкор* пользовался славой наиболее почитаемого животного². В долинах Хуфа, Рушана и Шугнана из овечьего помета делали сосуды для хранения пищевых продуктов, следовательно, здесь считали этот материал чистым³. Согласно хуфской легенде, овца спустилась на землю с неба. Здесь и в долине Бартанга есть мазары (священное место захоронения мусульманского деятеля), посвященные священной овце⁴.

Образ горного козла был очень популярен и в Северном Таджикистане. Как пишет Хамза Камол, жители верховьев Зеравшана утверждали, что человек, употребивший его мясо, очищался от грехов и скверны и даже исцелялся от болезней. Здесь витые рога этого животного служили вотивными подношениями на мазарах. Они и сегодня являются обязательным атрибутом каждого мазара – *остона*. Даже в советский период подлинные рога этих животных встречались почти в каждом доме горных жителей⁵.

Фигура рогатого скота символизирует новогодний праздник Навруз, наступление которого соответствует вступлению Земли в созвездие Овна (21 марта, день весеннего равноденствия)⁶. Изображение на *джурабах* рогов диких или домашних животных является, кроме того, символом напористости, настойчивости в реализации заветной идеи. Мотив *шохи гов*

¹ Каннадан Шима Махмуд. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии.

² Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 107.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. – С. 63; Вып. 2. – С. 355.

⁴ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 2. – С. 127-132.

⁵ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. – С. 175-176.

⁶ Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках. – С. 135.

(“рога быка”) на Памире также изображает рога диких или домашних яков. В этом случае данный мотив выступает образом и воплощением могущества сил природы, хранителем благосостояния народа. Як как парнокопытное млекопитающее является представителем рода настоящих быков, а бык в культуре таджиков является символом упорства, настойчивости, дождя, могущества туч и ненастья.

Итак, у предков таджиков традиция изображения рогов винторогого козла, горного барана или быка сложилась еще в доисламскую эпоху, практически без трансформации она сохранилась и после распространения ислама.

Говоря об изображении рогов как композиционном элементе, через который передается образ конкретного предмета без его цельного изображения, мы имеем дело с развитой стадией абстрагирования в работе художника-орнаменталиста, в качестве которого в нашем случае выступает народная мастерица. Как пишет Н. А. Белинская, здесь имеет место закон изображения целого по части, когда хотя название узора обозначает целый предмет, однако в нем представлена лишь часть обозначаемого предмета. Так, мотив «плакучая ива» в орнаменте выражается через изображение веточки этого дерева, «павлин» показывается через крыло этой птицы, самовар – через его кран или ручку и т.д.¹

Соответственно, мотив узора в виде парных рогов домашнего животного носит название *кушкор* (баран-производитель»), а в виде витых рогов – *нахчир* (горный козел).

Период появления эмблематического орнамента пятерни в виде раскрытой кисти руки связывают с седой древностью. По наблюдениям графа А. А. Бобринского, для наскальных изображений верховьев Пянджа пятерня

¹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 56.

была наиболее характерным знаком. Большая часть таких петроглифов сконцентрирована в нижнем Шугнани, Рушани и долине Гунта. Узор в виде пяти пальцев для памирских горцев, как и иранских шиитов символизирует шиитскую и исмаилитскую «пятерку»: Мухаммада, Али, Фатимы, Хасана, Хусейна. В данной эмблеме также видят руку Али. Очевидно, описываемый знак был приспособлен под мусульманские верования, имея при этом глубокое доисламское происхождение¹.

Рука-пятерня также считалась вотивным предметом, ее водружали на шесте на мазаре. Пятерню делали железной, хотя можно полагать, что прежде ее вырезали из дерева. Такую эмблему перед Навруз – новогодним праздником женщины наносили на стены домов и дворов, прилепывая окрашенной рукой. Для этого пользовались различными веществами – красителями: мукой, мелом, сажей, цветной глиной².

Заслуживает отдельного анализа семантика орнитоморфных узоров на *джурабах*. К ним относятся *пари товус* («перо павлина»), *синаи боз* («соколиная грудь»), *мургак / чахак* («курочка»), *кабк / заризак* («куропатка»), *чашми булбул* (глаз соловья) и др. Птицы символизируют Солнце, ветер, воздух, тучу, гром с молнией, огонь. Наряду с этим, в их изображении олицетворяются творец, божественный посланник, пророчество, бессмертие души, вдохновение и т.д.³

Еще в древности и раннем средневековье фиксирование в деталях костюма изображения птицы, в частности сокола, или ее отдельных частей (перьев, клюва, когтей) воспринималось как признак фарна, олицетворение

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишканимцы). – С. 113-114.

² Кисляков Н. А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ). - С. 10-11.

³ Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках. - С. 142.

власти и могущества. В период господства мусульманской религии в образах птиц видели изображения райских существ¹.

Павлин – *товус* удивляет своей неповторимой красотой и великолепием, богатством убранства. Узор перьев этой дивной птицы – *пари товус* вязальщицы изображали по повествованиям очевидцев, побывавших в Индии. В традиционной культуре таджиков птичьи перья, когти обладают сакральным значением и издавна использовались в качестве оберега.

Особо почитаемым является образ сказочной птицы *хумо*, которая приносит счастье тому, на кого упадет ее тень. Это предание нашло отражение в настенных росписях Акшахан-калы (III - II вв. до н.э.). Героями указанных произведений являются древнехорезмийских царей неизвестной династии, корону которых венчает большая фигура птицы *хумо*.

Анализируя эволюцию орнитоморфных узоров в таджикском орнаменте, Н. А. Белинская отмечала, что развитие отдельных орнаментальных форм происходило следующим образом. Вначале элемент орнамента носил реалистический характер, но в последующем он преобразался в геометрические или растительные формы. Геометризация узора является формулой предельного упрощения, а флоризация – формулой максимального усложнения. Для объяснения своей мысли известный искусствовед приводит пример оформления вязаных чулок памирского исполнения, представляющий собой реалистично изображенную пару птиц, стоящих спиной друг к другу. Этот же элемент встречается в тесемках *шероз* раштского происхождения, однако здесь он при сохранении того же композиционного решения носит чисто геометрический характер. Трансформация орнаментальной композиции с участием птиц в оформлении

¹ Умарова З. Х. История развития ювелирного искусства таджиков (V – начало XX вв.). – С. 230-231.

разных образцов текстиля дарвазскими мастерицами имеет уже все три указанных варианта – реалистический, геометризованный, флоризованный¹.

Географическое название рисунка *вахеджгул* (ваханский узор) пришло из Ваханской долины. Судя по рисункам, этот узор напоминает Буддийскую ступу Врангского поселения Ишкашимского района. Другой орнамент называется *рошорви* (по-рошорвски) - узор из долины Бартанга. Узор из долины, находящейся в Северном Пакистане в горах Гиндукуша, носит название *читрали* (по-читральски).

К орнаментам, отображающим разные предметы быта, относятся *куза* («кувшин»), *чойджуш* («чайник»), *офтоба* («кумган»), *камонак* («лук»), *камони Рустам* («лук Рустама»), *занджирак* («цепочка») и др.

Изображения чаши, пиалы, чайника, самовара, кувшина олицетворяют гостеприимство – традиционный склад характера и образа жизни народа. Н. А. Белинская обращает внимание на тот факт, что они, подобно символам плодородия (дерево, цветок, плод граната и др.) и оберегам (треугольник, стручок перца, миндаль и т.п.), в результате стилизации естественным образом трансформировались в эмблемы. Здесь принцип эмблематики направлен на решение художественно-декоративной задачи и, одновременно, акцентирование внимания на общении с реальным миром².

При всем том, особое почитание национальных вязаных рукоделий связано с присутствием в оформлении многих их образцов культовых орнаментов. К таковым можно отнести мотив *гардунаи хуршед / чархгардонак* («колесо вращения») – свастика. Четыре крыла свастики символизируют четыре природных стихии: Огонь, Вода, Воздух и Земля. Взаимопроникновение этих природных первоэлементов играет

¹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 49.

² Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 53-55.

порождающую роль, их распад – уничтожающую. Изменением пропорций в их взаимовлиянии обусловлено многообразие вселенной.

Мотив свастики символизирует Варуну, который у древних ариев почитался в качестве Бога Неба. Горизонтальная линия в этом знаке олицетворяет Землю и женское начало, вертикальная линия – Небо и мужское начало. Левосторонняя свастика считается женской, правосторонняя – мужской. Эти два вида свастик не могут существовать отдельно. Здесь мы опять имеем дело с дуализмом, свойственным религии Зороастра.

Фоном для свастики служит черное поле, ограниченное красными линиями. Черный цвет символизирует тьму, красный – солнце, огонь.

Этот узор мастерицы изображали каждая по-своему, одни в форме креста, другие в виде креста в круге, некоторые в виде четырехугольника. Для таджиков исторически свастика является символом зарождения жизни в ее постоянном движении, благополучия, Солнца и света. Кроме того, этот знак олицетворяет добро и изобилие, радость и счастье¹.

Данный мотив на чулках был особенно распространен в довоенное время. Его использование в качестве государственного символа нацизма и гитлеровской Германии привел к тому, что в дальнейшем свастику стали устойчиво ассоциировать с фашистским режимом и идеологией. Хотя в действительности это слово санскритского происхождения означает, не что иное, как приветствие, пожелание удачи, благоденствие.

По форме близок к свастике растительный орнамент *шамшоди* («цветок самшитового дерева»), который также называют *садбарги ровут* («движущаяся роза, вращающаяся роза»)².

¹ Каннадан Шима Махмуд. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: Дисс... канд. ист. наук. – Душанбе, 2013. – С. 84.

² Масов Р. М. Народное искусство Памира. – С. 109.

Интересная композиция была придумана вязальщицами в результате совмещения сочетания рисунков цветка самшитового дерева и огня – *шамшоди-алов*.

В декоре многих образцов *джурабов* встречаются элементы астральных мотивов – Солнце, месяц, звезды. Генезис культа небесных светил берет начало от времен распространения зороастрийской религии и верований, бытовавших еще раньше. В пантеоне зороастрийских богов Солнце почиталось в качестве одного из основных¹. Заслуживает внимания, что на местном наречии ишкашимцев название Солнца звучит как «ремозд», что очевидно, имеет привязку к имени главного зороастрийского божества Ахура Мазды. В Солнце видели источник плодородия земли, смены дня и ночи, тепла и света, чистоты и одухотворения. В восприятии таджиков, оно обладало сакральной и всемогущей силой. Его именем произносили клятву. М. С. Андреев отмечал, что в Ишкашиме и Вахане люди нередко клянутся головой Солнца, и клятва эта считается очень сильной. Они верят, что человек, нарушивший эту клятву или давший ее ложно, будет обязательно наказан Солнцем»².

Другой астральный орнамент культового характера - *ориёнситора* («арийская звезда»). Также имеются различные орнаменты, названия которых неопределенны³.

Наряду с тем, есть известия об отдельных названиях мотивов узора, но как они выглядели, определить не удастся. Возьмем, к примеру, орнамент *ветипч* - *wethipch* («падающая звезда»). Его название сохранилось, однако как он выглядел, неизвестно. Легенда о нем бытует у пожилых людей,

¹ Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ. – С. 91.

² Умарова З. Х. История развития ювелирного искусства таджиков (V – начало XX вв.). – С. 200.

³ Киматшоев П. *Wedhipch*: падающая звезда или тайны узоров Памира. – Хорог, 2011. – С. 10-28; Носирова Л. Вязальное искусство в Бадахшане // Паёмномаи фарханг. – Душанбе, 2017. – № 1(37). – С. 80; Памирские джурабы [Электронный ресурс].

живущих в долине Бартанг. В народе существует поверье, что у каждого человека на небе есть своя звезда, и все удачи и невзгоды зависят от нее. Чем выше звезда человека на небе, тем более удачен и успешен он на земле. Но положение звезды зависит и от самого человека. Чем больше добрых дел он совершает, тем выше поднимается его звезда. Падение же звезды связано с окончанием жизни человека. Считается, что орнамент «падающая звезда» существует с давних времен. Более того, бартангцы утверждают, что он сохранился, потому что его передавали из рук в руки. Однако если и живы обладатели этого узора, то, похоже, они не хотят выдавать его тайну и берегут от чужих глаз — хотя многие мастера пытаются воспроизвести легендарный орнамент, но единого мнения о правильности его вязки у них нет¹.

Что касается мотивов, воспроизводящих мифологические образы, по заключению Н. А. Белинской, они – порождение народной фантазии, песен, пантомимы и сливаются с оберегами. Обереги в национальном орнаменте, обладая соответствующими знаковыми функциями, являются магическими элементами. Вместе с тем, в этих орнаментальных элементах эстетический смысл значительно превосходит магический².

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно смело сказать, что жизнь в окружении труднодоступных гор повлияла на сохранение культуры и, в особенности, на сохранение самобытного орнаментального искусства горных таджиков. По орнаментам можно рассказать многое о древней истории Горного Таджикистана, культуре его жителей и взаимосвязи с другими народами. Как видим, высокая художественная ценность орнаментированных шерстяных чулок традиционного типа, которые

¹ Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему джурабы стали символом Памира [Электронный ресурс].

² Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 53.

изготавливали таджикские мастерицы в верховьях Амударьи, Зеравшана и других местах компактного проживания таджиков, не подлежит сомнению.

Большую научную ценность представляют как цветные, так и черно-белые фототипии чулок и рукавицы из коллекции, собранной графом А. А. Бобринским в Дарвазе. Как справедливо отмечал В. Стасов, до опубликования книги А. А. Бобринского вязальное искусство таджиков ни в Европе, ни даже в России не было известно. В Стасов соглашается с автором книги в том, что многие узоры вязаных, как и вышитых, изделий Дарваза встречаются и в русском орнаменте. Он также отмечает чрезвычайную важность старательно и точно выполненных рисунков, которые позволяют изучать орнамент «с полнейшей подробностью». Указанные исследователи приходят к выводу, что орнамент горных таджиков, подобно русскому, является «самым богатым, разнообразным и разносторонним»¹.

Парадокс заключается в том, что Россия и Дарваз не связаны территориально, их разделяют тысячи километров. Как же получилось, что население этих изолированных и независимых друг от друга районов сформировали единые каноны орнаментального искусства? Причину схожести народного орнамента памирцев и старинного северорусского орнамента попробовал изъяснить Д. Худоназаров – автор монографии «Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895-1901 годов», изданной в Москве в 2013 году. По его заключению, этот орнамент принадлежит скифской культуре, а памирцы и русские являются частями скифов-саков. В период Ахеменидского царства территории Южной России, как и Горный Таджикистан, находились под властью Древнеперсидской империи. Впоследствии скифские племена юга России переселились в северные районы современной России. Итак, преемственность традиций – вот

¹ Стасов В. Отзыв на книгу «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)», Москва, 1900 г., графа А. А. Бобринского.

причина того феномена, который мы с удивлением обнаруживаем. При этом надо отметить, что в Горном Таджикистане орнаментальные мотивы древнего происхождения сохранились лишь в двух-трех селениях Дарваза¹.

Вместе с тем, как уже отмечалось в разделе «Введение» настоящей работы, к большому сожалению А. А. Бобринский не остановился на названиях, характеристике и значении конкретных видов орнамента и деталей узора, хотя располагал возможностью собрать такой материал опросных способом.

Проанализируем художественные особенности *джурабов* из коллекции А. А. Бобринского в аспекте деталей орнаментальных композиций. На них представлены такие детали узора, как треугольники, ромбики, розетки, поперечные и продольные линии (одиночные или парные), «ёлочка», «снежинка», квадратики (разделенные внутри на четыре части), крестики (прямые и косые), завитки, ж-образные фигуры, свастика (прямая, обратная и косая), S-образные фигуры, зигзагообразная линия с отходящими ножками, «миндалины» / «огурец» / «перец» и др.

Треугольники определенного цвета (например, черного), исполненные поперечными рядами на фоне контрастного (белого) цвета, могли образовать на чулке широкие полосы. Естественно, на этой полосе фон автоматически получает такой же орнаментальный характер, но при этом треугольники оказываются повернутыми по правилу негатива. На другой широкой полосе применяется обратная форма черных и белых треугольников. Другими словами, если в пределах первой полосы вершины черных треугольников оказывались внизу, в другой полосе их вершины располагаются вверху (табл. 10, слева вверху).

¹ Таджикиские орнаменты идентичны севернорусским и скифским». Давлат Худоназаров об имперских этнографах и будущем Таджикистана [Электронный ресурс].

Ромбовидные фигуры в *джурабах* вывязаны со сплошной или в той или иной степени разработанной внутренней частью. Интересная композиция строится на использовании мотива ромба с отходящими от его вершин направленными в разные стороны восьми усиками – попарно от каждой вершины. Как уже отмечалось, этот орнаментальный элемент известен у горных таджиков как *каждумак*. В другой вариации парными усиками завершаются только две противоположные вершины, а к другим двум вершинам примыкают ромбики такого же размера без усиков. В результате получается мотив из трех ромбиков, расположенных один на другом, а с двух сторон центрального ромбика отходят парные усики¹.

Следует отметить, что все орнаментальные мотивы, используемые в *джурабах*, находили применение и народной вышивке - тесьме на тюбетейке, нашитом переде для платья и др. Например, S-образная фигура, украшающая, в Раште называлась *кажак* (завиток), ромбик с усиками в Дарвазе носил название *кушкорак* (рога барана)².

Мотив перца, широко применяемый в таджикском орнаментальном искусстве, по мнению М. А. Рузиева, отображает крыло птицы³. Для подтверждения его заключения нужно вспомнить, что в народном восприятии космоса образ птицы олицетворяло небо, высоту (животные – землю, рептилии – подземный мир). Поэтому отнюдь не случайно, что в классической мужской тюбетейке тулью оформляют изображением птиц в форме стручков перца.

Мотив из завитков мог применяться как основной элемент орнаментальной композиции. Или же он сочетался с другими элементами узора, играя ведущую или дополняющую роль. К примеру, завитками

¹ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – Табл. 14, вверху справа; табл. 15, внизу справа.

² Широкова З. А. Одежда. – Рис. 9/3, 9/5, 9/7, 21/1, 41/3.

³ Рузиев М. А. Искусство таджикской резьбы по дереву (конец XIX - XX вв.). - С. 88.

заполняли пространство между ромбиками, расположенными по отношению друг к другу ступенчато¹.

Отрадно, что в наши дни искусство вязания узорчатых шерстяных чулок не исчезло и таджикский народ бережно хранит свои самобытные ремесленные традиции. Сохранение многих старинных орнаментальных композиций в этих изделиях является показателем преемственности традиций в области традиционного вязального искусства. Фотоснимки ряда *джурабов* современного образца приведены в приложении 2 к настоящей работе (рисунок 3.6). Проведем их краткий орнаментальный анализ. Число использованных цветов в изделиях варьирует от 3-4 (рисунок 3.6, з; и) до 13-14 (рисунок 3.6, е; ё; у). Отсюда следует, что основные орнаментальные композиции *джурабов* вполне достижимы и при количественном ограничении цветового решения. Чтобы вывести такие характерные детали узора, как S-образный элемент и зигзаг в их сочетании с ромбиками (без внутренней разработки), достаточно лишь трех цветов. Однако в данном случае говорить об эстетической ценности этих изделий не приходится. Они не обладают яркостью, колорит и сочность отсутствуют в корне. Безусловно, для покупателя они могут быть интересны исключительно в аспекте унитарных качеств, заключающихся в защите от холода. Кстати, характер орнаментальных композиций 3-5-цветных *джурабов*, представленных на рисунке 3.6, з; и; к, показывает, что все три изделия изготовлены одной и той же мастерицей.

Совсем иную картину можно наблюдать, разглядывая *джурабы*, вывязанные с использованием нитей 13-14 цветов. Здесь S-образные детали узора – *кажак* разработаны, в них толщина плавно изменяется, посередине каждого такого узора может быть выведен внутренний кружочек другого

¹ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – Табл. 14, внизу справа.

цвета (рисунок 3.6, ё; у). Подобные элементы также могут образовывать между собой замкнутую цепь, когда соседние элементы соединяются наклонными, курсивными, линиями (рисунок 3.6, д; ё). Нужно отметить, что в дореволюционное время встречалась, как подобная схема соединения *кажаков*, так и горизонтальными прямыми строго посередине фигур¹.

Кстати, фантазией мастерицы такой композиционный ряд иногда может быть построен с вариациями. Например, когда S-образные элементы цепочки повернуты на 180⁰ (рисунок 3.6, е). Аналогично в изделиях с высокой полихромностью мастерицы разрабатывают внутренность ромбиков, вывязывая в этом месте кружочки (рисунок 3.6, у).

В *джурабах* носок и пятку делают гладкой / однотонной. Также обращает внимания, что орнаментальные детали в их взаимном расположении обязательно образуют поперечные полосы. Полосы могут быть, как прямолинейными, так и зигзагообразными / зубчатыми (рисунок 3.6, п). Вертикальные полосы практически отсутствуют. Лишь в отдельных случаях в глаза бросается наличие эффекта наклонных линий на участке паголенка (рисунок 3.6, о).

В целом, узорам вязаных изделий таджиков свойственно отклонение от натурализма, избегание от очертания реальных форм, стремление к максимальной стилизации, к наибольшему упрощению. Одним из факторов, обусловивших такое явление, было сильное влияние элементов магизма. Далее, синтез религиозно-мифологической сущности в народном декоративно-прикладном искусстве с фольклорными образами, в результате чего магико-анимистические образы постепенно утратили свое значение, что особенно интенсивно происходило в XX веке. По факту имеем дело с иносказательностью народного узора, когда прообраз передается

¹ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – Табл. 14, внизу слева; табл. 17, вверху посередине; Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга. – Табл. 6, в.

приблизительно, когда название конкретного узора имеет очень мало общего с предметом, который это изображение олицетворяет. Данный феномен весьма емко сформулирован Н. А. Белинской, которая отмечает, что «натурализм ... глубоко чужд узоротворчеству таджиков». Лаконизм и предельная обобщенность форм – характерные черты таджикского национального орнамента. Эти качества являются выразителями огромной смелости художественного упрощения, способствующие предельно яркому и полному раскрытию образа и его гармоническому и наиболее удачному композиционному размещению¹.

Таким образом, материалы заключительного раздела диссертационного исследования позволяют сделать следующее заключение. Характерная черта таджикских вязаных рукоделий традиционного типа – глубоко содержательная орнаментация. Отдавая должное другим положительным потребительским свойствам, следует отметить, что именно самобытное оформление является господствующей чертой, обеспечившей им особенное своеобразие, оригинальный вид и художественно-эстетическую ценность. Практически обязательная полихромность, яркость цветов и их гармоничное сочетание, несомненно, являются показателями высочайшей степени развития ремесла. Нарботанный веками порядок парных цветов обеспечил получение приятного вида в условиях резкой пестроты в окраске соседних нитей.

Изучение символики цветов в традиционном вязании показало, что используемые господствующие цвета находятся в полном соответствии с культурой народа, его образом жизни, миропониманием вероисповедованием. Причем, в условиях значительного влияние отражения тех или иных цветов в исламе, четко наблюдаются в этом аспекте и пережитки зороастрийской религии. Не исключено, что именно этим можно объяснить факт того, что

¹ Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). – С. 73.

один и тот же цвет служил одновременно, или в условиях разных районах проживания этого народа, и для отражения траурного настроения, и для олицетворения участия в празднике.

В орнаментальных мотивах вязаных рукоделий содержатся элементы самого разного происхождения и сущности, включая элементы древнеарийской и зороастрийской символики, что является ярким свидетельством преемственности ремесленных традиций в целом и орнаментальных традиций в частности. Традиционное вязание таджиков характеризуется богатством узоротворчества, заключающего в себе геометрические, растительные, зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные, астральные элементы, а также изображения различных предметов быта.

Удивительным феноменом можно признать случай, когда вывязываемый орнамент не задуман заранее, а является порождением процесса работы, когда он зарождается и реализуется непосредственно во время вязания конкретного образца изделия.

Многовековое развитие орнаментальных традиций обусловило широкую трансформацию мотивов, в результате чего происходило отклонение от реализма и натурализма в сторону стилизации, обобщения, упрощения и, в конечном счете, иносказательности. В целом, многочисленные, в том числе сохранившиеся, образцы вязаных рукоделий являются произведениями искусства и обладают высокой художественной ценностью.

Очевидным показателем художественной ценности главного вида изделий традиционного вязания – шерстяных чулок является тот факт, что в советский период развития Таджикистана, а также в годы независимости республики они превратились в желанный сувенир, который каждый гость желает вывезти с собой отсюда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Основные научные результаты исследования

1. В Центральной Азии истоки вязальных традиций приходится на времена зарождения этого вида искусства. Хотя археологическая наука увязывает это время с 4 тысячелетием до н.э., есть основания полагать, что вязальное рукоделие возникло еще на этапе перехода от мезолита к неолиту - в 6 - 5 тысячелетиях до н.э. [4-А]

2. Привлечение материалов старинных памятников письменности в очередной раз подтвердило ценность произведений классической таджикско-персидской, а также пехлевийской, литературы и в научном аспекте. Выясняется, что ряд постулатов народной мифологии и старинных легенд, нередко оцениваемые как бездоказательные утверждения, на самом деле весьма близки к истине. В частности, зафиксированные в них заметки о начальных этапах отраслей ремесла, сегодня находят свое подтверждение в соответствующих материалах археологической науки [4-А].

3. Развитие вязального промысла и приемов декора его продуктов сыграло немаловажную роль в расширении рынка шерстяного сырья, развитии национального шерстопрядильного искусства, расширении видов красителей, совершенствовании приемов крашения нитей, повышении устойчивости окраски. Не случайно, проведенное в рамках настоящей работы исследование показало синхронность возникновения и поэтапного развития вязания и таких ремесел, как прядение шерсти, красильное производство. Все эти отрасли ремесла зародились почти одновременно в эпоху энеолита и в дальнейшем развивались параллельно [8-А].

4. В бронзовом веке, древности, средневековье и новом времени происходило дальнейшее развитие вязальных традиций таджикского народа. Несмотря на существование разных исторических эпох, попеременно

сопровождавшихся расцветом и упадком культуры общества, благодаря преемственности поколений эти традиции в их основных чертах благополучно сохранились до двадцатого столетия и, частично, до наших дней [6-А].

5. Вязальное дело занимало важное место в материальной культуре таджикского народа, так как им занимались в кругу практически каждой семьи. Оно было трудом надомного характера, исключавшей, вследствие женской специализации, любую форму цеховой организации. Своеобразие национального вязания заключается и в том, что являлось не только трудом, но и своего рода видом отдыха. Им занимались везде - дома, в гостях и на улице.. Одновременно, вязаные домашние рукоделия служили значительным подспорьем в хозяйстве и имели товарное значение [1-А].

6. Изделия национального вязального рукоделия являются носителями утилитарной (используясь в качестве теплой одежды), эстетической (придающей костюму особую красоту) и сакральной функций. Первое качество определяется материальным содержанием изделия, второе и третье – обусловлены цветовым оформлением и содержанием вывязаного орнамента, каждому элементу которого придавалось магическое значение, значение талисмана, оберега [2-А].

7. Продукты вязального дела таджиков по праву занимают достойное место в сокровищнице произведений народного декоративно-прикладного искусства. В их лучших образцах нашли отражение самые замечательные достижения, как национального текстильного (прядельного, вязального) искусства, так и искусства изобразительного (художника-орнаменталиста). Их авторы – это поистине высококвалифицированные мастера-вязальщицы и, одновременно, отменные колористы высочайшей категории, прекрасные художники в области композиции, семантики и символики узора, первоклассные мастера в области стилизации деталей узора [2-А].

8. В области декора вязание не только заимствовало орнаментальные мотивы из других областей ремесла (керамики, вышивки, ковроткачества и др.), но и являлось источником появления новых узоров. Технологическое своеобразие этого рукоделия обусловило высочайшую степень стилизации рисунка. Реализуемые контуры фигур - наиболее простые и, одновременно, наиболее оптимальные формы изображения предметов и явлений окружающего мира. Сказанное относится, как к изображениям живых существ, так и объектам космоса и элементам растительного мира. Также в глаза бросается отменная колористическая характеристика продуктов национального вязального рукоделия. Чередующиеся между собой яркие, броские цвета располагаются на площади изделия в оптимальной последовательности, соседствующие цвета находятся в полной гармонии и ласкают взгляд. И это в условиях, когда мастерица работает без шаблона цветов, пользуясь в ходе работы своей фантазией, полетом мысли. Исходя из этого, несомненно, через декор традиционных шерстяных чулок проявляются лучшие грани эстетической культуры народа – культуры, сформировавшейся под влиянием природно-климатических условий, а также социальных взаимоотношений, история которых охватывает многие тысячелетия [2-А].

9. В национальном вязании ярко проявилась преемственность традиций - фактор, позволивший сохраниться отрасли почти в первозданном виде. Сказанное относится к социальной специализации вязального рукоделия, технологии его выполнения, используемому рабочему инструменту, канонам орнаментации и другим показателям этого вида народных промыслов. Вот почему замечательное искусство вязания узорчатых предметов одежды, включая шерстяных чулок, не исчезло. В наши дни нарядные *джурабы*, являясь изделиями народного прикладного искусства, все еще не теряют популярности, и как предмет теплой одежды, и в качестве сувенира для преподношения гостям независимого Таджикистана. Они остаются

востребованными и в быту у таджикских горцев (мужчин и женщин, стариков и детей). В народе также бережно хранят традиции вязания других предметов одежды, плетения тесемок, пестрых шнуров и разных других элементов быта [1-А].

2. Рекомендации по практическому использованию результатов исследования

1. Для достижения целей, преследуемых Годом развития села, туризма и народных промыслов (2019-2021), необходимо в городах и районах Республики Таджикистан создать сеть ремесленных центров, в структуре которых будут функционировать отделы, специализирующиеся на вязальном деле

2. Для привлечения внимания в обществе к решению проблем, стоящих перед отраслью, следует активно экспонировать продукцию вязального рукоделия в рамках фестивалей и выставок народного творчества.

3. Необходимо пополнить рынок сувенирной продукции республики за счет орнаментированных вязаных изделий разного вида и назначения и использовать данный фактор для дальнейшего развития туризма в республике.

4. На современном этапе вопрос о возрождении и развитии традиций вязального рукоделия следует рассматривать как фактор, способствующий решению задачи занятости трудоспособного, особенно сельского, населения республики. Также немаловажно, что за счет этого к активному и общественно полезному труду можно привлечь безработных женщин, что, в свою очередь, способствует разрешению гендерного вопроса.

5. Исследователям материальной культуры таджикского народа необходимо обратить внимание на недостаточное освещение, а порой

отсутствие, материалов по вязаному рукоделию в монографиях и учебных пособиях по истории национального костюма и истории ремесленной деятельности таджиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Источники**

- [1]. Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. – Тегеран, 2001. – Т. 1. – 824 с.; Т. 2. – 817 с.
- [2]. Айни С. Воспоминания (тадж.) / С. Айни. – Душанбе, 2009. – 680 с.
- [3]. Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира / М. С. Андреев. – Ташкент: Типо-литография № 2 Казгиза, 1928. – 42 с. – (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами).
- [4]. Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир: (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.) / М. С. Андреев. – Ташкент, 1927. – 101 с. – (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами).
- [5]. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) / М. С. Андреев. – Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии, 1953-1958. – Вып. 1. – 250 с.; Вып. 2. – 526 с. – (Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889) / Г. А. Арандаренко. – С-Пб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.
- Беруни А. Памятники минувших поколений // Абурейхан Бируни. Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1957. – 486 с.
- Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского / А. А. Бобринский. – М., 1908. – 150 с.
- Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) / А. А. Бобринский. – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900. – 47 с.

Богоявленский Н. В. В верховьях р. Аму-Дарьи (Долины р. Хингоу и Ванджа) / Н. В. Богоявленский // Землевладение. – Кн. 1-2. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1901. – С. 26 с., 2 л. илл.

Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения (пер. с перс.) / Б. Кушкеки / Под ред. А. А. Семенова. - Ташкент, 1926. – 248 с., 31 л. карт. – (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами).

Ванновский С. Л. Извлечение из отчёта генштаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1883 г. / С. Л. Ванновский // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 56. – С-Пб., 1894. – С. 73-125.

Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства / М. А. Варыгин // Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. - Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916. – 67 с. – (Отд. оттиск).

Васильев. Статистический очерк Каратегина / Васильев // Военный сборник. - № 10. – М., 1888. – С. 423-437.

Гейер И. И. Весь Русский Туркестан / И. И. Гейер. – Ташкент: С. Р. Конопка, 1908. – 308 с., 32 илл. табл.

Геродот. История: В 10 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1972.

Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (перс.): В 3-х т. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 480 с.; Т. 2. – 1988. – 416 с.; Т. 3. - 1989. – 304 с.

Демезон П. И. Записка П. И. Демезона / П. И. Демезон // Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 17-83.

Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148.

Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. – Т. 3. – Петроград, 1916. – С. 89-92.

Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума («Дадестан-и меног-и храд»). Сотворение основы («Бундахишн») и другие тексты / Изд. подгот. О.М. Чунаковой. - М.: Восточная литература, 1997. – 352 с.

История Систана (Та'рих-и Систан) / Перев. с перс., введ. и комментариев Л.П. Смирновой. – М.: Наука, 1974. – 575 с.

Кап. Васильев. Статистический очерк Каратегина / Васильев // Военный сборник. - № 10. – 1888. – С. 423-437.

Корженевский Н. Л. Через Памир к Гиндукушу (От Оша до Памирского поста) / Н. Л. Корженевский // Исторический вестник – 1912. – Т. 127. – № 2. – С. 691-732.

Коржинский С. И. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения / С. И. Коржинский // Сельское хозяйство и лесоводство. – С-Пб., 1898. – Т. 189, № 4. – С. 53-76.

Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев / И. Краузе // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - М., 1872. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – С. 206-213.

Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах / В. И. Липский: В 3 ч. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1902. - Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. – 1902. – 818 с.; Ч. 2. Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай. 1897 г. – 541 с.; Ч.

3. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899. – 785 с.

Мирхонд Мухаммад ибн Ховандшоҳ. Равзат ус-сафо фи сирати –л-анбиёи ва-л-мулуки ва-л-хулафо («Сад чистоты в жизнеописаниях пророков, царей и халифов») / М. Мирхонд. – Душанбе: Эр-Граф, 2004. – Кн. 1. – 654 с.

Мустанджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции / А. Мустанджир (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.

Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (перс.). – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1993. – 416 с. – Т. 2. – 2004. – 424 с.

Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань: Тип-я Императ. унив-та, 1886. – 245 с.

Омар Хайам. Навруз-наме (тадж., рус., англ.). – Душанбе: Адиб, 2012. – 352 с.

Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки П. И. Пашино / П. И. Пашино. – С-Пб., 1866. – 182 с.

Посланник Петра 1 на Востоке: Посольство Флорио Беневини в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. / Под ред. В. Г. Воловникова. – М.: Наука, 1986. – 159 с. - (Азия и Африка в источниках и материалах).

Писарчик А. К. Примечания и дополнения А. К. Писарчик к монографии М. С. Андреева «Таджики долины Хуф // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 2. - Сталинабад, 1958. - С. 277-486.

Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. - М.: Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. – 123 с.

Снесарев А. Е. Докладная записка капитана генерального штаба А. Е. Снесарева о зякете в Западном Памире / А. Е. Снесарев // Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М.: Наука, 1975. – С. 82-91.

Станкевич Б. В. По Памиру. Путевые заметки Б. В. Станкевича / Б. В. Станкевич // Русский вестник. - № 11. - СПб., 1904. – С.

Стасов В. Отзыв на книгу «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)», Москва, 1900 г., графа А. А. Бобринского / В. Стасов // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. 14. – Вып. 1. – СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1902.

Страбон. География: В 17 кн. / Страбон. Пер. Г. А. Стратановского. – Кн. 11. – М.: Ладомир, 1994.

Таджикско-русский словарь / Сост. М. В. Рахими, Л. В. Успенская и др. – М.: Гос. изд-во словарей, 1954. – 789 с.

Федченко А. Заметка о верхнем Зеравшане / А. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1873. - С. 49-52.

Федченко А. Заметки о Магианском бекстве / А. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1873. - С. 68-71.

Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии / А. Фелькерзам. – СПб., 1915. – 110 с. - (Издание ежемесячника «Старые годы»).

Фирдоуси. Шах-наме: В 9 т. (тадж.) – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 468 с.

Халфин Н. А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // Россия и Бухарский эмират на Западном Памире / Н. А. Халфин. - М.: Наука, 1975. – 127 с. – (Русско-бухарские отношения).

Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование / А. П. Шишов. – Алматы, 2006. – 392 с.

Эггерт В. В. Очерк Памиров / Эггерт В. В. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 76. – СПб., 1902.

Исследования (монографии, брошюры, статьи)

Абдуллаев А. Отчет Пянджского археологического отряда за 1985 г. / А. Абдуллаев // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1994. – Вып. 25. – С. 100-130.

Алёкшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока) / В. А. Алёкшин. – Л.: Наука, 1986. – 191 с.

Андреева О. С. Костяные спицы из погребений эпохи поздней бронзы / О. С. Андреева // Тезисы докладов 41 Уфимского профессионального архитектурно-строительного колледжа. – Уфа, 2009.

Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / А. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1977. – 230 с.

Аскарлов А. А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде / А. А. Аскарлов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1970. - №. 122. Археологическое изучение Средней Азии. - С. 64-66.

Аскарлов А. А. Сапаллитепа / А. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1973. – 172 с.

Аскарлов А. А. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана) / А. А. Аскарлов, Б.Н. Абдуллаев. - Ташкент: Фан, 1983. – 120 с.

Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы) / Т. М. Атаханов. – Душанбе, 2015. – 332 с.

Бабаева Н. С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец – начало века). – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

Байпаков К. М. Семиречье / К. М. Байпаков, В. Д. Горячева // Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 151-162. – (Средняя Азия и Дальний Восток в средневековье).

Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.

Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль) / Н. А. Белинская. – Душанбе, 1965. – 90 с., 6 л. илл.

Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара / С. Бобомуллоев. – Душанбе: Дониш, 2015. – 222 с.

Богомолов Г. Отпечатки ткани на глиняных буллах из Канки / Г. Богомолов, Томоми Мукарами. // Археология Узбекистана. - № 2(5). – Самарканд, 2012. - С. 78-81.

Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира / М. А. Бубнова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л., 1986. – 180 с.

Васильцов К. С. Цвет в культуре народов Центральной Азии / К. С. Васильцов // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. - СПб.: Наука, 2007. - С. 99-134.

Двуреченская Н. Д. Археологический комплекс на юго-западе жилого блока – квартала I «нижнего города» Кампыр-тепа / Н. Д. Двуреченская // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 8. – Елец, 2011. – С. 102-121.

Дмитриев С. В. Граф А. А. Бобринский, Н. В. Богоявленский, А. А. Семенов и их путешествия на Памир на рубеже XIX - XX вв.: научные результаты и

коллекции / С. В. Дмитриев, Д. Н. Худоназаров // Таджики: история, культура, общество. – С-Пб., 2014. – С. 119-145. – (РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера).

Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура / Н. А. Дубова // М.: Старый сад, 2004. - С. 254-281.

Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. – Душанбе, 1969. – 30 с., 47 отд. л. илл. – (АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша).

Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. Историко–этнографический очерк / Н. Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 120 с. - (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Акад. наук Тадж. ССР).

Ершов Н. Н. Ткачество / Н. Н. Ершов // Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. - Вып. 1. - Душанбе, 1966. - С. 212-230. – (Ин-тут истории им. А. Дониша Акад. наук Тадж. ССР).

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы / Ю. А. Заднепровский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 326 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР, № 118).

Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. / М. Ф. Иброхимов. – Душанбе: Ирфон, 2013. - 182 с.

Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология / М. Ф. Иброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2006. – 210 с.

Иброхимов М. Ф. Традиционные технологии приготовления красок и крашения в текстильном производстве таджиков / М. Ф. Иброхимов, Д. К. Раджабова // Вестник Таджикского технического университета. – Душанбе, 2012. - № 2 (18). – С. 114-117.

Исаков А. И. Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.) / А. И. Исаков. – Душанбе:

Дониш, 1991. – 156 с., [45] л. илл. - (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ).

Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. / Б. И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 2012. – с.

Искандаров Б. И. Средняя Азия и Индия (торговые, культурные и политические связи). Краткий очерк / Б. И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

История таджикского народа / Отв. ред. Р. М. Масов. – Душанбе, 1998-2013. - Т. 1: Древнейшая и древняя история. - 1998. – 752 с.; Т. 2: Эпоха формирования таджикского народа. – 1999. – 792 с.; Т. 3. XI – XII века. – 2013. – 580 с.; Т. 4. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – 2010. – 1124 с.; Т. 5. Новейшая история (1917 – 1941 гг.). – 2001. – 829 с. (АН Респ. Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша).

Киматшоев П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. – 2-е изд. – Хорог, 2011. – 28 с.

Кисляков Н. А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ) / Н. А. Кисляков // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 5-15.

Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологический анализ и изучение экономики древних обществ / Г. Ф. Коробкова // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. – Ташкент, 1983. – С. 425-426.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е. Е. Кузьмина. – М.: Наука, 1994. – 464 с. – (РАН, Российский ин-тут культурологии.).

Литвинский Б. А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. – Душанбе, 1962. – 405 с.

Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М.: Наука, 1972. - 258 с. + илл. – (Ин-т истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР).

Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М.: Наука, 1978. - 216 с. + илл. – (Ин-т истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР).

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой истории и культуры народов Средней Азии / Б. А. Литвинский // История и культура народов Средней Азии. – М., 1976. – С. 49-65.

Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом / Б. А. Литвинский // Археологические работы в Таджикистане. – Сталинабад, 1960. – С. 91-96.

Литвинский Б. А. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии / Б. А. Литвинский, А. В. Седов. – М.: Наука, 1983. – 239 с.

Литвинский Б.А. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии / Б.А. Литвинский, А.В. Седов. – М.: Наука, 1983. – 239 с.

Литвинский Б. А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) / Б. А. Литвинский // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 170-176.

Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество / Е. И. Лубо-Лесниченко // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство и материальная культура. – М.: Вост. литература, 1995. – Т. 3. – С. 36-74.

Лунева В. Пряслица Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. – Ташкент, 2002. – С. 91-100.

Майтдинова Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) / Г. М.

- Майтдинова // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53
- Майтдинова Г. М. История таджикского костюма / Г. М. Майтдинова. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – 254 с.
- Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Кумеда / Г. М. Майтдинова // Мероси ниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58
- Майтдинова Г. М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи / Г. М. Майтдинова. – Душанбе: Дониш, 1992. – 272 с.
- Майтдинова Г. М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья / Г. М. Майтдинова // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132
- Майтдинова Г. М. Раннесредневековые ткани Средней Азии / Г. М. Майтдинова. – Душанбе: Дониш, 1996. - 138 с., ил.
- Майтдинова Г. М. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей / Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. XXV. – С. 74-83.
- Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе / А. Г. Максимова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 80. – М., 1960. - С. 60-64.
- Мамадамонова С. Вязальное искусство жителей Бадахшана / С. Мамадамонова (тадж.). – Хорог, 2010. – 75 с.
- Мамадамонов Х. Ручные семейные промыслы в Бадахшане развиваются / Х. Мамадамонов (тадж.) // Паёмномаи фарханг («Вестник культуры»). – Душанбе, 2012. – № 2(19). – С. 88-94.

- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии / А. М. Мандельштам. – Л.: Наука, 1975. – 227 с.
- Масов Р. М. Народное искусство Памира (рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2009. – 173 с. – (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ).
- Масов Р. М. Народное искусство Таджикистана (тадж., рус., англ.) / Р. М. Масов, Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева. – Душанбе, 2011. – 317 с. - (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ).
- Массон В. М. Алтын-Депе / В. М. Массон. – Л.: Наука, 1981. – с.
- Массон В. М. Каракумы: заря цивилизации / В. М. Массон. – М.: Наука, 1972. – 166 с.
- Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии / В. М. Массон. – СПб., 2006. – 384 с.
- Массон В. М. Первые цивилизации / В. М. Массон. – Л.: Наука, 1989. – 266 с.
- Массон В. М. Страна тысячи городов / В. М. Массон. – М.: Наука, 1966. – 162 с.
- Матбабаев Б. К истории ткачества в Ферганской долине (древность и средние века) / Б. Матбабаев, Чжао Фэн. // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Самарканд-Ташкент, 2010. - С. 229-234.
- Махова Е. И. Программа сбора материала для атласа по народной одежде / Е. И. Махова, С. П. Русайкина // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.-Л., 1961. – с.
- Митлянский Д. Ю. По таджикским дорогам / Д. Ю. Митлянский. – М.: Искусство, 1970. – 112 с. – (Дороги к прекрасному).
- Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ / И. Мухиддинов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М., 1986. - С. 70-93.

- Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. - Душанбе, 1998. – 252 с.
- Носирова Л. Вязальное искусство в Бадахшане / Л. Носирова (тадж.) // Паёмномаи фарханг («Вестник культуры»). – Душанбе, 2017. – № 1(37). – С. 78-82.
- Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1959. – 130 с.
- Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы / Е. М. Пещерева. – Душанбе: Дониш, 1976. – 98 с.
- Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. / А. К. Писарчик // Труды Таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад, 1949. - № 15. – С. 85-97.
- Писарчик А. К. Примечания и дополнения / А. К. Писарчик // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 2. - Сталинабад, 1958. - С. 277-486. - (Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- Подобед В. А. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы, 2011. - С. 279-297.
- Полосьмак Н. В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ (гл. 2.2) / Н. В. Полосьмак // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000. – С. 57-108.
- Рассудова Р. Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) / Р. Я. Рассудова // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206;
- Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 154-174.

- Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.
- Рахимов Р. Р. Нихоли умр: Дерево в мифоритуальной символике таджиков / Р. Р. Рахимов // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. – Вып. 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 106-159.
- Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани / С. И. Руденко. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.
- Рузиев М. А. Искусство таджикской резьбы по дереву (конец XIX - XX вв.) / М. А. Рузиев. – Душанбе: Дониш, 1976. – 114 с.
- Русяйкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР / С. П. Русяйкина // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1959. – С. 132-214.
- Сагдуллаев А. С. В стране золотого огня / А. С. Сагдуллаев, Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент: Узбекистан, 1983. – 93с. – (Поиски, находки).
- Сарианиди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей / В. И. Сарианиди. – М.: Наука, 1983. – 159 с.
- Сарианиди В. И. Бактрия сквозь мглу веков / В. И. Сарианиди. – М.: Мысль 1984. – 159 с.
- Сарианиди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов (рус., англ.) / В. И. Сарианиди. – Ашгабад, 1995. – 327 с.
- Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб / В. И. Сарианиди (рус., англ.). – Ашгабад, 2002. – 341 с.
- Сарианиди В. И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры / В. И. Сарианиди (туркм., рус., англ.). – Ашгабад, 2008. – 360 с.

- Сарианиди В. И. Некрополь Гонур и языческое владычество / В. И. Сарианиди (рус., англ.). – М., 2001. – 246 с.
- Сарианиди В. И. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. / В. И. Сарианиди, Н. А. Дубова // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011-2013 гг. – М., 2014. – С. 92-111.
- Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии / Л. М. Сверчков. – Ташкент: SMI-ASIA, 2011. – 240 с.
- Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии / О. А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1954. – Вып. 1. Новая серия. – Т. 21. – С. 111-157.
- Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.) / О. А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 140 с.
- Сухарева О. А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки / О. А. Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Кн. 6. – Ташкент, 1937. – С. 119-134.
- Умарова З. Х. История развития ювелирного искусства таджиков (V – начало XX вв.) / З. Х. Умарова. – Душанбе: РТСУ, 2017. – 334 с.
- Хамза Камол. Дневник путешествия в Искандеркуль, Фалгар и Горную Матчу (тадж.) / Хамза Камол, Абдували Шарифзода // Фарханг. – Душанбе, 2011. – № 1-2. – С. 37-44; № 3-4. – С. 45-52.
- Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана / Хамза Камол / Хамза Камол. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 208 с.
- Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли / А. Х. Хамиджанова. – Душанбе: Дониш, 1974. – 181 с., 23 л. илл. – (Таджики - этнография).

Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа / И. Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1964. – 172 с.

Хлопин И. Н. Еще раз о древности туркменского ковроделия / И. Н. Хлопин. // Северная Евразия от древности до средневековья. - С-Пб., 1992. – С. 59-61.

Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении / И. Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1969. – 84 с.

Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников / И. Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1963. – 242 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – 321 с.

Широкова З. А. Одежда / З. А Широкова // Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230. - (Ин-тут истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР).

Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. - Душанбе, 1993. – 199 с.

Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана / З. А. Широкова. - Душанбе, 1976. – 206 с.

Широкова З. А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) / З. А. Широкова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С. 182-203.

Шишкин И. Б. У стен великой Намазги / И. Б. Шишкин. – М.: Наука, 1977. – 191 с.

Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н.э. (Верхний Зеравшан в эпоху средневековья) / Ю. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1979. - 215 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) / С. А. Яценко. – М.: Восточная литература, 2006. – 664 с.

Яценко С. А. На родине и на чужбине: облик костюма раннесредневековых согдийцев по изображениям / С. А. Яценко // Интеграция археологических и

этнографических исследований. – Ч. 1. - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2010. – С. 459-465.

Яценко С. А. Согдийцы на родине и за границей: различия в костюме VI–VIII вв. по изображениям в Согде и Китае / С. А. Яценко // Археология Казахстана. – Астана, 2012. - № 1 и др.

Яценко С. А. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов / С. А. Яценко // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы XIII-й международной научной конференции (СПб., 28 июня - 1 июля 2010 г.). - СПб., 2010. - С. 119-124.

Диссертации и авторефераты

Иброхимов М. Ф. История текстильного производства таджиков: Дис. ... д-ра ист. наук. – Душанбе, 2013. – 539 с.

Каннадан Шима Махмуд. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: Дисс... канд. ист. наук. – Душанбе, 2013. – 166 с.

Раззоков А. Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-трассологическим данным): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – СПб., 1994. – 20 с.

Хакимова Н. А. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX – XX веках: Дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2015. – 243 с.

Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Дисс. ... д-ра. ист. наук. – М., 2002. – 582 с.

Электронные ресурсы

Аштские вязальщицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://meta.kz//655451-tadzhikistan-ashtskie-vyazalschicy.html>. Дата обращения 14.07.2013.

Красота – в ногах. Особенности изготовления памирских *джурабов* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.tajweek.tj/view/krasota--v-nogah-osobennosti-izgotovleniya-pamirskih--dzhurabov>. Дата обращения 07.08.2018.

Мамины *джурабы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2016/11/26/8811>). Дата обращения 24.12.2016.

Памирские *джурабы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.toptj.com/news/2010/12/9/6B89872F-6FE3-409D-9552-7452B0B3E943>. Дата обращения 24.12.2016.

Почему до XVII века вязанием на спицах занимались только мужчины, и как женщины отвоевали право на это ремесло? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kulturologia.ru/blogs/060318/37897/>. Дата обращения 14.08.2018.

Правила вязки. Тайны памирских *джурабов* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pamir.ucoz.com/news/pravila_vjazki_tajny_pamirskikh_dzhurabov/2009-12-08-146. Дата обращения 24.12.2016.

Серпионова А. История вязания. Археологические находки и исторические данные [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/topic/148029-istoriya-vyazaniya-arheologicheskie-nahodki-i-istoricheskie-dannye>. Дата обращения 16.02.2019.

Таджикские орнаменты идентичны севернорусским и скифским». Давлат Худоназаров об имперских этнографах и будущем Таджикистана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newskif.su/2016>. Дата обращения 05.08.2019.

Тайны памирских джурабов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.djurabki.ru/article/6/Tayny-pamirskih-dzhurabov>. Дата обращения 24.12.2016.

Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему джурабы стали символом Памира? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/10107>. Дата обращения 08.08.2018.

Что такое джурабы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://businka32.ru/forum/48-1570-1>. Дата обращения 08.08.2018.

СПИСОК НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КАНДИДАТА НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ

Научные статьи, изданные в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан и ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

[1-А.] Содикова С. А. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджичек (конец XIX – XX вв.) / С. А. Содикова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. – Душанбе, 2017. – С. 42-46.

[2-А.] Содикова С. А. О художественных аспектах продуктов традиционного вязания таджиков / С. А. Содикова // Вестник Национального университета Таджикистана. - № 3/5. - Душанбе, 2017. – С. 13-15.

[3-А.] Содикова С. А. Вязальное дело предков таджиков в эпоху рабовладельческих отношений / С. А. Содикова // Историк (Научно-теоретический журнал). – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ. - № 2 (18), 2019. – С. 126-133.

[4-А.] Содикова С. А. Зооморфные мотивы в декоре изделий традиционного вязания таджиков // Историк (Научно-теоретический

журнал). – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ. - № 4 (20), 2019. – С. 141-146.

**Статьи в других журналах, сборниках научных трудов и
депонированные статьи**

[6-А.] Содикова С. А. Вариант нарушения традиционализма в женской исторической одежде: разная длина рукавов или странная мода одевания? (по материалам средневековой таджикско-персидской миниатюры) / С. А. Содикова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(26)2016. – Душанбе, 2016. - С. 71-74.

[7-А.] Содикова С. А. Древние истоки вязального искусства в Средней Азии / С. А. Содикова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 2(27). – Душанбе, 2016. - С. 132-135.

[8-А.] Содикова С. А. Тарзи дӯхтани пирохан (курта)-и занона: Дар 3 қ. / С. А. Содикова, М. Ҷ. Валиева // Бонувони Тоҷикистон. – Январӣ 2017 (№ 122). - С. 50; Февралӣ 2017 (№ 123). - С. 46; Марти 2017 (№ 124). - С. 50.

[9-А.] Содикова С. А. Красильные материалы, приготовление красок и крашение пряжи для вязания в таджикском ремесленничестве / С. А. Содикова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(28)2017. – Душанбе, 2016. – С. 167-173.

[10-А.] Содикова С. А. Сакральный смысл памирской вязки / С. А. Содикова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Вклад молодых ученых в инновационное развитие Республики Таджикистан (Технологический университет Таджикистана, 28-29 апреля 2017 г. - С. 218-221.

[11-А.] Содикова С. А. Текстильные промыслы Средней Азии в XVII - XVIII вв. и их отражение в творчестве Сайидо Насафи / С. А. Содикова, М. Ф. Иброхимов // Миробид Сайидои Насафи и эволюция культуры и

литературы Мавераннахра (исследование). – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ, 2018. – С. 395-401.

[12-А.] Историография вязального дела таджиков / С.А. Содикова, З.Г. Хакимова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Наука и техника для устойчивого развития» (Технологический университет Таджикистана, 28 апреля 2018 г. Часть 1. - С. 80-82.

[13-А.] Историография косметических традиций таджикского народа / С.А. Содикова, З.Г. Хакимова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Наука и техника для устойчивого развития» (Технологический университет Таджикистана, 28 апреля 2018 г. Часть 1. - С. 86-88.

[14-А.] Содикова С. А. К вопросу о возможности изучения древней истории вязального ремесла. Аргументы и проблемы (на примере Средней Азии) / С. А. Содикова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы индустриализации Республики Таджикистан: проблемы и стратегии» (Технологический университет Таджикистана, 26-27 апреля 2019 г. Часть 1. - С. 168-170

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПО ВЯЗАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ ТАДЖИКОВ

Аждарнайкар – «тело дракона». Мотив узора джурабов.

Амбахцак – «ёлочка». Мотив узора джурабов.

Аловгул – «огненный цветок». Мотив узора джурабов.

Била – вязаные рукавицы.

Вахеджгул – «роза». Мотив узора джурабов.

Ветипч – «падающая звезда». Мотив узора джурабов. О нем сохранилось лишь упоминание.

Вурджбидх – «след волка». Мотив узора джурабов.

Гандумак – «пшеничное зерно». Мотив узора джурабов.

Гандунаи хуриед – «свастика». Мотив узора джурабов. Олицетворяет четыре стихии земли: огонь, воду, воздух и землю. Символ зарождения жизни в ее постоянном движении.

Гевак – верхняя часть *джурабов*. Вязание чулок традиционным способом начинают именно с этой части.

Гиждаи чормагз - зеленые оболочки грецкого ореха, которые при кипячении с корнями растения *торон* дают синюю краску. Находила применение для окраски вязальных нитей.

Гули махсар - сафлор. Растение, из которого извлекали краску розового цвета. Применялась, в том числе, для подготовки нитей к вязанию.

Гули хайри - черная мальва. Растение, находившее применение в производстве черной краски.

Гулсури – «кустарник с ягодами». Мотив узора джурабов.

Дастбила – вязаные рукавицы.

Джогари чормагз / тут / себ - нарост на ореховом / тутовом / яблоневом дереве, использовавшийся для получения желтой краски. Такая краска

применялась и в процессе подготовки нитей, предназначенных для вязания.

Джураб – теплые чулки из грубой шерсти, полученные пестрой ручной вязкой. Представляют собой художественное изделие, со своеобразным орнаментом.

Дарахтак – «деревце». Мотив узора на джурабов.

Занджирак – «цепочка». Мотив узора джурабов.

Заризак – «куропатка». Мотив узора джурабов.

Заъфарон – шафран, растение, применявшееся для получения оранжево-желтой краски. Использовалась и для подготовки нитей к вязанию.

Зелол – растение барбарис, из корней которого готовили желтую краску. Эту краску горцы применяли для крашения вязальных нитей.

Ислими [тадж.] – Мотив узора джурабов в виде листовенного побега.

Испарак – желтофиоль, местное дикорастущее растение, цветы которого употреблялись вместе с ореховым наростом для получения желтой краски. Находила применение в крашении вязальных нитей.

Кабери – «величие». Мотив узора джурабов.

Кажак – «завиток». Орнаментальный мотив в виде S-образной фигуры, вертикальной или горизонтальной.

Каждумак – «скорпион». Мотив узора джурабов в виде ромбика с отходящими от него усиками.

Камонак – «лук». Мотив узора джурабов.

Камони Рустам – «лук (легендарного) Рустама». Мотив узора джурабов.

Каттагул – «крупный узор». Мотив узора джурабов.

Крошик – «горошек». Мотив узора джурабов.

Куза – «кувшин». Мотив узора джурабов.

Кулулак – «песчинка». Мотив узора джурабов.

Кушкорак – «барашек» Мотив узора в виде ромбика с отходящими усиками, напоминающими бараньи рога.

Лулаки корд – «кончик ножа». Мотив узора джурабов.

Махорджак – «горошек». Мотив узора джурабов.

Муслим – Мотив узора джурабов. Название загадочного цветка горных вершин

Накши гахвора – «рисунок колыбели». Мотив узора джурабов в виде косой сетки, заполняющий верхнюю или нижнюю часть чулок.

Накши кайчи – «рисунок ножниц». Мотив узора джурабов.

Нил - индиго, кубовая краска. Находила широкое применение для крашения вязальных нитей в синий цвет.

Нохуни паланг – «коготь тигра». Мотив узора джурабов.

Ориёнситора – «арийская звезда». Мотив узора джурабов.

Офтоба – «кумган». Мотив узора джурабов.

Паи пишак – «кошачий след». Мотив узора джурабов.

Пакол -

Палчинак – «лепестки». Мотив узора джурабов.

Пари товус – «перо павлина». Мотив узора джурабов.

Парпарак – «лепестки». Мотив узора джурабов.

Пои мург – «след курицы». Мотив узора джурабов.

Раварзунч – растение, плоды которого применялись для приготовления зеленой краски.

Роджхдоз – «пшеничное зерно». Мотив узора джурабов.

Рошорви – «по-рошорвски». Мотив узора джурабов.

Руян - марена, крап - растение, из корней которого получали розовую или темно-малиновую краску, а после ее брожения - красную. Такая краска широко применялась в процессе подготовки нитей к вязанию.

Садбарг – «роза». Мотив узора джурабов.

Садбарги сегуша – «трехлепестковая роза». Мотив узора джурабов.

Садбарги ровут – «движущаяся роза». Мотив узора джурабов.

Сегуша – «трилистник». Мотив узора джурабов.

Сесиха – вязание на трех спицах.

Синаи боз – «соколиная грудь». Мотив узора джурабов.

Сифцак – «глаз». Мотив узора джурабов.

Таёкак – «тросточка». Мотив узора джурабов.

Торон - гречишка бухарская / горец бальджуванский. Растение, из которого извлекали непрочную краску синего цвета. Применялась, в том числе, для подготовки нитей к вязанию.

Чанги паранда – «когти птицы». Мотив узора джурабов.

Чаноргул – «рисунок чинара». Мотив узора джурабов.

Чану-рост – «зеркальное отображение». Мотив узора джурабов в виде двухцветных поперечных полос, расположенных всей длине чулок.

Чархгардонак – «колесо вращения». Мотив узора джурабов в виде свастики.

Чахак – «курочка». Мотив узора джурабов.

Читрали – «по-читральски». Мотив узора джурабов.

Чойджуш – «чайник». Мотив узора джурабов.

Чорвошки – Вязание чулка в четыре нитки.

Чорпалча – «четырёхлепестковый». Мотив узора джурабов.

Чорсиха – вязание на четырех спицах.

Чорчаим – «четырёхглазый». Мотив узора джурабов.

Шамшоди – «цветок самшитового дерева». Мотив узора джурабов. По форме напоминает свастику.

Шамшоди-алов – «цветок и огонь». Мотив узора джурабов.

Шапарак – «бабочка». Мотив узора джурабов.

Шилха – щавель. Из корней этого растения приготавливали желтую краску, которую применяли для крашения вязальных нитей.

Шох – «рога». Мотив узора джурабов.

Чорришта – вязание верхней части джураба на четырех спицах и в четыре нитки.

Чорвошки – см. *чорришта*

Садбарг – «роза». Мотив узора джурабов.

Яксиха – «вязание на одной спице». На самом деле - вязание крючком.